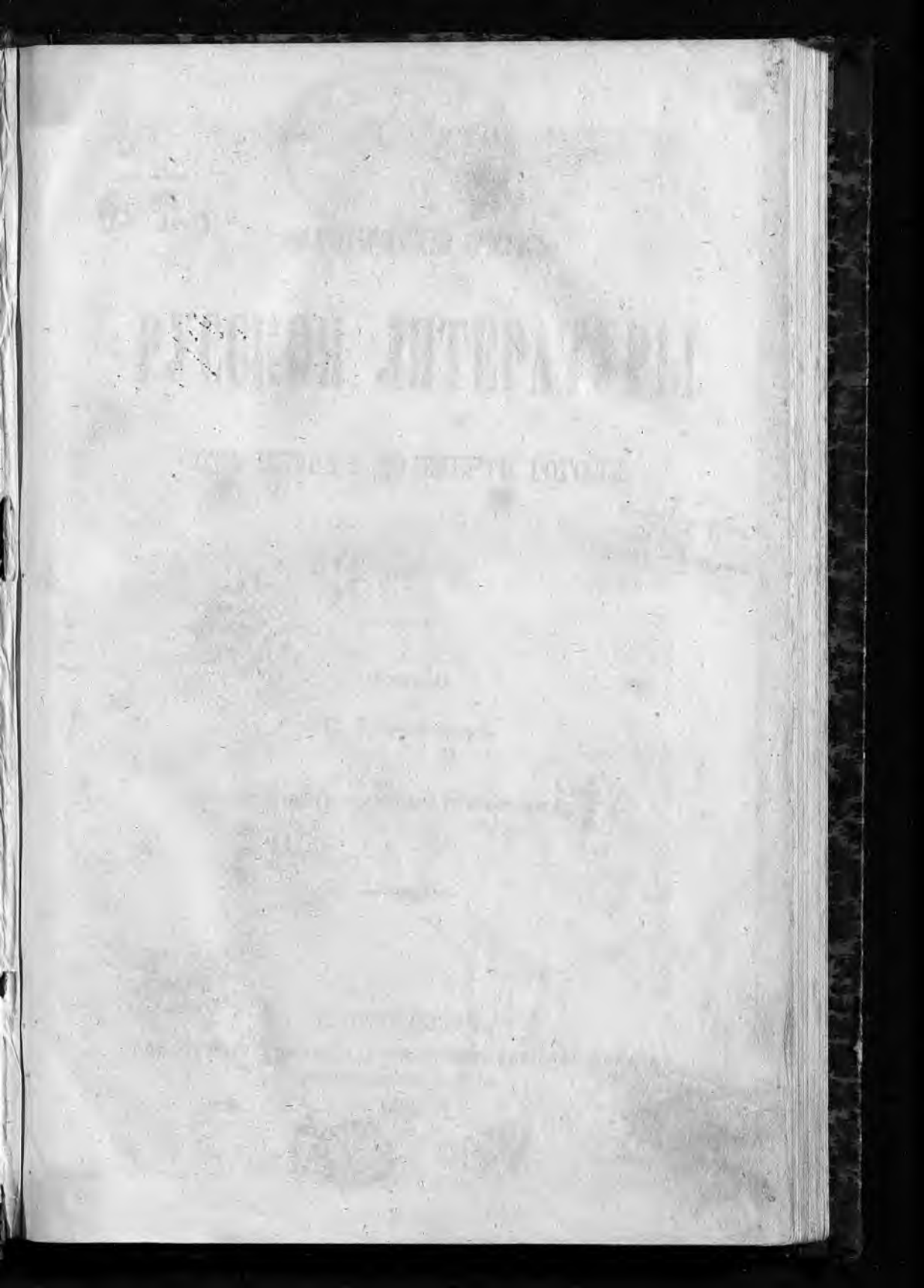
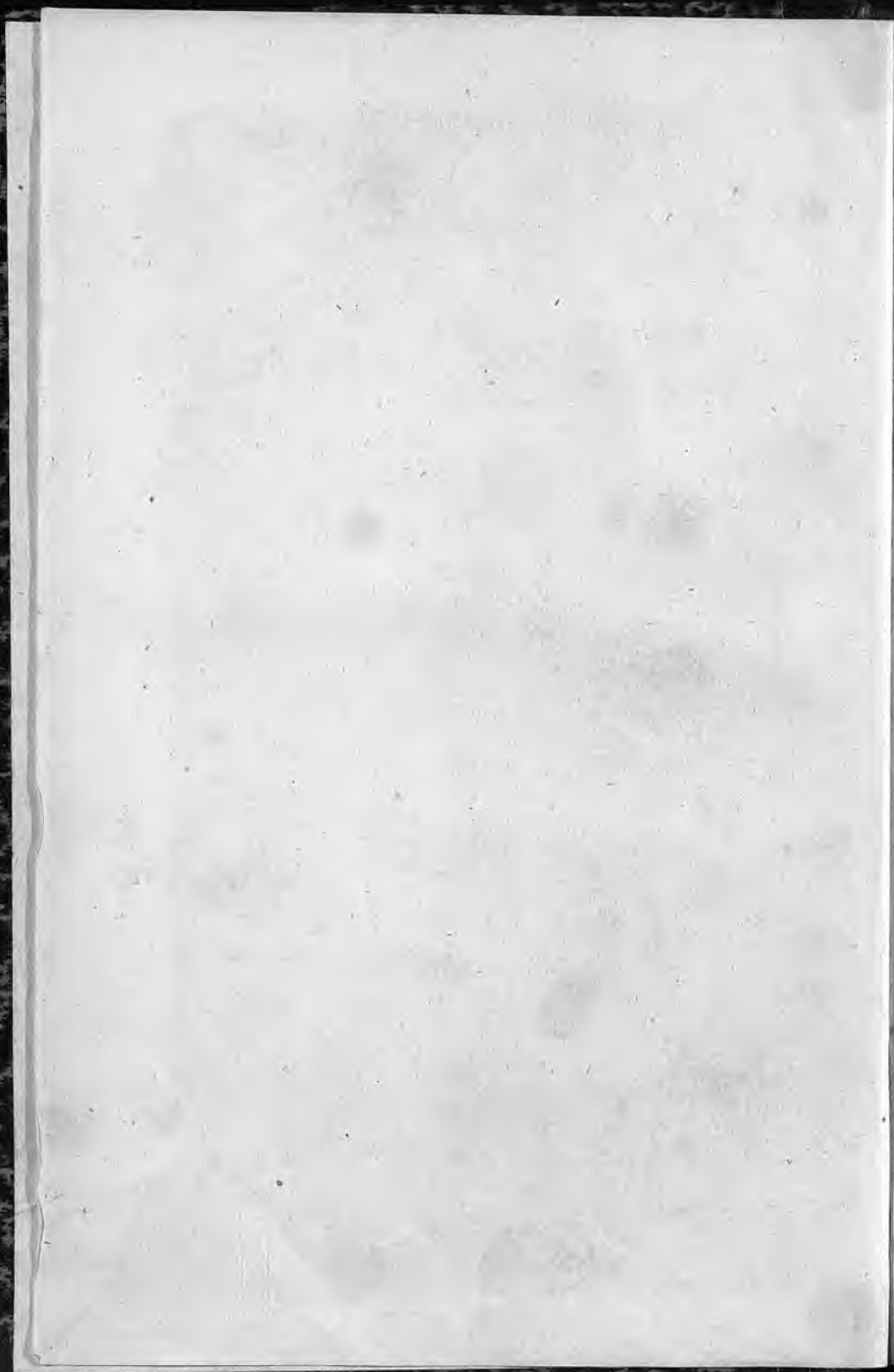

III 197/453

891

Б-92/1/и

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ОТЪ ПЕТРА I ДО СМЕРТИ ГОГОЛЯ.

—
(для учащихся).

~~III~~
~~А. 82~~

—
СОСТАВИЛЪ

С. БУРАКОВСКІЙ.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ НОВГОРОДСКАГО РЕАЛЬНОГО УЧИЛИЩА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

Большая подъяч., д. № 39.

1878.

146 a
x
08

108
1 10-20

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОУЧЕБНИК

ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГА

ОТ ПЕРВА ДО СМЕРТИ ЦАРЯ

~~108~~
~~1 10-20~~

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Октября 1877 года.

108

ИЗДАТЕЛЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1877

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изученіе исторіи литературы можетъ быть плодотворно только при основательномъ знакомствѣ съ содержаніемъ литературныхъ произведеній, и потому, издавая настоящій очеркъ, мы вовсе не имѣли въ виду дать учащимся учебникъ, который они заучивали бы наизусть безъ всякой самостоятельной съ ихъ стороны работы. Подъ руководствомъ преподавателя учащіеся знакомятся съ историческимъ ходомъ отечественной литературы съ помощью всесторонняго разбора образцовъ, предлагаемый же очеркъ есть только конспектъ необходимый какъ для справокъ, такъ и для повторенія пройденнаго курса. Въ составъ очерка вошли какъ главные представители нашей литературы: Ломоносовъ, Карамзинъ, Пушкинъ и Гоголь, такъ равно и второстепенные, произведенія которыхъ даютъ возможность полнѣе представить движеніе литературы въ различные періоды ея развитія.

С. Бураковскій.

Новгородъ,
1-го Октября 1877 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

История России с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Древняя и средневековая Россия. М.: Просвещение, 1989. 480 с. 16 л. ил. ISBN 5-09-001000-0.

© Просвещение, 1989

Москва, 1989 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Преобразовательная эпоха.

Общій взглядъ на два главныхъ періода русской литературы: до Петра и послѣ Петра. — Реформы Петра относительно образованія и просвѣщенія. — Оригинальныя и переводныя сочиненія. — Сподвижники Петра Литературная дѣятельность Ѳеофана Прокоповича и его враги. — Свѣтскіе писатели: Посошковъ и Татищевъ	СТРАН. 1

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ (Ломоносовскій).

Жизнь и сочиненія Кантемира. — Труды Тредьяковскаго по теоріи языка и словесности. — Ломоносовъ какъ главный представитель перваго періода. — Біографія Ломоносова. — Обзоръніе его литературныхъ и ученыхъ сочиненій. — Послѣдователи Ломоносова: Херасковъ, Петровъ, Костровъ и Поповскій. — Эпоха Екатерины II. — Литературныя и педагогическія труды Екатерины, Бецкаго и Дашковой. — Державинъ какъ представитель современной лирики. — Основаніе русскаго театра и Волковъ. — Ложноклассическая драма и литературная дѣятельность Сумарокова. — Представители современной комедіи: Лукинъ, Княжнинъ, Аблесимовъ. — Жизнь и сочиненія Ф. Визина. — Эпическая поэзія и ея представители: Майковъ, Богдановичъ и Хемницеръ. — Журнальная литература и біографія Новикова.	10

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ (Карамзинскій).

Сантиментальныя романы западноевропейской литературы. — Карамзинъ, его жизнь и сочиненія. — Драматическая поэзія: трагедіи Озерова. — Сантиментальная лирика: Дмитріевъ, Мерзляковъ и Нелединскій-Мелецкій. — Путешественники и беллетристы. — Романтизмъ и поэтическая	

дѣтельность Жуковскаго.—Вліяніе классической поэзіи: Батюшковъ и Гнѣдичъ.—Переходъ отъ романтизма къ изображенію русской жизни.— Басни Крылова, Грибоѣдовъ и его комедія «Горе отъ ума». 84

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ (Пушкинскій).

Ал. С. Пушкинъ его жизнь и сочиненія.—Послѣдователи Пушкина: Веневитиновъ, Козловъ, Дельвигъ, Языковъ, Давыдовъ, кн. Вяземскій и Баратынскій.—Поэзія подъ вліяніемъ изученія народной литературы: Цыгановъ и Ершовъ.—Вліяніе Байрона, жизнь и сочиненія Лермонтова, какъ главнаго представителя поэзіи послѣ Пушкина.— Литература романовъ: Лажечниковъ, Загоскинъ, Марлинскій и др.— Литературная критика Пушкинскаго періода.— Жизнь и сочиненія Н. А. Полеваго 127

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ (Гоголевскій).

Н. В. Гоголь, его жизнь и сочиненія.—Поэзія, современная Гоголю: Кукольникъ, Губеръ и Майковъ.—Художественно-народная поэзія и А. В. Кольцовъ.—Послѣдователи Гоголя: Даль, Григоровичъ, Достоевскій и Тургеневъ.—Славянофильское ученіе и его представители: братья Кирѣевскіе, Хомяковъ и К. Аксаковъ.—Вліяніе славянофильскаго ученія на изящную литературу.—Повѣсть Соллогуба «Тарантась».— Западники.—Жизнь и сочиненія Бѣлинскаго.—Другіе представители критики: Сенковскій и Шевыревъ.—Переводные и историко-литературные труды 197

Содержаніе

ЛІТЕРАТУРНО-НАУЧНОЕ СОДЕРЖАНІЕ

Литературно-научное содержаніе

ВВЕДЕНИЕ.

Преобразовательная эпоха.

Общій взглядъ на два главныхъ періода русской литературы: до Петра и послѣ Петра. — Реформы Петра относительно образования и просвѣщенія. — Оригинальныя и переводныя сочиненія. — Сподвижники Петра. — Литературная дѣятельность Феофана Прокоповича и его враги. — Свѣтскіе писатели: Посошковъ и Татищевъ.

Исторію русской литературы можно раздѣлить на два главныхъ періода: древній до Петра и новый — съ Петра и до настоящаго времени. Каждый изъ періодовъ имѣетъ свои отличительныя черты. Литературныя произведенія до петровской эпохи все почти безъ исключенія проникнуты церковно-религиознымъ характеромъ. Одни изъ нихъ объясняютъ священное писаніе и догматы христіанской вѣры, другія проповѣдуютъ нравственность, наконецъ — третьи обличаютъ вѣроисповѣданія, несогласныя съ православіемъ, говорятъ противъ ересей, которыхъ въ Россіи особенно было много въ XIV и XV столѣтіяхъ. Такое направленіе литературы древняго періода обусловливается тогдашнею жизнію, въ которой, подъ влияніемъ историческихъ обстоятельствъ, на первомъ планѣ стояли только религиозныя стремленія; развиваясь отдѣльно отъ общеевропейской цивилизаціи, мы были чужды и тѣхъ разнообразныхъ интересовъ, которые могла бы возбудить въ насъ литература народовъ, далеко опередившихъ насъ по степени своего образования. Отчужденность отъ общеевропейской жизни заставляла нашихъ предковъ сосредоточиваться исключительно на вопросахъ, возбужденныхъ условіями русской жизни, чѣмъ и объясняется духовный характеръ древней нашей литературы. Кромѣ того, писатели въ теченіе всей почти до-

петровской эпохи выходили изъ духовнаго сословія, такъ какъ ему одному доступно было образованіе; что-же касается до массы, то она лишена была возможности посѣщать академіи и школы.

Со вступленіемъ Петра Великаго на престолъ предпринимается обширная реформа: жизнь русскихъ, а за нею и литература мѣняются свое направленіе. Главною задачею реформы было возвысить Россію въ политическомъ отношеніи путемъ скорѣйшаго сближенія съ Западомъ, гдѣ можно было найти образцы для подражанія. Такъ какъ невѣжественность и грубость народа считались главною причиною недостатковъ нашей жизни, то преобразователь и обратилъ серьезное вниманіе на распространеніе просвѣщенія, которое до того времени оставалось для многихъ недоступнымъ. Лучшими средствами къ достиженію цѣли Петръ Великій считалъ: во 1-хъ, учрежденіе школъ и, во 2-хъ, изданіе и распространеніе сочиненій. Петръ смотрѣлъ на науку съ практической точки зрѣнія. Нуждаясь въ людяхъ способныхъ къ той или другой отрасли государственной службы, онъ открываетъ спеціальныя учебныя заведенія, каковы напр.: навигаціонная школа въ Москвѣ и Морская Академія въ Петербургѣ, основанныя съ цѣлью приготовленія молодыхъ людей къ морской службѣ. Собственно для народнаго образованія при Петрѣ ничего не было сдѣлано, такъ какъ цифирная или элементарная школы, благодаря съ одной стороны насильственнымъ мѣрамъ, съ другой невѣжеству общества, еще несознаваемаго необходимости просвѣщенія, не имѣли никакого успѣха и со смертію Петра прекратили свое существованіе. Чтобы болѣе сблизить Россію съ Европой въ умственномъ отношеніи, Петръ В. составляетъ, по совѣту Лейбница, проектъ Академіи Наукъ по образцу западно-европейскихъ учрежденій подобнаго рода. Академія была открыта уже послѣ смерти Петра, въ 1726 году и членами ея были нѣмецкіе ученые, приглашенные правительствомъ. Для болѣе быстраго распространенія необходимыхъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, Петръ Великій не удовлетворился одною типографіею, которая еще раньше его существовала въ Москвѣ, но далъ привилегію голландскому типографщику Тессингу печатать книги свѣтскаго содержанія на русскомъ языкѣ и высылать ихъ въ Россію, ввелъ для удобства новый гражданскій шрифтъ, оставивъ церковный, или славянскій для книгъ религіознаго содержанія. Изъ оригинальныхъ сочиненій петровскаго времени извѣстны были: 1)

Арифметика Магницкаго, 2) Юности честное зеркало и 3) Приклады, како пишутся комплименты разные. Арифметика, составленная Магницкимъ, въ теченіе долгаго времени считалась однимъ изъ самыхъ популярныхъ учебниковъ. По примѣру старинныхъ школьныхъ книгъ авторъ приложилъ къ своему сочиненію вишетьву, изображающую храмъ, въ срединахъ котораго нарисована женщина въ коронѣ и съ влючемъ, олицетворяющая собою арифметику; пять ступеней, ведущихъ къ ней, изображаютъ пять начальныхъ арифметическихъ дѣйствій: счисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе. Храмъ поддерживается колоннами, которыя означаютъ геометрію, стереометрію и другія математическія науки, а внизу надпись: «Арифметика что дѣетъ, на столбахъ то все имѣетъ». Въ началѣ книги Магницкій помѣстилъ длинное витѣватое предисловіе, въ которомъ говоритъ о различіи между человѣкомъ и животнымъ, и разъясняетъ, какую пользу приносятъ человѣку изученіе наукъ вообще и арифметики въ особенности. Подобныя предисловія необходимы были въ то время, такъ какъ наука только что начиналась въ Россіи. Всякій разъ составители учебниковъ должны были доказывать полезность тѣхъ или другихъ знаній, въ важности которыхъ сомнѣвались многіе, еще непонимавшіе просвѣтительнаго значенія науки. Книга «Юности честное зеркало» была издана по повелѣнію Петра Великаго и пользовалась тогда большимъ почетомъ. Сочиненіе отличается дидактическимъ характеромъ: въ немъ заключается рядъ правилъ относительно житейскихъ обхожденій. Но эти правила, какъ и слѣдуетъ ожидать, касаются только одной внѣшности и часто доходятъ до смѣшнаго. Такъ составитель руководства совѣтуетъ юношамъ обрѣзать ногти, не облизывать перстовъ, во время ѣды не чавкать подобно свиньѣ, не дѣлать забора изъ костей вокругъ тарелки, и т. п. Въ «Прикладахъ, како пишутся комплименты», помѣщены образцы писемъ въ различныхъ случаяхъ. Эта книга была изъ числа первыхъ книгъ, напечатанныхъ гражданскимъ шрифтомъ.

Благодаря непосредственному участию Петра Великаго въ дѣлѣ развитія просвѣщенія, литература того времени обогатилась довольно значительнымъ числомъ переводовъ лучшихъ сочиненій иностранныхъ писателей, каковы, напр.: «О законахъ войны и мира»—Гуго Гроція, «Увѣщанія и приклады политическіе»—Юста Липсія, «Введеніе въ исторію европейскихъ народовъ»—Самуила Пффендорфа и другія.

Въ настоящее время переводы эти имѣютъ то значеніе, что представляютъ обильный матеріалъ для знакомства съ литературнымъ языкомъ, господствовавшимъ въ эпоху Петра Великаго. Интересуясь тѣмъ, что происходило на Западѣ, Петръ Великій изыскивалъ всевозможные способы для сближенія общества съ европейскимъ просвѣщеніемъ. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ изданіе газеты «Русскія вѣдомости», чего до того времени не существовало въ Россіи. Извѣстія, которыя прежде помѣщались въ рукописныхъ курантахъ, составившихся изъ посольскихъ донесеній и доступныхъ только для двора, теперь повелѣно печатать для всеобщаго свѣдѣнія. Начало изданія русскихъ вѣдомостей относится къ 1703 году. Газета печаталась въ Москвѣ и состояла изъ двухъ отдѣловъ, въ первомъ печатались извѣстія о русскомъ государствѣ, во второмъ, на подобіе нынѣшней иностранной корреспонденціи, сообщались извѣстія о событіяхъ заграничныхъ. Новое періодическое изданіе расходилось въ количествѣ 1000 экземпляровъ. При Петрѣ-же появился и первый русскій календарь (1708); кромѣ обычныхъ календарныхъ свѣдѣній, въ немъ помѣщены были краткія наставленія о различныхъ болѣзняхъ, о томъ, въ какіе дни каждаго мѣсяца пускать кровь и т. д.

При всей трудности дѣла, предпринятаго Петромъ, ему однакожь удалось привести въ исполненіе часть своихъ плановъ, благодаря тому, что въ обществѣ нашлось нѣсколько людей, понимавшихъ необходимость просвѣщенія въ Россіи. Главнымъ сподвижникомъ Петра въ области литературы является Теофанъ Прокоповичъ, профессоръ богословія и философіи въ Кіевской духовной академіи. Петръ Великій умѣлъ всегда выбирать людей. Посѣтивъ Кіевъ, онъ ознакомился съ Теофаномъ, замѣтилъ въ немъ человѣка талантливаго и съ обширнымъ образованіемъ, и съ учрежденіемъ Св. Синода, назначилъ Теофана Прокоповича вице-президентомъ. Несмотря на то, что школы, въ которыхъ получилъ образованіе Теофанъ, отличались схоластическимъ характеромъ, но такое направленіе школы не повліяло на дальнѣйшую его литературную дѣятельность. Теофанъ всегда оставался врагомъ схоластиковъ, признавалъ ихъ людьми отставшими, проводящими время въ бесполезныхъ умствованіяхъ. Направленіе литературной дѣятельности Теофана Прокоповича лучше всего обнаруживается въ его проповѣдяхъ. Старинная проповѣдь, заключающая въ себѣ разъясненіе общихъ вопросовъ религіи и нравственности,

излагалась обыкновенно витиевато-напыщеннымъ языкомъ, который, изобилуя искусственными метафорами и другими риторическими фигурами, часто не былъ понятенъ для массы. Проповѣдь Теофана Прокоповича въ этомъ отношеніи значительно отличается. Желая ознакомить общество съ реформами, предпринятыми Петромъ, и для большинства непонятными, Теофанъ Прокоповичъ въ своихъ проповѣдяхъ касался какой нибудь реформы Петра и старался разъяснить ея сущность и необходимость для общественнаго благосостоянія. Такое содержаніе проповѣди придавало ей современный интерес, чего мы не замѣчаемъ въ старыхъ произведеніяхъ подобнаго рода. Чтобы скорѣе достигнуть цѣли, Теофанъ Прокоповичъ насколько возможно, старался выражаться яснѣе и проще, избѣгалъ схоластическихъ хитросплетеній и часто свои чтенія приправлялъ значительною дозою юмора, свойственнаго ему какъ малороссу. Теофанъ Прокоповичъ не старался подражать тѣмъ проповѣдникамъ, которые при всякомъ случаѣ выражали свои восторги и чувства, — напротивъ: его проповѣди, или слово всегда отличались спокойнымъ тономъ, такъ какъ цѣлью было не возбудить то или другое впечатлѣніе въ слушателяхъ, а разъяснить имъ значеніе событія, взятаго какъ матеріалъ для проповѣди. Во всѣхъ своихъ словахъ Теофанъ является сторонникомъ просвѣщенія, ратуетъ за преобразованія Петра Великаго, показываетъ пользу и значеніе науки для жизни, и часто употребляетъ всю силу своего юмора, чтобы представить въ смѣшномъ видѣ людей, державшихся обычаевъ старины и смотрѣвшихъ на все новое какъ на что-то еретическое. Кромѣ проповѣдей, Теофану Прокоповичу принадлежить составленіе Духовнаго Регламента, въ которомъ разъясняется сущность и значеніе коллегіальнаго управленія Церковью, введеннаго Петромъ взамѣнъ прежняго патриаршества. Разсмотрѣніе этого труда должно быть отнесено собственно къ исторіи православной Церкви.

Сочувствіе Теофана реформѣ Петра, его постоянно насмѣшливое отношеніе къ людямъ противоположной партіи вызвали къ борьбѣ многочисленныхъ его враговъ. Надо сказать, что большинство духовенства вообще враждебно отнеслось къ преобразованіямъ, видѣло въ нихъ пагубное искорененіе всего стараго, которое для многихъ казалось священнымъ. Многие считали опаснымъ сближеніе русскихъ съ европейскимъ просвѣщеніемъ, сближеніе, за которое такъ настой-

чиво ратовалъ Петръ Великій и его сподвижники. Немудрено, что лица, принадлежавшія къ партіи приверженцевъ старины, враждебно отнеслись и къ дѣятельности Теофана Прокоповича, тѣмъ болѣе что онъ не разъ позволялъ себѣ высказывать неодобрительные отзывы о русскомъ монашествующемъ сословіи. Изъ многочисленныхъ враговъ Теофана Прокоповича особенно выдаются: Маркелль Радышевскій, архимандритъ Юрскаго монастыря; Теофилактъ Лопатинскій и Стефанъ Яворскій, митрополитъ Рязанскій, блюститель патриаршаго престола. Маркелль Радышевскій неодобрительно отозвался о Теофанѣ и назвалъ еретическою книгою букварь, составленный Теофаномъ подъ названіемъ «Первое ученіе отрокомъ», между тѣмъ этотъ букварь былъ принятъ во всѣхъ школахъ и отличался несомнѣнными преимуществами, такъ какъ заключалъ въ себѣ толкованія на молитвы и заповѣди, чего не было въ прежнихъ азбукахъ. Теофилактъ Лопатинскій архіепископъ Тверской, былъ товарищемъ Теофана по школѣ, и они въ одно время состояли преподавателями Кіевской духовной академіи. Но различіе въ убѣжденіяхъ, при одинаковомъ положеніи въ качествѣ членовъ вновь учрежденнаго св. Синода, вызвало ихъ на отчаянную борьбу. Когда Теофанъ, въ 1712 году, написалъ книгу «Иго Господне неудобносимо», то Теофилактъ написалъ возраженіе подъ названіемъ «Иго Господне благо», гдѣ и высказалъ ту мысль, что богословское ученіе Теофана Прокоповича во многихъ случаяхъ отступаетъ отъ православія. Борьба между двумя талантливыми проповѣдниками окончилась печально для Теофилакта Лопатинскаго: по проискамъ Теофана, онъ былъ осужденъ судомъ тайной канцеляріи и посаженъ въ крѣпость. Теофанъ никогда не щадилъ своихъ враговъ и, дѣйствуя съ энергіею, не пренебрегалъ даже дурными средствами, чтобы уничтожить ихъ для торжества своей идеи. Стефанъ Яворскій принадлежалъ къ числу лучшихъ проповѣдниковъ петровской эпохи; но его проповѣди почти всѣ касаются общихъ религіозныхъ вопросовъ, притомъ излагаются по всѣмъ правиламъ школьной риторики, которая, какъ извѣстно, больше обращала вниманіе на форму, чѣмъ на содержаніе. Свое несочувствіе къ преобразованіямъ Петра Яворскій выразилъ въ «Словѣ о храненіи Заповѣдей Господнихъ», сказанномъ по поводу учрежденія фискаловъ. Здѣсь онъ аллегорически подъ видомъ свирѣпаго моря, выступающаго изъ береговъ, изображаетъ насильственный характеръ реформъ, изъ кото-

рыхъ многія, по его мнѣнію, нарушаютъ священныя права закона. Свое нерасположеніе въ дѣятельности Ѳеофана Прокоповича Стефанъ Яворскій выразилъ въ сочиненіи «Камень вѣры», гдѣ, разбирая ученія Лютера и Кальвина, намекаетъ на Ѳеофана, будто бы сочувствовавшаго протестантству.

Изъ числа послѣдователей Ѳеофана Прокоповича, пользовались извѣстностію Гавріиль Бужинскій, переводчикъ многихъ книгъ, Симонъ Кохановскій и Ѳеофилъ Кроликъ. Изъ сочиненій послѣдняго заслуживаетъ особеннаго вниманія слово, сказанное въ Ревелѣ въ день Благовѣщенія. Оно проникнуто обличительнымъ характеромъ. Ѳеофилъ нападаетъ на ханжество и лицемеріе, на наружное благочестіе тѣхъ, которые удаляются въ лѣса подѣ видомъ душевнаго спасенія, а на самомъ дѣлѣ съ цѣлью избѣгнуть службы.

До сихъ поръ мы говорили о лицахъ духовнаго сословія, такъ или иначе писавшихъ о всемъ, что происходило въ эпоху преобразованій. Но, благодаря реформѣ, обратившей вниманіе и на свѣтское образованіе, явилось нѣсколько дѣятелей изъ среды свѣтскихъ людей, которые, воплотивъ сочувствуя идеямъ Петра, въ то же время приобрѣли извѣстность своими учеными трудами. Во главѣ такихъ стоятъ: Посошковъ и Титищевъ. Крестьянинъ села Покровскаго, Иванъ Посошковъ главнымъ образомъ извѣстенъ своею книгою «О скудости и богатствѣ», гдѣ съ большими подробностями изображаетъ картину общественной жизни въ эпоху Петра Великаго. Во всѣхъ сословіяхъ, по его мнѣнію, царитъ малообразованность и невѣжество, мѣшающія установить въ отечествѣ лучшій порядокъ вещей. Обращаясь въ положенію русскаго сельскаго духовенства, бытъ котораго хорошо былъ знакомъ автору, Посошковъ находилъ, что невѣжество этого сословія во многомъ содѣйствуетъ развитію расколовъ и паденію благочестія въ массѣ. Заведеніе училищъ, въ особенности для низшаго духовенства, — вотъ первое средство для достиженія народнаго благосостоянія. Несмотря на то, что Посошковъ, какъ человѣкъ, вышедшій изъ крестьянской среды, лишенъ былъ образованія (что и замѣтно иногда въ его сочиненіи), однако онъ простымъ здравымъ смысломъ глубоко вникъ въ недостатки русской жизни и сумѣлъ высказать много здравыхъ мыслей по поводу различныхъ вопросовъ о государственномъ устройствѣ. Такъ, изобразивъ жалкое состояніе правосудія въ Россіи, Посошковъ предлагаетъ составить новое уло-

женіе, которое было-бы разсмотрѣно и оцѣнено представителями всѣхъ сословій въ государствѣ. Книга «О скудости и богатствѣ» подверглась преслѣдованію со стороны тайной канцеляріи, и авторъ ея, несмотря на всю его честность и любовь къ отечеству, былъ осужденъ и умеръ въ крѣпости въ 1727 году.

Василій Никитичъ Татищевъ (1689—1750) принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которые отправлены были Петромъ для образованія за границу. Вернувшись на родину, Татищевъ посвятилъ себя государственной службѣ, занималъ различныя должности, но въ свободное время продолжалъ заниматься наукою, читалъ сочиненія знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ, какъ то, Гоббеса, Беля, Макіавелли и другихъ. Главнымъ трудомъ Татищева считается его «Россійская Исторія», напечатанная въ пяти томахъ уже послѣ смерти автора. Книга Татищева замѣчательна прежде всего тѣмъ, что была первымъ историческимъ сочиненіемъ, составленнымъ по образцу западно-европейскихъ историковъ того времени. Конечно, сочиненіе Татищева нельзя назвать исторіею въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ ее теперь: оно представляетъ собою сводъ лѣтописныхъ сказаній, снабженный подробными объясненіями, обнаруживающими въ авторѣ основательное знакомство съ историческими матеріалами и съ состояніемъ этой науки на Западѣ. Дѣлая объясненія къ лѣтописи, Татищевъ, между прочимъ, вставляетъ свои замѣчанія относительно различныхъ сторонъ государственной жизни и притомъ часто намекаетъ и на современный ему порядокъ вещей. Такъ онъ вооружается противъ невѣжества тогдашняго общества; смѣется надъ суевѣріемъ, господствующимъ въ немъ и перешедшимъ отъ предковъ; неодобрительно отзывается о тѣхъ проповѣдникахъ, людяхъ стараго убѣжденія, которые, вмѣсто ученія о вѣрѣ Христовой и благонравіи, трактуютъ о какихъ-то преданіяхъ и законахъ, выдуманныхъ ими для собственнаго удовольствія. Въ примѣчаніяхъ Татищевъ не разъ позволялъ себѣ высказывать довольно рѣзкія сужденія о приверженцахъ старины, объ ихъ узкомъ пониманіи религіи и нравственности, и вѣроятно это обстоятельство было причиною того, что авторъ былъ заподозрѣнъ, какъ человѣкъ опасныхъ убѣжденій, и исторія появилась уже послѣ его смерти. Несмотря на то, что трудъ Татищева не былъ собственно исторіею, однако онъ значительно содѣйствовалъ дальнѣйшему успѣху русской исторической науки, тѣмъ болѣе, что

составитель открылъ многіе важныя источники, какъ, напр., «Русскую правду» и Судебникъ Ивана IV, приложивъ къ нимъ обстоятельныя примѣчанія. Изъ другихъ сочиненій Татищева наибольшую извѣстностію пользуется его «Духовная», оставленная сыну и написанная въ 1733 году.—По своей цѣли, это произведеніе отчасти напоминаетъ памятникъ старинной литературы, именно «Домострой» Сильвестра, въ которомъ собраны совѣты о правильномъ образѣ жизни. Безъ сомнѣнія, совѣты Татищева, какъ представителя болѣе образованной эпохи, значительно отличаются отъ домостроевскихъ наставленій, возникшихъ подъ влияніемъ совершенно иныхъ историческихъ условійхъ. Прежде всего Татищевъ обращается къ религіи и совѣтуетъ сыну для основательнаго знанія Закона Божія читать книги, не только относящіяся къ православной вѣрѣ, но и такія, въ которыхъ содержатся разъясненія основъ католицизма и протестантизма, что весьма необходимо тогда, когда приходится вести пренія съ иновѣрцами. Кромѣ Закона Божія, по мнѣнію Татищева, молодому человеку слѣдуетъ изучать: ариметику, геометрію, нѣмецкій языкъ, русскую исторію, законы военные и гражданскіе, знаніе которыхъ необходимо для каждаго, въ особенности для посвятившаго себя государственной службѣ. Характеризуя различныя роды послѣдней, Татищевъ совѣтуетъ сыну быть вѣрнымъ государю и отечеству, и помнить главное правило: «ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣляли, не отрицайся, и на что самъ не называйся». Наставленія относительно обязанностей гражданской службы заставили Татищева коснуться, между прочимъ вопроса о взяточничествѣ, или о лихоимствѣ, какъ его тогда называли. Авторъ завѣщанія отличаетъ взятки отъ вознагражденія, которое получаетъ чиновникъ за правильное рѣшеніе какого нибудь дѣла. Какъ помѣщикъ, Татищевъ въ своемъ завѣщаніи касается вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ. Не сомнѣваясь въ совершенно законномъ существованіи крѣпостнаго права, въ чемъ были убѣждены все образованные люди того времени, Татищевъ однако совѣтуетъ сыну обращать вниманіе на образованіе крестьянъ, чему значительно можетъ помочь образованный сельскій священникъ, обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи настолько, чтобы онъ могъ посвятить себя дѣлу просвѣщенія простаго народа.

ПЕРИОДЪ ПЕРВЫЙ (Ломоносовскій).

Жизнь и сочиненія Кантемира. — Труды Тредьяковскаго по теории языка и словесности. — Ломоносовъ какъ главный представитель перваго періода. — Биографія Ломоносова. — Обзорънне его литературныхъ и ученыхъ сочиненій. — Последователи Ломоносова: Херасковъ, Петровъ, Костровъ и Поповскій. — Эпоха Екатерины II. — Литературные и педагогическіе труды Екатерины, Бецкаго и Дашковой. — Державинъ какъ представитель современной лирики. — Основаніе русскаго театра и Волковъ. — Ложноклассическая драма и литературная дѣятельность Сумарокова. — Представители современной комедіи: Лукинъ, Кляжнинъ, Аблесимовъ. — Жизнь и сочиненія Ф. Визина. — Эпическая поэзія и ея представитель: Майковъ, Богдановичъ и Хемницеръ. — Журнальная литература и биографія Новикова.

Первымъ писателемъ, со времени дѣятельности котораго начинается исторія новой русскаго литературы, былъ Антиохъ Кантемиръ (1709—1744). Сынъ молдавскаго господара, переселившася въ Россію послѣ прутскаго мира, по желанію Петра, Антиохъ Кантемиръ получилъ блестящее образованіе, благодаря отцу, который и самъ былъ извѣстенъ какъ авторъ нѣсколькихъ ученыхъ сочиненій и какъ знатокъ многихъ языковъ. Еще въ дѣтствѣ Кантемиръ, подъ руководствомъ наставника священника Анастасія Кондоиди, изучилъ древніе языки и зналъ ихъ въ совершенствѣ. Кромѣ того, отецъ самъ занимался съ нимъ философіею и математикою. Въ 1723 году Димитрій Кантемиръ умеръ, оставивъ духовное завѣщаніе, въ которомъ назначаетъ своимъ наследникомъ того изъ сыновей, который больше всего успѣетъ въ наукахъ, причемъ указывалъ на младшаго Антиоха, какъ на юношу особенно даровитаго. Отецъ не ошибся въ сынѣ. Съ открытіемъ въ Петербургѣ академіи въ 1726 г., Антиохъ Кантемиръ слушалъ тамъ лекціи нѣмецкихъ ученыхъ и въ томъ же году перевелъ съ французскаго критическое описаніе Парижа и Фран-

цуювъ. Первымъ оригинальнымъ произведеніемъ Кантемира было «Симфонія на псалтырь», трудъ, вызванный, по словамъ самого автора, частымъ изученіемъ псалмовъ Давида. Какъ человѣкъ многосторонняго образованія, Антиохъ Кантемиръ, безъ сомнѣнія, скоро сталъ на сторонѣ той части современнаго общества, которая, понимая вполне значеніе науки, искренне сочувствовала преобразованіямъ Петра и его просвѣтительной дѣятельности. Кантемиръ сближается съ Теофаномъ Прокоповичемъ, какъ съ главнымъ представителемъ реформаціонной эпохи. Когда, по проискамъ князя Голицына, члена верховнаго тайнаго совѣта, наслѣдство въ количествѣ 10 тысячъ душъ перешло къ старшему брату, Антиохъ остался почти безъ всякихъ средствъ и существовалъ только небольшимъ жалованьемъ, которое онъ получалъ по званію офицера преображенскаго полка. Къ этому времени относится стихотвореніе Кантемира въ другу, Теофану Прокоповичу, гдѣ онъ, подъ видомъ овецъ и козлищъ, представилъ двѣ партіи и утѣшалъ друга, что скоро наступитъ для нихъ благодатное время, намекая этимъ на герцогиню Курляндскую Анну Ивановну, которую, какъ извѣстно, рѣшено было пригласить на русскій престолъ. Съ восшествіемъ на престолъ Анны Ивановны, положеніе Кантемира нѣсколько измѣнилось. Императрица наградила его нѣсколькими имѣніями, которыя могли обезпечить его въ матеріальномъ отношеніи. Черезъ посредство князя Черкаскаго, Кантемиръ назначенъ былъ резидентомъ въ Лондонъ и переселился туда въ 1732 году.

Съ этой поры и до самой смерти ему пришлось проводить время въ самыхъ усиленныхъ и разнообразныхъ занятіяхъ, неразлучно соединенныхъ съ дипломатической карьерой. Несмотря на то, Кантемиръ продолжалъ заниматься наукой, которая была для него цѣлью жизни, велъ переписку съ Академіею Наукъ, перевелъ трактатъ «Фонтенели о множествѣ міровъ», изучалъ сочиненія Горация и Анакреона. Черезъ шесть лѣтъ Кантемиръ переведенъ былъ посланникомъ въ Парижъ и, продолжая свои научныя занятія, скоро сближился съ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ ученыхъ, какъ-то: Мопертюи, Монтескье и др. Мопертюи былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ друзей нашего писателя: подъ его руководствомъ Кантемиръ занялся алгеброю, и съ такимъ успѣхомъ, что написалъ по этому предмету цѣлую книгу, оставшуюся въ рукописи. Изучая тѣ произведе-

нія, которыя появлялись тогда на Западѣ. Кантемиръ не переставалъ слѣдить и за тѣмъ, что происходило въ русской наукѣ и литературѣ. Такъ, ему были извѣстны разсужденія Тредьяковскаго и Ломоносова по вопросу о русскомъ стихосложеніи, хотя силлабическій размѣръ сохраненъ былъ Кантемиромъ. Усиленные занятія наукой ослабили и безъ того разстроенный организмъ писателя: онъ сталъ чувствовать боль въ желудкѣ, которая, постепенно усиливаясь, обратилась въ водянку. Несмотря на совѣты врачей и пользованіе минеральными водами, Кантемиръ не вынесъ болѣзни и умеръ въ 1744 году, на 36 году отъ рожденія. Кантемиръ, какъ по образованію, такъ и по образу мыслей принадлежалъ къ числу передовыхъ людей своего времени. Лично знавшій Петра и хорошо понимавшій, къ чему стремился великій преобразователь, онъ совершенно справедливо видѣлъ все спасеніе Россіи въ распространеніи просвѣщенія путемъ науки. Въ одной изъ своихъ сатиръ, рисуя идеаль гражданина, Кантемиръ высказываетъ мысль, что каждый истинный гражданинъ долженъ быть общественнымъ дѣятелемъ, работать для общихъ интересовъ отечества. Зная хорошо, къ чему ведутъ человѣческія страсти, сатирикъ доказываетъ, что каждый человекъ находитъ счастье въ душевномъ спокойствіи, и чтобы удержать страсти, нарушающія спокойствіе, необходимо посвятить себя научной дѣятельности. Находясь всю жизнь въ высшемъ кругу, занимая постъ посла за границей, Кантемиръ тѣмъ не менѣе любилъ жизнь уединенную, именно потому, что она даетъ возможность всецѣло посвятить себя наукѣ и литературѣ.

Кантемиръ извѣстенъ въ исторіи русской литературы прежде всего своими сатирами. Онъ не былъ поэтомъ, произведенія его, написанныя тяжелымъ силлабическимъ размѣромъ, не отличаются художественными достоинствами, но за то въ нихъ заключается много указаній на нравы и состояніе общества, современнаго великой реформѣ, и чрезъ то сатиры Кантемира получаютъ весьма важное историческое значеніе. Тогдашняя русская жизнь давала много матеріала для сатиры. Съ одной стороны стояли ярые приверженцы старины, доведшіе до смѣшнаго обожаніе всего, что напоминало допетровскую Русь съ ея длинными бородами и широкополыми кафтанамъ; съ другой — образовалось и новое поколѣніе, которое съ презрѣніемъ относилось къ обычаямъ предковъ, но само въ свою

очередь, достойно было насмѣшки за нелѣпое подражаніе европейской роскоши и модѣ, изъ-за котораго трудно было усвоить хорошія стороны западной цивилизаціи. Такимъ образомъ, самыя историческія условія — выработали двоякаго рода типы, очень мѣтко и вѣрно изображенные въ сатирахъ Кантемира. Взглядъ на цѣль и значеніе сатиры заимствованъ Кантемиромъ изъ иностранныхъ образцовъ и выраженъ имъ въ предисловіи къ первой сатирѣ. Согласно съ ученіями римскаго поэта Горация и французскаго критика Буало, на сатиру смотрѣли какъ на такой родъ поэзіи, который, осмѣивая въ шуточной формѣ недостатки и пороки людей или какого нибудь общества, въ то же время имѣетъ цѣлью исправить нравы, не упуская изъ виду поученіе. Такъ понималъ сатиру и Кантемиръ, почему у него въ каждомъ произведеніи встрѣчается рядъ нравственныхъ сентенцій, большею частью заимствованныхъ изъ произведеній западныхъ моралистовъ. Всѣхъ сатиръ Кантемира — девять. Онѣ обыкновенно носятъ два названія, изъ которыхъ одно указываетъ на форму сатиры, другое на ея содержаніе. — Писаны онѣ рифмованными стихами силлабическимъ размѣромъ, *основаннымъ на числѣ слововъ*. Съ дѣятельностью Кантемира и прекратилось существованіе силлабическаго стихосложенія, которое занесено было къ намъ изъ Польши, но совершенно не свойственно русской рѣчи, къ которой, какъ извѣстно, грамматическое удареніе не остается постоянно на одномъ и томъ же слогѣ. Осмѣивая многихъ изъ современныхъ лицъ, сатирикъ старался изображать нравы въ болѣе или менѣе загадочной и аллегорической формѣ, такъ что многія мѣста сатиръ были бы для насъ непонятны, если бы самъ авторъ не приложилъ къ нимъ подробныхъ примѣчаній. Не всѣ сатиры Кантемира имѣютъ въ виду представить русское общество: нѣкоторыя изъ нихъ касаются общечеловѣческихъ вопросовъ, какъ, на примѣръ: пятая — на челоуѣческія злонравія вообще и шестая — объ истинномъ блаженствѣ. Прямое отношеніе къ современной русской жизни имѣютъ собственно слѣдующія сатиры: первая «Къ уму моему, или на хулящихъ ученіе» вторая «Филаретъ и Евгенийъ» — на гордость и зависть дворянъ злонравныхъ и затѣмъ сатира подъ названіемъ «Къ солнцу» гдѣ изображаются наипи раскольники. Въ первой сатирѣ Кантемиръ осмѣиваетъ тѣхъ изъ невѣжественныхъ современниковъ, которые, не понимая значенія науки, находили ее вредною для государства. Жи-

выми красками рисуя картину тогдашняго общества, сатирикъ въ то же время изображаетъ и жалкое положеніе писателя, принявшаго на себя всю тягость просвѣтительной миссіи. Несмотря на то, что правительство дѣлалъ рядомъ благотѣльныхъ реформъ старалось насадить въ Россіи просвѣщеніе, оно однакожь весьма туго принималось обществомъ, еще глубоко вѣрившимъ въ преданія стараго времени. Въ образѣ Критона, Сильвана, Луки и Медора сатирикъ и представилъ намъ различныя кружки современнаго общества, разсуждавшіе каждый по своему о вредномъ вліяніи науки. Критонъ-ханка—бранитъ науку за то, что она, по его мнѣнію, ведетъ за собою ереси и расколы, и что чрезъ нее будто-бы среди молодаго поколѣнія появилось неуваженіе къ священному чину, къ различнымъ обрядамъ Церкви. Критонъ возмущенъ свободомысліемъ современниковъ, и во всякомъ ученomъ, готовъ видѣть врага Церкви, совершенно не понимая, что не наука была причиною раскола, а напротивъ—невѣжество. Люди зажиточныя, ищущіе одного лишь матеріальнаго довольства, обвиняли науку какъ такое занятіе, которое не приноситъ человѣку никакой выгоды, не обезпечиваетъ его въ матеріальномъ отношеніи. Сильванъ отрицаетъ пользу математики, астрономіи, химіи, медицины, говоря, что человѣкъ и безъ нихъ можетъ жить въ довольствѣ и приобрести состояніе, о чемъ такъ хлопочутъ всегда люди практическіе. Но такое отношеніе къ наукѣ явно происходитъ отъ непониманія ея сущности, такъ какъ многое, чѣмъ мы пользуемся въ жизни, явилось какъ результатъ науки. Лука любитъ веселое общество, проводящее время въ шарахъ и наслажденіяхъ, и такимъ образомъ онъ непримиримый врагъ науки, разрушающей содружество людей и заставляющей ихъ проводить жизнь въ скучномъ уединеніи. Люди новаго времени высказывали также враждебныя взгляды на науку. Медоръ, усвоивъ внѣшній лоскъ европейской жизни, поклонникъ роскоши и моды, ненавидитъ ученыхъ за то, что они тратятъ много бумаги, которой не хватаетъ ему на завивку волосъ. Для него фунтъ хорошей пудры дороже всѣхъ сочиненій Сенеки и тому подобныхъ философовъ.

Если общество такъ относится къ наукѣ, то людямъ ученымъ приходится только молчать, не приводя никакихъ возраженій. Хотя умъ и говоритъ сатираку, что сужденія какихъ нибудь щеголей или ханжей не законъ для людей ученыхъ, но сатирикъ видитъ, что вра-

говъ науки слишкомъ много, и снова обращается къ изображенію ихъ. Большинство людей, занимающихъ ту или другую должность, думаютъ, что все дѣло во видѣности. Предъ нами является сначала епископъ. Онъ надѣваетъ на себя рясу, покрываетъ голову клобукомъ, а брюхо бороною и, гордо развалившись въ креслѣ, слегка благословляетъ проходящихъ, воображая, что въ этомъ-то и заключена вся сила. Наука ему кажется бесполезною, такъ какъ и безъ нея можно получать доходы, на которыхъ, по его мнѣнію, зиждутся лучшія права Церкви. Далѣе сатирикъ, изобразивъ еще судью, который отрицаетъ необходимость науки для того, чтобы нажить, снова обращается къ своему уму, совѣтуя ему молчать и, во избѣжаніе злой хулы, заниматься наукой въ уединеніи, въ тиши кабинета.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Кантемиръ, какъ человѣкъ просвѣщенный, прямо обратился къ вопросу о наукѣ, такъ какъ она впервые являлась у насъ тогда цивилизующею силою, благодаря сношеніямъ съ Западной Европой. Изучая современную русскую жизнь, Кантемиръ въ то же время замѣчалъ, какое вліяніе оказывала на нее реформа Петра, и все, что подмѣчалъ, изображалъ въ своихъ сатирахъ. Вторая сатира состоитъ изъ разговора двухъ лицъ, изъ которыхъ одно (Филаретъ) изображаетъ человѣка добродѣтельнаго, а другое (Евгеній) человѣка стремящагося къ чинамъ и почестямъ и гордящагося знаменитостію своихъ предковъ. Евгенийъ злится на то, что теперь есть люди, которые возвышаются несмотря на свое низкое происхожденіе. Здѣсь сатирикъ явно осмѣиваетъ недовольныхъ табелью о рангахъ, которою Петръ хотѣлъ возвысить личные заслуги каждаго, а не родовыя отличія.

Хотя сатиры Кантемира не были напечатаны при его жизни, однако онъ пользовался извѣстностью въ рукописяхъ въ обществѣ того времени. Несмотря на то, что литературный языкъ былъ еще не обработанъ, изобиловалъ многими недостатками, Кантемиръ однако сумѣлъ придать интересъ своимъ произведеніямъ. Изображая картину современныхъ нравовъ, сатирикъ тѣмъ самымъ облизилъ поэзію нашу съ жизнью, указавъ ей дальнѣйшее направленіе, а это уже не маловажная заслуга для развитія нашей литературы. Съ именемъ Тредьяковскаго всегда соединяли имя бездарнаго стихотворца и при этомъ забывали о тѣхъ заслугахъ, которыя онъ оказалъ, какъ авторъ ученыхъ сочиненій и переводчикъ. Безъ со-

миѣнія, его пѣвическія творенія, подобныя безсмертной «Телемахидѣ», ниже всякой посредственности и объясняются только какою-то болѣзненною страстью съ стихоплетству, которою всю жизнь былъ зараженъ ихъ авторъ. Тредьяковскій писалъ и поэмы, и драмы, оставилъ массу мелкихъ стихотвореній, но все это не можетъ и войти въ исторію нашей литературы. Сынъ приходскаго священника въ Астрахани, В. К. Тредьяковскій (1703 — 1769) воспитывался сначала въ духовномъ училищѣ, а потомъ въ Московской духовной Академіи. Все время ученія Тредьяковскій обнаруживалъ необыкновенное трудолюбіе. Въ 1726 г. онъ бѣжалъ изъ Москвы за границу и прибылъ въ Парижскій университетъ, гдѣ и достигъ окончательнаго усовершенствованія въ наукахъ. Тамъ онъ началъ и свою литературную дѣятельность переводомъ сочиненія «Взда въ островъ Любви», въ которомъ аллегорически изображается пріятная и опасная сторона любви. По возвращеніи изъ-за границы, Тредьяковскій назначенъ былъ сначала переводчикомъ при Академіи Наукъ, а потомъ ординарнымъ профессоромъ Россійскія и Латинскія элоквенціи. — Изъ ученыхъ сочиненій Тредьяковскаго извѣстны: 1) Разсужденіе о древнемъ, среднемъ и новомъ стихосложеніи Россійскомъ; 2) Новый и краткій способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ; 3) Разговоръ между чужестраннымъ человѣкомъ и Россійскимъ объ ортографіи старинной и новой; 4) Разсужденія объ эпической поэмѣ; 5) Разсужденіе объ одѣ; 6) Разсужденіе о комедіи вообще. Мы видимъ, что сочиненія Тредьяковскаго относятся къ области теоріи изыска и словесности и касаются самыхъ важныхъ вопросовъ. Тредьяковскій первый научнымъ образомъ объяснилъ сущность тоническаго стихосложенія, основаннаго на удареніи, и подтвердилъ свои выводы примѣрами изъ народной поэзіи, что весьма замѣчательно для того времени, когда многіе не подозрѣвали даже и существованія народной литературы. Въ теоріи поэзіи Тредьяковскій высказалъ много такихъ мыслей, которыя впоследствии вошли въ учебники и теперь сдѣлались достояніемъ всякаго. Онъ не соглашался съ французскимъ критикомъ Буало, что поэзія есть искусство писать стихи, подражая природѣ, и утверждалъ, что поэзія и писаніе стиховъ — двѣ вещи совершенно различныя. По миѣнію Тредьяковскаго поэтъ тотъ, кто творитъ, т. е. изображаетъ жизнь не такъ, какъ она есть, а идеализируетъ ее сообразно съ законами творчества. Такое опредѣленіе поэтическихъ сочиненій, встрѣ-

чающееся теперь въ каждомъ руководствѣ, въ то время было новостью, которая во всякомъ случаѣ возвышаетъ значительно ученую дѣятельность Тредьяковскаго. Странно только то, что, хорошо понимая различіе между писаніемъ стиховъ и поэзіею, Тредьяковскій все-таки продолжалъ писать свои безобразные вирши, не подозревая, что это унижаетъ его достоинство какъ человѣка образованнаго и ученаго. Въ сочиненіи своемъ объ орѳографій Тредьяковскій, разбирая подробно весь славянскій алфавитъ, приходитъ къ тому заключенію, что правописаніе должно быть основано не на этимологіи или обыкновеніи, а на произношеніи. Несмотря на ложный выводъ, къ которому пришелъ авторъ разсужденія, онъ однакожъ высказалъ нѣсколько дѣльных замѣчаній о раздѣленіи твердыхъ и мягкихъ согласныхъ, о слитномъ употребленіи предлоговъ съ мѣстоименіями и именами, и о другихъ вопросахъ, касающихся русской орѳографій. Что касается до личности Тредьяковскаго, то онъ всегда подвергался насмѣшкамъ. Еще Сумароковъ вывелъ его въ своей комедіи «Трескотиніусъ», гдѣ поднялъ на смѣхъ его орѳографическую теорію, а въ послѣдствіи извѣстный нашъ романистъ Лажечниковъ, въ своемъ романѣ «Ледяной домъ», представилъ то жалкое положеніе, которое занималъ Тредьяковскій въ качествѣ придворнаго шиты. Грубыя отношенія къ нему Волинскаго не столько унижаютъ стихотворца, сколько обличаютъ вообще ту невѣжественную эпоху, когда положеніе каждаго писателя представлялось далеко не отраднѣмъ, какъ писалъ объ этомъ и Кантемиръ.

Главнымъ представителемъ литературы и просвѣщенія петровской эпохи является Ломоносовъ, дѣятельность котораго образуетъ собою цѣлый періодъ, и вызываетъ многихъ подражателей, какъ въ литературѣ, такъ и въ наукѣ. Необыкновенное разнообразіе его дѣятельности объясняется характеромъ времени: цѣлью Ломоносова было дать образцы различныхъ родовъ сочиненій, обработать русскій языкъ, находившійся въ хаотическомъ состояніи, положить начало науки въ томъ видѣ, какъ она создавалась въ его время на Западѣ. Заслуги Ломоносова какъ просвѣтителя вообще не менѣе важны, чѣмъ и его многочисленные труды по части литературы и науки.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ родился въ 1711 году, въ деревнѣ Денисовкѣ, Холмогорскаго уѣзда Архангельской Губерніи. Отецъ его былъ поморъ. Такъ называются жители прибрежныхъ областей

Благо моря, занимающіеся преимущественно рыбною ловлею. Еще въ дѣтствѣ Ломоносовъ ѣзжалъ съ отцомъ на Бѣлое море, гдѣ знакомился со многими явленіями сѣверной природы, о которыхъ впоследствии написалъ нѣсколько ученыхъ трактатовъ. Отецъ Ломоносова, какъ человѣкъ совершенно необразованный, не обращалъ никакого вниманія на воспитаніе сына, считая ученье — дѣломъ бесполезнымъ. Но, несмотря на это страсть къ наукѣ обнаружилась рано въ Ломоносовѣ. Онъ скоро выучился церковной грамотѣ у сельскаго дьячка и считался лучшимъ чтеніемъ во всемъ окологдѣ. Первыми книгами, которыя Ломоносовъ съ жадностью изучалъ, были: Славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, Ариметика Магницкаго и Псалтырь, переложенный стихами Симеономъ Полоцкимъ. Еще въ дѣтствѣ обнаруживалась не разъ необыкновенная пылливость Ломоносова. Можетъ быть подъ влияніемъ этого свойства ума, онъ увлекся расколомъ, въ то время существовавшимъ въ сѣверномъ поморьи. Занятія сына книгами пришлось не по нраву отцу и особенно матери, которая постоянно вооружала мужа противъ пасынка, называя его лѣнтяемъ и дармождомъ. Съ одной стороны, упреки и притѣсненія родителей, съ другой — жажда знанія и страсть къ наукѣ заставили Ломоносова бѣжать изъ отцовскаго дома.

Въ 1731 году онъ приходитъ пѣшкомъ въ Москву, и поступаетъ сначала въ школу при Сухаревой башнѣ, а потомъ въ знаменитую тогда Славяно-Греко-Латинскую Академію. Въ академіи господствовала схоластическая наука, ученики упражнялись въ составленіи сочиненій по опредѣленной методѣ, изучали богословіе, философію, диалектику и риторику. Хотя Ломоносовъ и не особенно сочувствовалъ схоластической наукѣ, однако она оказала влияніе на его послѣдующую литературную дѣятельность, которая замѣтно отличалась риторическимъ направленіемъ. Поступивъ въ академію безъ всякой подготовки, не зная ни одного языка, Ломоносовъ, благодаря своей гениальности и неимоверному терпѣнію, скоро усвоилъ академическій курсъ и даже превзошелъ многихъ изъ своихъ товарищей. Когда Ломоносовъ находился въ философскомъ классѣ, изъ Петербургской Академіи Наукъ пришло требованіе выслать 12 лучшихъ учениковъ для слушанія академическихъ лекцій. Въ числѣ этихъ двѣнадцати отправленъ былъ и Ломоносовъ. Но не долго ему пришлось оставаться въ Петербургѣ: академическое начальство, нуждаясь

въ химикѣ, свѣдушемъ и въ горномъ дѣлѣ, для отправленія въ ученое путешествие по Сибири, постановило послать трехъ студентовъ за границу; и вотъ Ломоносовъ вмѣстѣ съ двумя другими студентами отправляется въ Марбургъ, славившійся тогда своимъ университетомъ, и тамъ продолжаетъ изучать науки подъ руководствомъ ученаго Вольфа. Разгульная жизнь тогдашняго нѣмецкаго студенчества повліяла значительно на образъ жизни Ломоносова. Онъ сталъ кутить, и такъ, какъ казеннаго содержанія не хватало, то принужденъ былъ войти въ долги. Но разгульная жизнь не мѣшала Ломоносову усиленно заниматься дѣломъ: онъ въ короткое время такъ хорошо овладѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, что писалъ на немъ въ академію отчеты о своихъ научныхъ занятіяхъ. Профессоръ сообщалъ подробныя свѣдѣнія о жизни русскихъ студентовъ и въ каждомъ письмѣ отзывался съ похвалою о Ломоносовѣ, удивляясь его способностямъ. Изъ Марбурга Ломоносовъ перебрался въ Фрейбургъ для практическаго изученія рудниковъ, но столкновенія съ горнымъ совѣтникомъ Генкелемъ заставили его вернуться обратно. Въ 1740 году онъ женился на дочери портного Генриха Цильха, бывшаго церковнымъ старшиной и членомъ городской думы, и затѣмъ въ скоромъ времени отправился въ Петербургъ по предписанію академическаго начальства, которое на путевыя издержки выслало ему вековое въ сто рублей. Въ 1742 году Ломоносовъ, по просьбѣ, поданной имъ на Высочайшее имя, опредѣленъ былъ адъюнктомъ физики съ жалованьемъ въ 360 руб. въ годъ. Съ этого времени началась академическая дѣятельность Ломоносова и вмѣстѣ съ тѣмъ и борьба, которую ему пришлось вести за науку и просвѣщеніе русскихъ. Академія Наукъ, основанная Петромъ, находилась тогда въ рукахъ Шумахера, чловѣка, дѣятельность котораго была далека отъ цѣлей просвѣтительныхъ. Ломоносовъ, хорошо зная намѣренія Петра при основаніи такого учрежденія, какъ Академія, видѣлъ, что эти намѣренія не выполняются, что Академія не преслѣдуетъ образовательныхъ цѣлей; не содѣйствуетъ развитію просвѣщенія среди русскихъ, что имѣлъ въ виду ея основатель, и вся состоитъ изъ нѣмцевъ, которымъ въ большинствѣ случаевъ не могли быть извѣстны потребности русскаго общества. Сочувствуя идеямъ Петра просвѣтить Россію, Ломоносовъ во имя этихъ идей рѣшается вступить въ борьбу съ Шумахеромъ и другими членами Академіи. Много пришлось вытерпѣть Ломоносову отъ этой

*

борьбы, такъ какъ пришлось ее вести одному противъ многочисленныхъ враговъ, но онъ съ твердостью все переносилъ, вполне убѣжденный въ справедливости своихъ требованій. Назначенный въ 1745 году профессоромъ химіи, онъ хлопочеть объ устройствѣ при Академіи химической лабораторіи, въ цѣломъ рядѣ донесеній заявляетъ о ея необходимости и только по прошествіи трехъ лѣтъ достигаетъ исполненія прозвта. Въ теченіе всей своей жизни Ломоносовъ обращалъ вниманіе на улучшение Академіи и въ особенности состоявшихся при ней университета и гимназій. Эти учрежденія существовали только по имени, не давали никакихъ результатовъ, находясь подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ канцелярій, не заботившейся вовсе объ учебныхъ дѣлахъ. Ломоносовъ послѣ долгихъ усилій добился того, что учебные департаменты отдѣлены были отъ канцелярій и ввѣрены его распоряженію. Хорошо понимая, что главная задача Академіи расширять предѣлы различныхъ знаній, онъ въ то же время справедливо полагалъ, что распространеніе наукъ въ Россіи возможно только тогда, когда Академія обратитъ вниманіе на увеличеніе числа образованныхъ русскихъ людей. Вступивъ въ управленіе учебными заведеніями, Ломоносовъ составляетъ нѣсколько проектовъ, гдѣ предлагаетъ увеличить число учениковъ гимназій прежде весьма ограниченное, дать право обученія дѣтямъ податнаго состоянія, составить правила для учащихся, поручить каждому наставнику представить краткій конспектъ своего предмета. Всѣ проекты Ломоносова вызывали противодѣйствіе со стороны нѣмецкой партіи, которая сквозь пальцы смотрѣла на образованіе русскихъ и даже считала ихъ часто неспособными къ научной дѣятельности. Искренній патриотизмъ Ломоносова не могъ допустить подобной мысли: цѣль всей жизни этого неутомимаго дѣятеля была наука и ея распространенія въ Россіи и понятна та раздражительность, съ какою онъ часто вооружался противъ притязаній нѣмецкой партіи во главѣ съ Шумахеромъ, и позволялъ себѣ рѣзкіе отзывы объ ученой дѣятельности Миллера и Шлецера, труды которыхъ пользовались извѣстностью въ ученномъ мірѣ. Ломоносовъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ графа Шувалова, одного изъ образованныхъ русскихъ людей временъ Елизаветы Петровны. По мысли этихъ двухъ дѣятелей, основанъ былъ въ 1755 году университетъ въ Москвѣ. Въ отношеніяхъ къ Шувалову, Ломоносовъ всегда оставался человекомъ независимымъ, и никогда не

обнаруживалъ лести, свойственной тому вѣку. Ломоносовъ до конца жизни былъ яркимъ борцомъ за науку и просвѣщеніе, и неизмѣнилъ своему убѣжденію, несмотря на массу препятствій и на многочисленность своихъ враговъ. «Я бы охотно молчалъ, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ къ Теплову, и жилъ въ покоѣ, да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодоленію всѣхъ препятствій въ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей дороже. За общую пользу, а особливо за утверженіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего родного возстать за грѣхъ не ставлю. Я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до проба моего съ непріятелями наукъ російскихъ бороться, какъ уже борюсь 20 лѣтъ (писано въ 1761 году) стоялъ за нимъ смолоду, на старость не покину». Въ этихъ словахъ вполне выразился характеръ Ломоносова и направленіе всей его просвѣтительной дѣятельности.

Сочиненія Ломоносова главнымъ образомъ распадутся на два отдѣла: сочиненія литературныя и ученныя. Литературная дѣятельность Ломоносова началась еще во время пребыванія его въ Марбургскомъ университетѣ. Въ 1739 году онъ, подражая нѣмецкому поэту Гюнтеру, написалъ оду «На взятіе Хотина», гдѣ высокимъ слогомъ прославилъ побѣду русскаго оружія надъ турками. Лирическая поэзія Запада, современная Ломоносову и преимущественно французская, отличалась такъ называемымъ ложноклассическимъ направлениемъ, возникшемъ вслѣдствіе изученія произведеній классическихъ поэтовъ. Преобладающимъ родомъ поэзіи была ода, какъ выраженіе восторженнаго чувства поэта, при воспѣваніи какого нибудь важнаго событія. Французская критика, во главѣ которой стоялъ тогда Буало, составила цѣлый рядъ правилъ, заимствуя ихъ изъ образцовъ греческой и римской поэзіи. — Вслѣдствіе установленныхъ правилъ, поэзія получила риторическій характеръ, лишена была свойственной ей простоты и естественности, стихотворенія стали наполняться массою мнѣстическихъ именъ вмѣсто обыкновенныхъ названій предметовъ и всегда означались высокопарнымъ слогомъ. Ломоносовъ усвоилъ теорію французскихъ критиковъ и совершенно незнакомый съ произведеніями національнаго творчества, притомъ человекъ, занимавшійся поэзіею совершенно случайно, не могъ разумѣться пригать

ей самостоятельнаго характера:—потому его литературныя произведенія получили ложноклассическое направленіе съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ установленныхъ старинной риторикой. Ломоносовъ былъ пѣвцомъ Елизаветы Петровны, во всѣхъ почти одахъ онъ съ восторгомъ прославляетъ ея царствованіе, и при этомъ выражаетъ свой патриотизмъ, такъ какъ съ воцареніемъ дочери Петра падаетъ въ Россіи нѣмецкій элементъ и возвышаются русскіе люди, подобныя Воронцову, Шувалову и другимъ. Прославленіе Елизаветы, Петра Великаго, мысли о необходимости науки для русскихъ, — вотъ предметы, которые входятъ въ содержаніе лирической поэзіи Ломоносова. Въ одахъ стихотворецъ соблюдаетъ всѣ правила, установленныя риторикой: онъ изложенъ высокимъ слогомъ, состоявшимъ изъ славянскихъ оборотовъ и выраженій, наполнены именами мифическихъ боговъ и богинь, обставлены всевозможными риторическими фигурами, какъ напр.: фигуры вопрошанія, восклицанія и др. Хотя Ломоносовъ и не былъ поэтомъ по призванію, но въ его одахъ мы встрѣчаемъ выраженіе искреннаго поэтическаго чувства, когда онъ воспѣваетъ картины природы, или говоритъ о задушевномъ своемъ предметѣ—о наукѣ. Изъ его небольшого стихотворенія «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ», гдѣ простымъ языкомъ нарисована картина сѣвернаго сіянія, видно что Ломоносовъ не только понималъ природу, благодаря своей учености, но и умѣлъ относиться къ ней съ чувствомъ глубокаго воодушевленія, искренне восторгаясь при созерцаніи ея поэтическихъ картинъ. Ломоносовъ смотрѣлъ на оду какъ на самое лучшее средство проводить въ общество мысли о наукѣ какъ о предметѣ совершенно новомъ для него. Лучше всего эти мысли выражены имъ въ VIII похвальной одѣ, написанной въ 1747 г. на день восшествія на престолъ Елизаветы Петровны. Здѣсь писатель, изобразивъ богатство физической природы Россіи, ея обширныя земли, указываетъ будущимъ русскимъ ученымъ на задачу ихъ дѣятельности—роспространить науку и просвѣтить ея свѣтомъ отдаленныя страны своего отечества.

Къ литературнымъ сочиненіямъ Ломоносова относятся еще двѣ трагедіи: 1) «Тамара и Селимъ», гдѣ изображается гибель Мамаю; 2) «Демонфонтъ» заимствованная изъ преданій о Троянской войнѣ, героическая поэма Петръ Великій (неоконченная), и дидактическое стихотвореніе въ формѣ посланія къ Шувалову о пользѣ стекла. Тра-

содержаніе
ломоносова
и т. д.

гедии Ломоносова лишены драматизма и далеко ниже произведений других современных ему писателей, писавших в духъ ложноклассическаго направления. Письмо о польдъ стекла можно считать образцовымъ сочиненіемъ въ ряду дидагическихъ произведеній того времени. Въ немъ авторъ высказываетъ нѣсколько дѣльныхъ мыслей о наукѣ вообще, объ изученіи природы, объ умноженіи запаса научныхъ знаній, благодаря изобрѣтенію микроскопа и телескопа, которые дали возможность людямъ ученымъ совершить много открытій и узнать то, что прежде было почти или совершенно недоступно. Къ литературнымъ же сочиненіямъ Ломоносова относятся также два похвальныхъ слова Елизаветѣ и Петру. Форма слова была въ то время распространена и Ломоносовъ пользовался ею даже и для научной дѣли. Литературныя сочиненія Ломоносова не столько замѣчательны по своему внутреннему достоинству, сколько своимъ языкомъ, давшимъ образцы новаго литературнаго слога. Языкъ сочиненій, предшествовавшихъ Ломоносову, представлялъ смѣсь элементовъ русскаго и славянскаго съ примѣсь словъ иностранныхъ, въ особенности вошедшихъ въ употребленіе со времени петровской реформы. Ломоносовъ какъ своими теоретическими сочиненіями, такъ и образцами поэтическими указалъ границы употребленія русскаго и славянскаго рѣчи. Что касается до синтаксическаго строя языка, то Ломоносовъ сохранилъ преимущественно периодическую рѣчь, которая напоминаетъ собою латинскую конструкцію и вовсе не свойственна русскому языку по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ее напр. въ похвальныхъ и ученыхъ словахъ Ломоносова. Вотъ для образца начало похвальнаго слова Елизаветѣ Петровнѣ:

«Есть-ли бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели, въ который подѣ благословенною державою всемілостивѣйшія государыни нашей покоящихся многочисленныя народы торжествуютъ и веселятся о преславномъ Ея на всероссійскій престолѣ восшествіи, возможно было намъ радостію восхищеннымъ вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго Ея владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца непрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованемъ Елизаветы: коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось! Безъ сомнѣнія такой строй

рѣчи отличается риторическою искусственностью, которая однако господствовала у нас долгое время въ прозаическомъ языкѣ, которой слѣдовалъ и Ломоносовъ, выразившійся въ обыкновенныхъ письмахъ совершенно другимъ языкомъ. Обычай, разъ установленный на долго сохраняется въ литературѣ, пока не найдется талантливый писатель и своими произведениями не укажетъ новаго пути для развитія литературнаго слога.

Ученныя труды Ломоносова распадаются главнымъ образомъ на два отдѣла: сочиненія по теоріи языка и словесности и сочиненія по наукамъ естественнымъ. Къ первому отдѣлу принадлежатъ: 1) Риторика, 2) Россійская грамматика, 3) Разсужденіе о пользѣ чтенія книгъ церковныхъ и 4) Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства. Риторика во времена Ломоносова считалась однимъ изъ главныхъ предметовъ общеобразовательнаго курса. По словамъ автора, высказаннымъ имъ въ предисловіи къ своему труду, риторика состоитъ въ познаніи нужныхъ правилъ, которыя показываютъ подлинный путь къ краснорѣчію. Риторика указываетъ такимъ образомъ средства, съ помощію которыхъ можно придать слогу краснорѣчіе, устанавливать схему, или планъ, по которому должна быть развита данная тема, и подтверждаетъ все это примѣрами изъ сочиненій древнихъ и новыхъ писателей. Учебникъ риторики Ломоносова раздѣляется на 3 части: изобрѣтеніе, украшеніе и расположеніе. Подъ изобрѣтеніемъ разумѣется собраніе разныхъ идей, касающихся даннаго предмета; вторая часть учитъ о томъ, какъ изобрѣтенныя идеи выразить приличнымъ слогомъ, какъ усвоить чистоту и велокольше слога; сюда входитъ разборъ такъ называемыхъ риторическихъ фигуръ, или тропей, какъ-то: метафоры, синекдохи, метонимии, парафразиса, гиперболы и другихъ. Третья часть разсматриваетъ различные способы приведенія идеи въ опредѣленный порядокъ и излагаетъ ученіе о хриіи или о тѣхъ логическихъ категоріяхъ (приступъ, причина, противное, подобіе) по которымъ должно быть расположено разсужденіе о томъ или другомъ предметѣ. Риторика Ломоносова, замѣчательная систематическимъ и яснымъ изложеніемъ и снабженная массою прекрасныхъ примѣровъ, по справедливости считалась лучшимъ руководствомъ и служила источникомъ для составленія подобныхъ учебниковъ, пока эта наука была предметомъ преподаванія въ нашихъ школахъ. Не менѣе риторики замѣчательна и Россійская граммати-

ка, составленная Ломоносовымъ. Труды по этой наукѣ Мелетія Смотрицкаго и Адаурова касались преимущественно языка славянскаго притомъ значительно уже устарѣли для того времени, и потому сочиненіе Ломоносова было единственнымъ въ своемъ родѣ. Ломоносовъ подробно объяснилъ значеніе и задачи грамматики, этимологическій составъ частей рѣчи и далъ такія опредѣленія, которыя и теперь повторяются въ руководствахъ безъ всякаго измѣненія. Воспитываясь въ духовной академіи, Ломоносовъ основательно изучилъ языкъ Славянскій и въ своемъ разсужденіи «о пользѣ книгъ церковныхъ» показалъ какое значеніе онѣ имѣютъ для литературнаго слога. Этотъ послѣдній, по его мнѣнію, долженъ быть раздѣленъ на 3 рода: высокій, средній и низкій. Высокій слогъ состоитъ изъ выраженій, употребительныхъ какъ въ славянскомъ такъ и въ русскомъ языкѣ, при чемъ большее преимущество должно быть оказано элементу славянскому. Средній слогъ или штиль долженъ состоять изъ словъ больше употребительныхъ въ языкѣ русскомъ, славянскія слова хотя и могутъ входить въ этотъ слогъ, но надо соблюдать, чтобы рѣчь не выходила напыщенною. Низкій слогъ заключается въ употребленіи словъ и выраженій, которыхъ совершенно нѣтъ въ языкѣ славянскомъ. По словамъ Ломоносова русскіе должны изучать славянскій языкъ какъ потому, что на немъ написаны священныя книги, такъ и потому, что изученіе его удерживаетъ насъ отъ употребленія такихъ иностранныхъ словъ, которыя часто искажаютъ красоту нашего слога. Вопросъ о стихосложеніи, поднятый и разясненный подробно Тредьяковскимъ былъ рѣшенъ на практикѣ Ломоносовымъ. Его произведенія написаны уже тоническимъ размѣромъ, согласіе котораго съ духомъ русскаго языка объяснено въ письмѣ о правилахъ російскаго стихотворства, присланномъ въ академію одновременно съ одою на взятіе Хотина.

Хотя научныя сочиненія Ломоносова не входятъ собственно въ исторію литературы, но мы должны остановиться на нихъ, такъ какъ этими трудами Ломоносовъ оказывалъ несомнѣнное вліяніе на развитіе нашего просвѣщенія вообще, приготовилъ нѣсколько учениковъ, которые продолжали дѣло своего учителя и тѣмъ самымъ способствовали развитію науки въ Россіи. Ломоносовъ прежде всего естествоиспытатель; его любимыми предметами были: физика, химія и металлургія. До Петра науки въ Россіи не существовало въ томъ ви-

1721-1722
1723-1724

дѣ, какъ она была уже развита на Западѣ. Петръ, вводя просвѣщеніе, прежде всего смотрѣлъ на науку съ утилитарной точки зрѣнія, искалъ въ научныхъ знаніяхъ прѣмого приложенія къ жизни. Ломоносовъ высказывалъ тотъ же самый взглядъ. Объясняя тѣ или другія явленія изъ области физики и химіи, онъ всегда имѣлъ въ виду указать своимъ читателямъ на ту мысль, что наука удовлетворяетъ потребностямъ нашей жизни, содѣйствуетъ благосостоянію человѣка. Руководствуясь такою мыслью, Ломоносовъ старался всегда излагать научные вопросы въ болѣе или менѣе популярной формѣ, въ противномъ случаѣ они были бы совершенно недоступны нашему обществу, только что узнавшему о существованіи наукъ естественныхъ. Свой научныя теоріи, относящіяся къ области физики или химіи, Ломоносовъ основывалъ на строгомъ анализированіи явленій, чего мы не можемъ найти въ сочиненіяхъ предшествовавшихъ ему русскихъ ученыхъ, занимавшихся также изученіемъ природы. При томъ отдѣльных, частныхъ знаній онъ умѣлъ привести въ стройную систему, которая дала ему извѣстность среди иностранныхъ ученыхъ, открыто заявлявшихъ мнѣніе о гениальности Ломоносова, о научномъ значеніи его трудовъ по части физики и химіи. Признавая пользу изученія наукъ для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей жизни, Ломоносовъ въ то же время видѣлъ въ наукѣ средство удовлетворять врожденной любознательности, доставлять уму и чувству пріятное занятіе. «Чѣмъ больше тайнства ея (науки) разумъ постигаетъ, тѣмъ вышше увеселеніе чувствуетъ сердце. Такъ какъ Ломоносову приходилось впервые подробно объяснять явленія природы, изученіе которыхъ даже для людей образованныхъ того вѣка казалось ересью, то поэтому онъ долженъ былъ выяснитъ вопросъ объ отношеніи науки къ религіи. По его мнѣнію изученіе природы—свято. Оно помогаетъ человѣку ознакомиться съ таинственными явленіями міра и тѣмъ яснѣе представлять себѣ могущество, величіе и премудрость Творца. Толкователи и проповѣдники священнаго писанія, говоритъ Ломоносовъ, показываютъ путь къ добродѣтели, представляютъ награжденія праведнымъ, наказаніе законопреступнымъ, и благополучіе житія съ волею Божіею согласнаго. Астрономы открываютъ храмъ Божеской силы и великолѣпія, изыскиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ богоугоднѣмъ и благодареніемъ ко Всевышнему. Обои обще удостовѣ-

ряютъ насъ не только о бити Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ. Грѣхъ вѣвать между ими плевелы и раздоры. Въ вопросѣ объ отношеніи науки къ религіи, Ломоносовъ слѣдовалъ ученію своего руководителя Вольфа, который доказывалъ необходимость изученія природы для примиренія науки съ вѣрою. Среда, въ которой приходилось работать Ломоносову, была еще убѣждена въ святости преданія, гласившаго, что въ природѣ все имѣетъ таинственный смыслъ, и что отыскивать естественныя причины явленій значитъ давать волю дерзкому уму. Важная заслуга Ломоносова въ томъ, что онъ отдѣлилъ философію отъ догматики и показалъ, что эти двѣ области знанія, имѣя одну и ту же цѣль, достигаютъ ея различными способами. Въ періодъ схоластики эти двѣ области совершенно сливались. Какъ естествоиспытатель, Ломоносовъ далеко опередилъ своихъ современниковъ. Лучшіе ученые Европы, подобные Эйлеру, съ похвалою отзывались о его ученыхъ трудахъ, а многія научныя теоріи, до которыхъ Ломоносовъ дошелъ совершенно самостоятельнымъ путемъ, подтверждены современной наукой.

Вотъ перечень главнѣйшихъ трудовъ Ломоносова по наукамъ естественнымъ: 1) Опытъ надъ водою Сѣвернаго океана; 2) слово о происхожденіи свѣта; 3) О явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ; 4) Испытаніе причинъ сѣвернаго сіянія; 5) Переводъ физики Вольфа; 6) Слово о пользѣ химіи; 7) О рожденіи металловъ отъ трясенія земли; 8) Учебникъ Металлургіи. По словамъ новѣйшихъ изслѣдователей научной дѣятельности Ломоносова, множество его трудовъ, писанныхъ большею частью на языкѣ латинскомъ, хранится въ рукописяхъ въ архивахъ Академіи Наукъ. Ломоносовъ, подобно Посошкову, вышелъ изъ среды крестьянской и хотя обстоятельства ввели его въ совершенно иной кругъ людей, онъ однакожъ хорошо понималъ нужды простаго народа, что ясно обнаруживается въ его «Разсужденіи о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа», составленное въ видѣ письма къ Шувалову (въ 1761 г.). Въ этомъ разсужденіи Ломоносовъ касается очень важнаго вопроса о причинахъ большой смертности въ русскомъ народѣ, и предлагаетъ нѣсколько мѣръ для сохраненія здоровья въ молодомъ поколѣнн, на которыя указываютъ и многіе изъ современныхъ публицистовъ. Уменьшеніе народонаселенія, по мнѣнію Ломоносова, зависитъ отъ плохого ухода за дѣтьми, отъ неровныхъ браковъ

судебной, господствующей въ массѣ, благодаря старымъ укоренившимся обычаямъ, въ силу которыхъ знахари и знахарки пользуются въ народѣ большимъ авторитетомъ. Все это могло бы искорениться, еслибы учредить сельскія аптеки, издать популярныя медицинскія книжки и распространять черезъ священниковъ въ народѣ полезныя для него знанія. Безъ сомнѣнн, предложенія Ломоносова весьма вѣрны, какъ лучшее средство увеличенія народонаселенія, но въ то время они не могли быть приведены въ дѣйствіе, такъ какъ казались многимъ несвоевременными.

Обзорннѣ трудовъ Ломоносова убѣждаетъ насъ въ многостороннемъ направленіи его дѣятельности. Онъ предложилъ образцы главнѣйшихъ родовъ и видовъ поэзін, далъ литературную обработку нашему языку, указалъ значеніе науки, сдѣлалъ нѣсколько важныхъ изобрѣтеній въ области естествознанія. Личность Ломоносова, навсегда останется примѣромъ истиннаго просвѣтителя. Несмотря на всѣ препятствія, неразлучныя съ дѣятельностью человѣка, вносящаго въ жизнь что нибудь новое, Ломоносовъ сохранилъ вполнѣ свои убѣжденія, стойко проводилъ ихъ въ литературѣ и навсегда сохранилъ за собою имя честнаго и неутомимаго труженика. Что касается до поэтической дѣятельности Ломоносова, то она заключается съ собою недостатки, отражавшіеся и на послѣдующихъ явленіяхъ нашей литературы. Бантемаръ указалъ, что поэзія должна быть слита съ жизнью: въ своихъ сатирахъ онъ изображалъ дѣйствительность. Но Ломоносовъ не пошелъ по этому пути. Въ его одахъ мы встрѣчаемъ не изображеніе современныхъ явленій, а скорѣе выраженіе восторга по поводу событій, причѣмъ часто оды писались какъ бы по заказу и потому лишены художественности. Ложноклассицизмъ, которымъ проникнуты литературныя сочиненія Ломоносова, по самой сущности своей, отдалялъ поэзію отъ жизни, лишалъ ее простоты, и сводя поэзію на степенъ простаго стихотворства, дѣлалъ званіе поэта доступнымъ для каждаго мало-мальски образованнаго человѣка, хотя бы и не владѣвшаго отъ природы способностью къ поэтическому творчеству. Поэтическія сочиненія Ломоносова надолго установили въ нашей литературѣ риторическое направленіе, которое проглядываетъ нѣрѣдко въ писателяхъ гарамзинской школы и окончательно уничтожается вліяніемъ чисто художественной поэзін Пушкина. Ломоносовъ не былъ поэтомъ по при-

званію, но, во всякомъ случаѣ, его стихотворенія значительно выше тѣхъ виршей, которыми наводнялась наша литература прошлаго столѣтія, именно на томъ основаніи, что въ Ломоносовѣ, съ одной стороны, замѣтно нерѣдко искреннее воодушевленіе, съ другой — его произведенія заключаютъ въ себѣ много дѣльныхъ и полезныхъ мыслей о наукѣ. Ученые трактаты Ломоносова, при всей ихъ талантливости и значеніи, не были доступны для большинства, совершенно неподготовленнаго понимать научныя истины, впервые явившіяся у насъ въ Россіи, и слѣдовательно стихотворныя произведенія въ которыхъ проводились мысли о наукѣ, были единственнымъ средствомъ, съ помощью котораго можно было объяснить обществу цивилизующую силу науки и просвѣщенія вообще.

Со времени дѣятельности Ломоносова литература наша приняла ложноклассическое направленіе, господствовавшее во Франціи въ теченіи почти цѣлаго столѣтія. Ближайшимъ послѣдователемъ Ломоносова въ литературѣ считается Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ (1733—1807), пользовавшійся въ свое время славою знаменитаго писателя, хотя его произведенія, лишенные поэтическаго достоинства, не оказали особеннаго вліянія на развитіе нашей литературы. Авторитетъ Хераскова, какъ поэта, такъ былъ силенъ, что о немъ отзывались всегда не иначе, какъ съ особеннымъ благоговѣніемъ. Видно, что литературная критика находилась тогда еще въ младенческомъ состояніи. Херасковъ былъ очень плодовитый писатель: онъ оставилъ двѣнадцать томовъ сочиненій, относящихся къ различнымъ родамъ и видамъ поэзіи. Но главными его произведеніями, на которыхъ основалась слава Хераскова, какъ талантливаго поэта, были двѣ большія эпическія поэмы «Россиада» и «Владиміръ». Мы уже говорили о господствѣ ложно-классическаго направленія въ лирикѣ, тѣмъ же духомъ проникнута и вся эпическая поэзія. Еще римскій поэтъ Вергилій, творецъ Энеиды, задумалъ подражать Гомеру, которому приписывается созданіе двухъ большихъ поэмъ «Иліада» и «Одиссея». Новоевропейскіе писатели, руководствуясь авторитетомъ Вергилія, составляли поэмы, подражая въ нихъ тѣмъ свойствамъ, которыя находили они въ древнегреческомъ эпосѣ. Каждая поэма обыкновенно начиналась словомъ «пою», изображала какое нибудь важное событіе, представляла смѣшеніе дѣйствительности съ таинственными вымыслами, при чемъ излагалась всегда высокимъ

слогомъ. Ложное направленіе подобныхъ поэмъ ясно изъ того, что въ нихъ поэтическая форма древнихъ писателей совершенно свободно переносится въ жизнь, далеко отличающуюся отъ жизни классическихъ народовъ. Если Гомеръ начинаетъ Илиаду словами «Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса Пеллеса сына», то онъ совершенно вѣренъ своимъ убѣжденіямъ; какъ Грекъ-язычникъ онъ находилъ въ богинѣ источникъ своего вдохновенія, и на самомъ дѣлѣ брался за лиру, чтобъ воспѣть славные подвиги своихъ героевъ. Новоевропейскій поэтъ находился совершенно въ другихъ условіяхъ, и обращеніе къ Музѣ становится уже одной риторической фигурой, лишающей его произведеніе свойственной поэзіи простоты и естественности. Таинственный элементъ, которымъ пронизаны поэмы Гомера, объясняется языческой религіею древнихъ, а разнаго рода волшебство и кудесничество, считавшіяся необходимою принадлежностью ложно-классической поэмы, есть уже анахронизмъ въ произведеніи поэта-христианина. Херасковъ остался вѣренъ теоріи ложно-классическихъ эпиковъ, за что и получалъ отъ своихъ современниковъ громкое имя русскаго Гомера. Сюжетъ обѣихъ его поэмъ заимствованъ изъ русской исторіи: въ «Россіадѣ» изображается взятіе Казани, а во «Владимірѣ» представлено просвѣщеніе Россіи Христіанствомъ при Владимірѣ Святѣ. Несмотря на то, что содержаніе заимствуется изъ исторіи, въ поэмахъ, кромѣ имени, нѣтъ ничего историческаго, притомъ и самая историческая дѣйствительность представлена въ искаженномъ видѣ. Относитъ сверженіе монгольскаго ига ко времени Грознаго, какъ это сдѣлано въ первой поэмѣ Хераскова—значитъ искажать исторію. Но на это не было указанія въ теоріи ложноклассической эпопеи, и потому современная критика не обратила вниманія на такой крупный недостатокъ исторической поэмы. Въ поэмѣ есть все, что требовала тогдашняя теорія: пророческіе сны, чародѣйства, явленія тѣней, разнообразіе эпизодовъ но нѣтъ одного: истинной поэзіи, какъ вѣрнаго воспроизведенія жизни. Всѣ герои Россіады являются какими то рыцарями, напоминающими пожалуй средневѣковой романъ, поэтъ награждаетъ рыцарскими добродѣтелями даже и татарскихъ князей. Поэма «Владиміръ» построена одинаково съ первыми произведеніямъ. Изображая въ ней одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ прошлой жизни Россіи—авторъ придалъ своему произведенію мистическое направленіе, которымъ

вообще отличался образъ мыслей писателя въ концѣ его жизни. Вообще какъ поэмы, такъ и другія произведенія Хераскова чужды современной дѣйствительности; только въ повѣсти «Нума или пропвѣтающій Римъ» авторъ дѣлаетъ нѣсколько намековъ на реформы Елатерины II. Нельзя умолчать объ общественной дѣятельности Хераскова. Въ теченіе 24 лѣтъ занимая должность куратора Московскаго Университета, онъ основалъ при немъ благородный пансіонъ въ 1779 году, бывшій однимъ изъ лучшихъ заведеній прошлаго столѣтія, завелъ въ томъ же году учительскую семинарію, съ именемъ которой тѣсно связывается и дѣятельность извѣстнаго московскаго профессора Георга Шварца, бывшаго воспитателемъ Карамзина. При всѣхъ недостаткахъ поэтической дѣятельности Хераскова, вызванныхъ тогдашнимъ направлениемъ литературы и указаннымъ позднѣйшею критикою, произведенія его содѣйствовали все таки развитію нашего общества, пробуждали вкусъ къ литературѣ, которая въ то время почти только что начиналась въ Россіи.

Изъ другихъ писателей Ломоносовской школы особенно извѣстностью пользовались въ свое время: Поповскій, Петровъ и Костровъ. Н. Н. Поповскій (1730-1760) былъ профессоромъ философіи въ Московскомъ университетѣ и въ литературѣ извѣстенъ переводомъ дидактической поэмы англійскаго писателя Попа «Опытъ о человѣкѣ». По мнѣнію Шерра Попъ не проложилъ новыхъ путей въ поэзіи и большое вниманіе обращалъ на внѣшнюю отдѣлку своихъ произведеній. Его поэма есть ни что иное какъ система философіи англійскихъ мыслителей, изложенная въ популярной формѣ. Поповскій перевелъ поэму англійскаго писателя съ французскаго языка, но съ такимъ искусствомъ, что переводъ былъ близокъ къ подлиннику и вполне выражалъ мысли автора. Переводъ Поповскаго выдержалъ нѣсколько изданій но съ пропусками, которые были сдѣланы тогдашнюю цензурою. Нѣкоторыя мѣста поэмы были не одобрены духовной цензурою которая въ числѣ возраженій помѣстила и то обстоятельство, что авторъ высказываетъ мысли о системѣ Коперника и о множествѣ міровъ. Поповскій писалъ и торжественныя оды, но стихи, сравнительно съ другими стихотворцами того времени, отличался легкостью, что весьма замѣчательно въ періодъ господства риторическаго направленія. Послѣ Ломоносова В. П. Петровъ (1736—1799)

считается однимъ изъ главныхъ представителей хвалебной лирики того періода русской поэзіи, когда она еще не обнаруживала признаковъ художественности, а вполне была подчинена правиламъ поэтики и риторики. При всемъ своемъ образовании Петровъ не могъ отречься отъ ложноклассической теоріи и въ своихъ произведеніяхъ слѣдовать ей вполне. Ода Петрова—образецъ напыщенности и высокопарнаго слога, надъ которыми смѣялась сатира прошлаго вѣка. Самымъ лучшимъ произведеніемъ стихотворца считалась Ода на побѣду русскаго флота надъ турецкимъ, изобилующая риторикою и лишенная всякой поэзіи. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ нея для образца.

Великій именемъ, великій дѣломъ Петръ!
Спустися съ высоты на низкость водныхъ вѣдръ;
Возри на чудеса, Твоимъ рождены ботомъ!
Какъ въ собственномъ Махметъ пристанищѣ горитъ,
Надъ русскимъ какъ паритъ
Трубяща слава флотомъ!

Нептунъ Бельгу зрѣлъ Тебя Копенгагенъ;
Теиерь твой грозный флагъ близъ Чесмскихъ вѣвъ стѣитъ,
Готовитъ ужасъ несть на понть несчастной Геллы.
Со страхомъ близкую внимающа напасть
Ужъ Смирна хочетъ пасть.
Трясутся Дарданелы.

Петровъ писалъ и въ сатирическомъ родѣ. Такъ извѣстно его посланіе изъ Лондона, осмѣивающее страсть съ стихотворству. Оно было написано по поводу изданнаго Новиковымъ словаря о русскаго писателяхъ, гдѣ выраженъ неблагоприятный отзывъ о сочиненіяхъ Петрова, который будто-бы совершенно напрасно напрягается идти по слѣдамъ русскаго лирика т. е. Ломоносова. Сатирическое посланіе Петрова пользовалось въ свое время извѣстностью и вообще его сочиненія обличаютъ въ немъ человѣка умнаго, склоннаго къ сатирѣ; хотя оды Петрова далеко ниже такихъ же произведеній Ломоносова, и изобилуютъ массою риторическихъ оборотовъ, но онѣ заключаютъ въ себѣ нѣрѣдко дѣльныя мысли, которыя обнаруживаютъ въ авторѣ его серьезное образованіе.

Ложно-классическая ода нашла еще представителя въ лицѣ Е. И. Кострова. Его лирическія произведенія отличаются всѣми свойствами риторическаго стихотворства и, по справедливому мнѣнію г. Галахова, страдают отвлеченностью, отсутствіемъ живой, современной дѣйствительности.—Какъ человѣкъ образованный, Костровъ понялъ ложность той формы, которой онъ слѣдовалъ, и въ послѣдствіи, когда появилась ода Державина «Фелица», написалъ посланіе къ «Творцу Фелицы», гдѣ значительно болѣе встрѣчается простоты и естественности въ выраженіи, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ. Впрочемъ образованіе, полученное Костровымъ въ Славяногреко-латинской академіи, отличалось схоластическимъ направленіемъ, и немудрено поэтому, что Костровъ, какъ и многіе другіе, не въ состояніи былъ отрѣшиться окончательно отъ того риторизма, который господствовалъ тогда во всѣхъ родахъ литературы. Всѣ стихотворцы тогдашняго времени преклонялись предъ авторитетомъ Ломоносова, признавая за нимъ, впрочемъ совершенно ошибочно, права на поэтическое призваніе. Ломоносовъ, какъ человѣкъ высокаго ума, выразилъ въ совершенно ложной формѣ много глубокихъ мыслей о наукѣ, между тѣмъ какъ большинство его послѣдователей, необладая даровитостью своего родоначальника, ограничивалось только искусственнымъ подборомъ громкихъ фразъ и риторическихъ фигуръ, лишенныхъ часто всякаго содержанія.

Русская литература въ теченіе долгаго времени развивалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ западноевропейской цивилизаціи. Направленіе, возникавшее въ литературѣ западныхъ государствъ, переносилось къ намъ, такъ что, за весьма немногими исключеніями, произведенія нашихъ писателей отличались подражательнымъ характеромъ. Кроме того, и общественная жизнь и реформы правительственныя шли рука объ руку съ европейскимъ просвѣщеніемъ. Въ прошедшемъ столѣтіи преимущественное вліяніе на русскую литературу оказывали французскіе писатели, что уже мы отчасти и видѣли при обзорѣ представителей псевдо-классицизма, родоначальницей котораго была Франція. Эпоха Екатерины II тѣсно сливается съ умственнымъ движеніемъ Европы, съ тѣми ученіями, которыя пропагандировались французскими писателями, заимствовавшими ихъ, въ свою очередь изъ произведеній англійскихъ философовъ. Литература XVIII вѣка прежде всего стала относиться критически къ церковнымъ, по-

литическимъ и общественнымъ учрежденіямъ Европы и получила характеръ отрицательный. Скептицизмъ былъ источникомъ этого отрицанія: писатели находили, что порядокъ и строй жизни, основанный на старыхъ средневѣковыхъ преданіяхъ, далеко неудовлетворителенъ и противорѣчитъ началамъ нравственности. Защита личныхъ достоинствъ чловѣка, гуманность безъ всякихъ сословныхъ предразсудковъ, свобода слова и мысли — вотъ основные принципы, которые отстаивала просвѣтительная литература во Франціи въ лицѣ ея лучшихъ представителей. Скептицизмъ и отрицаніе доходили до крайнихъ предѣловъ и, проникая въ общество, влекли за собою часто дурныя послѣдствія. Изъ біографіи Ф. Визина мы увидимъ, что и въ Россіи того времени замѣтны были слѣды свободомыслия, которое, не управляясь ни развитіемъ, ни образованіемъ, вредно вліяло на общественную нравственность. Скептицизмъ французскихъ мыслителей полюбѣ всего выразился въ такъ называемой «Энциклопедіи», изданіе которой было предпринято знаменитымъ философомъ Дени Дидро, сообща съ другими представителями тогдашняго просвѣщенія. Энциклопедія издавалась съ 1751 — 1765 годъ и заключала въ себѣ цѣлый рядъ изслѣдованій, касавшихся различныхъ отраслей науки, искусства и ремесль. Писатели, принимавшіе участіе въ составленіи Энциклопедіи и сочувствовавшіе новымъ идеямъ, получили названіе энциклопедистовъ. Сочиненія ихъ приобрѣли всемірное историческое значеніе, оказали рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу государствъ Европы и придали литературѣ совершенно иное направленіе. Во главѣ умственного движенія стояли тогда Вольтеръ и Ж.-Жакъ Руссо. Будучи семнадцати лѣтъ Вольтеръ написалъ трагедію «Эдипъ», гдѣ уже отчасти былъ замѣтенъ тотъ отрицательный духъ, которымъ всегда отличался образъ мыслей этого писателя. Сочиненія Вольтера весьма разнообразны по своему содержанію: помимо громаднаго числа произведеній эпическихъ и драматическихъ, онъ написалъ нѣсколько ученыхъ сочиненій, историческихъ и философскихъ; въ послѣднихъ онъ старался популяризовать ученія двухъ свѣтилъ англійской философіи, Ньютона и Локка. Остроуміе Вольтера, его живое изложеніе и разнообразіе мыслей привлекали къ нему тогдашнее общество, которое не привыкло къ ученымъ трудамъ, любило на лету схватывать всевозможныя философскія идеи, чтобы потомъ блистать ими въ какой нибудь аристо-

вратической гостиниой. Состояніе общества было причиною того, что писатели часто избѣгали серьезности въ своихъ произведеніяхъ. По мнѣнію Вилльмена, автора исторіи французской литературы, Фонтенель въ теченіе двадцати пяти лѣтъ пользовался славой за то только, что принадлежалъ къ партіи лучшихъ салонныхъ остряковъ. Отрицательное направленіе царило въ тогдашней французской литературѣ. Попытка создать что нибудь положительное принадлежитъ писателю, имя котораго не менѣе имени Вольтера извѣстно всему міру. Это былъ Жанъ-Жакъ Руссо, авторъ двухъ знаменитыхъ сочиненій «Общественный договоръ» (*Contrat social*) и «Эмиль, или воспитаніе». Послѣднее сочиненіе Руссо оказало вліяніе и на нашу литературу. Въ немъ онъ предложилъ новую педагогическую теорію, слѣды которой проявляются и въ дальнѣйшихъ сочиненіяхъ по вопросу о воспитаніи. Жанъ-Жакъ Руссо вооружился противъ господствовавшаго взгляда на воспитаніе и съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ доказывалъ свою теорію о томъ, что все выходитъ прекраснымъ изъ рукъ природы и все искажается, обезображивается подъ вліяніемъ предразсудковъ и дурнаго примѣра. Французская литература прошедшаго столѣтія оказала значительное вліяніе на правительства отдѣльныхъ европейскихъ государствъ. Фридрихъ Великій, король прусскій, Іосифъ II императоръ австрійскій, и другіе, сочувствуя вполнѣ идеямъ французскихъ мыслителей, старались и въ своихъ государственныхъ реформахъ провести тотъ принципъ гуманности, который лежалъ въ основаніи новаго ученія. Примѣру европейскихъ государей послѣдовала и императрица Екатерина II, еще въ молодыхъ лѣтахъ основательно изучавшая произведенія западныхъ писателей. Главнымъ трудомъ Екатерины, въ которомъ полнѣе всего выразилось направленіе ея дѣятельности, былъ Наказъ, составленный ею для руководства депутатамъ, собраннымъ съ цѣлью составить новое уложеніе, которое было бы согласно съ духомъ времени. Наказъ Екатерины приобрѣлъ обширную извѣстность и переведенъ былъ на всѣ европейскіе языки. Идеи о значеніи закона, объ обязанностяхъ гражданина, объ уголовномъ правѣ и о другихъ вопросахъ, касавшихся государственнаго устройства вообще, авторъ Наказа заимствовалъ изъ сочиненій Монтескье о «Духѣ законовъ» и Беккариа — «Преступленіе и Наказаніе». Екатерина II глубоко сочувствовала представителямъ западной науки и литературы. Она долгое время находилась въ пе-

репискѣ съ Волтеромъ, приглашала Даламбера быть воспитателемъ Павла Петровича, покровительствовала Дидро; купивъ у него громадную библіотеку, оставила послѣднюю при немъ въ пожизненное владѣніе. Приглашая Даламбера быть воспитателемъ, Екатерина II писала ему: «быть рожденнымъ или призваннымъ на то, чтобы содѣйствовать благу и даже образованію цѣлаго народа и отказаться отъ этого—значить, какъ мнѣ кажется, отказаться отъ возможности дѣлать добро, которое такъ вамъ по сердцу. Философія ваша основана на человѣколюбіи; позвольте сказать вамъ, что не соглашаться служить ему, когда служить можно, значить упускать изъ виду свою цѣль». При составленіи Наказа, Екатерина руководствовалась сочиненіями двухъ вышеупомянутыхъ писателей. Нѣкоторыя мѣста «Наказа» прямо заимствованы изъ иностранныхъ источниковъ; такъ глава 5), гдѣ говорится о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, о томъ, что такое вольность или свобода, взята изъ XI главы сочиненія Монтескье; а мысли о наказаніи за уголовныя преступленія Екатерина II прямо беретъ изъ указаннаго сочиненія Беккариа, который, какъ извѣстно, былъ противникомъ смертной казни. — Хотя Наказъ — собственно памятникъ юридическій, но въ исторіи литературы онъ имѣетъ то неоспоримое значеніе, что на немъ отразились тѣ гуманныя воззрѣнія, которыя проводила философія XVIII вѣка. Кромѣ того, литературныя произведенія эпохи Екатерины II, какъ напр., комедіи Ф.-Визина вызывались тѣмъ образомъ мыслей, проводникомъ котораго въ нашемъ обществѣ служилъ Наказъ.

Выразивъ въ Наказѣ мысль о томъ, что государство должно заботиться о благосостояніи подданныхъ, Екатерина затѣмъ изображаетъ идеаль истиннаго гражданина, который, по ея мнѣнію, долженъ обладать чувствомъ долга, законности и справедливости. Осуществленіе этого идеала возможно только при опредѣленной степени образованія и вотъ Екатерина принимается за преобразование всей системы воспитанія на основаніи тѣхъ теорій, которыя были предложены западными мыслителями. Въ вопросѣ о воспитаніи тогдашнее правительство руководствовалось идеями англійскаго писателя Локка, изложенными имъ въ сочиненіи «Мысли о воспитаніи дѣтей», появившемся еще въ 1693 году. Локкъ прежде всего обращаетъ вниманіе на физическое воспитаніе, находя, что нравственный прогрессъ дѣтей обусловливается силою и здоровьемъ тѣла. Научныя знанія, по его мнѣ-

вію, ниже нравственного развитія и потому прежде всего должно воспитывать въ чловѣкѣ стремленіе къ добродѣтели. Императрица Екатерина высказала свои педагогическія воззрѣнія въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: 1) Инструкція кн. Салтыкову при назначеніи его воспитателемъ внуковъ государыни; 2) Гражданское начальное ученіе—рядъ изреченій, излагающихъ предметы, знаніе которыхъ необходимо для каждаго гражданина, и 3) Сказки о царевичѣ Хлорѣ и о Февѣѣ красномъ солнышкѣ, написанныя для внуковъ и имѣющія въ виду повліять на нравственную сторону юныхъ читателей. Главнымъ сподвижникомъ Екатерины въ дѣлѣ воспитанія былъ Иванъ Ивановичъ Бецкій, побочный сынъ князя Трубецкаго (1704—1795), дѣйствовавшій согласно съ идеями самой государыни. Бецкій принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени; совершивъ, въ 1756 году, путешествіе за границу, онъ обратилъ серьезное вниманіе на устройство воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, основательно изучилъ господствовавшія тогда педагогическія системы. Со времени назначенія своего на должность главнаго начальника сухопутнаго кадетскаго корпуса и академіи художествъ, Бецкій составилъ нѣсколько проектовъ о новомъ устройствѣ воспитательныхъ заведеній въ Россіи. Проекты эти изданы были въ трехъ томахъ подъ общимъ названіемъ «Собраніе учреждений и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоого пола благороднаго и мѣщанскаго юношества». Специальное образованіе, введенное Петромъ Великимъ, казалось Бецкому недостаточнымъ. Руководясь авторитетомъ Локка, Монтэни и Жанъ-Жака Руссо, Бецкій пришелъ къ той мысли, что для чловѣка недостаточно одного умственного развитія; что, для достиженія благоденствія, необходимо развивать въ молодомъ поколѣніи стремленія къ добродѣтели, отвращать его отъ мотовства, своеволія и т. п. пороковъ, вредно влияющихъ на общественную нравственность. Та же самая мысль высказывается и въ Наказѣ въ главѣ о воспитаніи: «Должно вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и приучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждать въ нихъ охоту къ трудолюбію и чтобъ они страшилися праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія; научать пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ вся-

кихъ продержостей.. всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ» (365 глава XIV). Изъ проектовъ Бецкаго, а также изъ приведеннаго мѣста Наказа видно, что новое правительство смотрѣло на знанія и науку только какъ на средство, и не признавало въ нихъ самостоятельнаго значенія. Цѣль ученія, по мнѣнію Екатерины, отвращать отъ праздности, возбуждать привычку къ труду и прилежанію. Развитие нравственное было положено въ основаніе при учрежденіи учебныхъ заведеній, Смольнаго института, Коммерческаго училища, Воспитательныхъ домовъ; сообразно съ новымъ принципомъ, преобразованы были Сухопутный Шляхетный корпусъ и Академія художествъ, находившіеся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Бецкаго. Чтобы создать новую породу людей, какъ тогда выражались, Бецкій устраивалъ закрытыя учебныя заведенія, куда принимались дѣти обоего пола съ ранняго возраста, съ цѣлью отстранить ихъ отъ вреднаго вліянія среды, нравственный уровень которой стоялъ далеко ниже идеала просвѣщенныхъ реформаторовъ. При Екатеринѣ II, между прочимъ, былъ поднятъ вопросъ о народномъ образованіи. Она составила планъ и уставъ народныхъ училищъ, открыла двуклассныя школы въ уѣздныхъ, а четырехклассныя въ губернскихъ городахъ. Дѣятельнымъ помощникомъ Екатерины II въ дѣлѣ народнаго образованія былъ Янковичъ де-Миріево, вызванный въ Россію по рекомендаціи Іосифа II. Онъ приводилъ въ исполненіе планы императрицы, заводилъ училища, составлялъ необходимые учебныя руководства согласно съ основными принципами новой системы воспитанія. Если за границею въ то время народное образованіе не имѣло почти никакого успѣха, тѣмъ болѣе оно не могло развиваться у насъ, съ одной стороны,—вслѣдствіе недостаточной образованности, съ другой—вслѣдствіе господства крѣпостнаго права, существованіе котораго не позволяло и думать о просвѣщеніи народа. Несмотря на всевозможныя средства, принятыя тогдашнимъ правительствомъ, помѣщичій произволъ господствовалъ повсюду и значительно тормозилъ развитие массы, мѣшая улучшенію ея экономическаго состоянія, безъ котораго не возможно распространеніе просвѣщенія въ народѣ. Стремясь къ преобразованію въ Россіи общественныхъ нравовъ, Екатерина II въ то-же время хорошо изучила и тѣ

недостатки современнаго общества, которые во многом мѣшали осуществленію ея благодѣтельныхъ реформъ. Съ цѣлью исправленія этихъ недостатковъ, Екатерина посвящала свободное время литературнымъ занятіямъ, участвовала въ журналъ «Всякая Всячина», писала комедіи и такимъ образомъ собственнымъ примѣромъ указывала писателямъ тотъ путь, по которому должна быть направлена ихъ дѣятельность. Хотя комедіи Екатерины II лишены художественнаго значенія, но за то онѣ въ ряду тогдашнихъ произведеній литературы являются однимъ изъ важныхъ историческихъ памятниковъ, такъ какъ вѣрно изображаютъ многіе недостатки современной жизни. Реформа Екатерины II, которою она стремилась пересоздать общество, не могла быть понята всѣми; въ жизни нашей оставалось еще много такихъ сторонъ, которыя шли въ разрѣзъ съ новыми просвѣтительными идеями, и разумѣется, вызывали отрицательный взглядъ на нихъ въ людяхъ образованныхъ. Вотъ почему и литературная дѣятельность Екатерины приняла сатирическое направленіе. Изъ ея комедіи лучшими являются двѣ: «О Время» и «Имянный г-жи Ворчалкиной». Новиковъ посвятилъ издававшійся имъ журналъ «Живописецъ» автору комедіи «О Время» и въ посвященіи между прочимъ говоритъ слѣдующее: «Государь мой, я не знаю кто вы, но вѣдаю только то, что за сочиненіе ваше достойны почтенія и великія благодарности. Вы первый сочинили комедію точно въ нашихъ нравахъ; вы первый съ такимъ искусствомъ и острою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностію и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе». Въ лицѣ трехъ женщинъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, императрица весьма вѣрно осмѣяла ханжество, суевѣріе и страсть къ сплетнямъ. Въ этой же комедіи осмѣяны и старинный взглядъ на воспитаніе и образованіе, въ силу котораго программа ученія ограничивалась только часословомъ и псалтыремъ. Комедія «Имянный г-жи Ворчалкиной» осмѣиваетъ тѣ же недостатки и между прочимъ изображаетъ женщину, которая вооружается противъ новыхъ порядковъ, введенныхъ Екатериною, и смѣется надъ учрежденіемъ воспитательныхъ домовъ, говоря, что теперь «подкидышковъ подбираютъ, кормятъ, ходятъ за ними, какъ будто за благородными». Мы указали на двѣ лучшія комедіи Екатерины; въ другихъ произведеніяхъ этого рода она касается другихъ вопросовъ, осмѣиваетъ напр.

мистицизмъ, помѣщичьи нравы (ком. «Недоразумѣнія»). Съ цѣлью исправить общественные недостатки путемъ насмѣшки, въ журналѣ «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова» Екатерина помѣщала еще небольшія сатирическія статейки подъ общимъ названіемъ «Были и Небылицы», отличающіяся легкимъ изложеніемъ и шуткою. Авторъ писалъ ихъ безъ всякаго предварительнаго плана обо всемъ что только приходило въ голову въ извѣстную минуту и, по своему собственному признанію, не имѣлъ намѣренія давать образецъ серьезной сатиры. Но, несмотря на это «Были и Небылицы» пользовались въ свое время большою извѣстностью, такъ какъ по свидѣтельству современниковъ, ихъ мѣткая и довольно живая сатира заключала часто намеки на дѣйствительныя явленія тогдашней жизни.

Въ ряду дѣятелей, сочувствовавшихъ намѣреніямъ Екатерины II и стоявшихъ во главѣ тогдашней образованности, не послѣднее мѣсто занимаетъ Екатерина Романовна Дашкова (1743—1810) бывшая директоромъ россійской академіи. Съ молодыхъ лѣтъ княгиня Дашкова посвящала себя занятію литературой, прочитала много книгъ, путешествовала по Европѣ, ознакомилась съ представителями французскаго энциклопедизма и, вернувшись въ Россію, съ жаромъ принялась за литературную дѣятельность, имѣя въ виду распространить среди своихъ соотечественниковъ просвѣтительныя идеи Запада. По выбору самой императрицы, княгиня назначена была директоромъ вновь учрежденной россійской академіи и вступивъ въ должность, она приводитъ въ порядокъ бібліотеку, выбираетъ новыхъ членовъ, увеличиваетъ суммы, — однимъ словомъ обращаетъ все свое вниманіе и неусынные труды на улучшеніе этого учрежденія. Стремясь къ развитію здравыхъ понятій о литературѣ и обработкѣ литературнаго языка, кв. Дашкова предпринимаетъ изданіе журнала подъ названіемъ «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова». Журналъ этотъ принадлежалъ къ лучшимъ періодическимъ изданіямъ прошлаго вѣка; въ немъ принимали участіе представители тогдашней литературы: фонъ-Визинъ, Капнинъ, Костровъ и другіе, кромѣ того, и сама Дашкова помѣстила тамъ нѣсколько изъ своихъ статей. Екатерина II въ свою очередь, приняла дѣятельное участіе: кромѣ Былей и Небылицъ, въ Собесѣдникѣ были напечатаны ея знаменитыя «Записки касательно Россійской исторіи».

Непосредственное участіе императрицы Екатерины II въ литера-

турѣ значительно содѣйствовало ея движенію. Литературу стали понимать, по крайней мѣрѣ большая часть людей образованныхъ, какъ такую силу, которая не только оказываетъ вліяніе на умственное развитіе, но и значительно содѣйствуетъ общественному благосостоянію. Въ эпоху Екатерины русская литература переживала одинъ изъ славныхъ періодовъ своего развитія. Не говоря о дѣятельности двухъ знаменитыхъ писателей, Державина и фонъ-Визина, въ этотъ періодъ развилась богатая сатирическая журналистика, начался русскій театръ по образцу европейскаго, что въ свою очередь уже указываетъ на довольно значительную степень просвѣщенія.

Державинъ былъ первымъ русскимъ писателемъ, произведенія котораго отличались несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ. До него мы видимъ только стихотворцевъ, умѣющихъ облекать свои мысли въ стихотворную форму, но неспособныхъ дойти до истиннаго поэтическаго творчества, что дается уже природою, а не школьнымъ изученіемъ риторики и пѣнгики. Правда и въ произведеніяхъ Державина, какъ мы увидимъ, отразилось риторическое направленіе, но сквозь риторичеку часто пробивается и свѣтлый лучъ поэзіи. Матерьяломъ для поэта служило блестящее царствованіе Екатерины II, и вотъ почему Державинъ называется ея пѣвцомъ, также какъ Ломоносовъ носитъ названіе пѣвца Елизаветы Петровны. Поэтъ какъ человѣкъ стоящій выше окружающаго общества, не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ всего того, что происходило передъ его глазами, и Державинъ искренно сочувствовалъ дѣяніямъ Екатерины, прославилъ ее въ своихъ одахъ и тѣмъ оправдалъ свои слова:

Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду,

И въ шуткахъ правду возвѣщу;

Татарски пѣсни изъ подъ спуду,

Какъ лучъ потопству сообщу,

Какъ солнце, какъ луну поставлю

Твой образъ будущимъ вѣкамъ,

Превознесу тебя, прославлю,

Тобой бессмертенъ буду самъ.

Державинъ родился въ Казани въ 1743 году и двѣнадцати лѣтъ помѣщенъ былъ въ тамошнюю гимназію, основанную въ 1759 году. Такъ какъ учебныя заведенія того времени вообще далеко были не-

удовлетворительны, то и Державину не удалось получить собствен-но серьезнаго образованія, отсутствіе котораго отразилось впоследствіи и на его поэтической дѣятельности. Въ 1762 году Державинъ переселяется въ Петербургъ и поступаетъ въ рядовые Преображенскаго полка. Уже будучи офицеромъ, онъ принималъ участіе въ усмиреніи Пугачевского бунта, но по возвращеніи изъ похода, обиженный тѣмъ, что его обошли наградою, оставилъ военную службу и скоро получилъ мѣсто экзекутора у генераль-прокурора сената, князя Вяземскаго. Съ тѣхъ поръ Державинъ окончательно посвятилъ себя государственной службѣ, занималъ различныя должности, былъ нѣсколько разъ губернаторомъ, а затѣмъ министромъ юстиціи. Еще во время пребыванія въ полку Державинъ сталъ писать стихи, но большую часть изъ нихъ, вслѣдствіе неувѣренности въ самомъ себѣ, онъ старался истребить, прочитывая только нѣкоторые своимъ близкимъ друзьямъ. Находясь на службѣ у Библикова, Державинъ много занимался литературою и, вернувшись въ Петербургъ, издалъ сборникъ своихъ стихотвореній, подъ названіемъ «Читалагайскія оды», по имени горы, около которой поэтъ долго жилъ во время похода. Общее одобреніе встрѣтила только ода «На Знатность»; остальные, большею частью заимствованныя, были довольно слабы и не произвели никакого впечатлѣнія на читателей. Только съ 1782 года начинается блестящая эпоха поэтической дѣятельности Державина. Въ этомъ году была написана «Фелица», а вслѣдъ за нею и другія произведенія, отмѣченныя силою стиха и богатымъ воображеніемъ, т. е. тѣми свойствами, о которыхъ не имѣла понятія поэзія, ему предшествовавшая. Но Державинъ, какъ видно изъ его записокъ, выше всего ставилъ свою служебную карьеру. Это объясняется духомъ того времени, когда званіе поэта не имѣло никакого нравственнаго значенія, когда положеніе поэта было далеко не привлекательно. Мы знаемъ, что Екатерина II всегда глубоко сочувствовала успѣхамъ русской литературы, и когда появились первыя произведенія Державина, она была отъ нихъ въ восторгѣ, думала найти въ авторѣ челоуѣка, который бы всецѣло посвятилъ себя искусству и поэзіи. Но она ошиблась. Тѣсно связанный съ окружающею жизнью, исполнявшій ея обычаи, Державинъ погрузился въ чиновническую сферу, стремясь достигнуть высокаго положенія въ свѣтѣ. Но трудно было совмѣстить призваніе поэта съ служебною карьерою. Поэтъ нерѣдко впа-

даль въ заблужденіе. Создавая идеалы высшей жизни, онъ наивно думалъ, что эти идеалы должны быть осуществляемы тотчасъ же; карая неправду и зло въ поэтическихъ произведеніяхъ, онъ воображалъ, что также легко уничтожить ихъ и въ той средѣ, въ которой ему пришлось вращаться по долгу службы. Испорченность служилого класса дѣйствительно доходила тогда до громадныхъ предѣловъ; взяточничество повсюду обратилось въ какой-то обычай, и не мудро, что все это возмущало Державина. Но дѣло въ томъ, что замѣчать недостатки, объясняя ихъ причины, и искоренять ихъ—двѣ вещи различныя. У Державина часто не хватало практическаго такта. Онъ слишкомъ скоро хотѣлъ реформировать безнравственную среду, притомъ, какъ человѣкъ не выработавшій себѣ твердыхъ нравственныхъ принциповъ, онъ часто находился подъ вліяніемъ того или другаго ему преданнаго лица и во всемъ на него полагался. Отсутствие практическаго такта, прямота характера, соединенная съ горячностью, были причиною неприятныхъ столкновеній, которымъ подвергался поэтъ въ теченіе своей служебной карьеры. Въ началѣ царствованія Александра Павловича, Державинъ былъ министромъ юстиціи; но такъ какъ въ это время начались либеральныя реформы молодого государя, то поэтъ, какъ человѣкъ старыхъ возрѣній, не могъ оставаться на службѣ, вышелъ въ отставку и переселился въ свое помѣстье Званку, на берегу Волхова. Съ той поры Державинъ велъ уединенную деревенскую жизнь, изрѣдка пріѣзжая въ Петербургъ, посвящая все время поэзій, но стихотворенія, относящіяся къ этому періоду его дѣятельности, далеко слабѣе прежнихъ и не представляютъ ничего замѣчательнаго. Лучшимъ произведеніемъ этой эпохи считается піеса: «Жизнь званская», посланіе къ старорусскому епископу Евгенію Болховитинову, бывшему впоследствии митрополитомъ кievскимъ. Кромѣ того, пользовались успѣхомъ произведенія написанныя по поводу событій съ 1812—1814 годъ, каковы напр.: «гимнъ лирико-эпическій на прогнаніе французовъ изъ отечества» и ода «на срътеніе побѣдителя Европы Александра I». Державинъ умеръ въ 1816 году и похороненъ въ монастырѣ Варлаамія Хутынскаго, въ 10 верстахъ отъ Новгорода. Въ 1847 году потомки воздвигли памятникъ въ честь поэта на его родинѣ, въ г. Казани.

Несмотря на громаднѣйшій поэтическій талантъ, Державинъ не

создалъ новой поэтической формы, а продолжалъ, по примѣру Ломоносова, писать оды, хотя этотъ родъ поэзіи уже въ его время не разъ служилъ предметомъ сатиры. Оды и были тѣми произведеніями, которыя прославили Державина и дали ему возможность стать въ ряду первоклассныхъ поэтовъ своего времени. Оды Державина, не смотря на многія поэтическія достоинства, не чужды и тѣхъ признаковъ, которые согласовались вполнѣ съ правилами тогдашней риторикѣ. Въ нихъ также какъ и въ другихъ произведеніяхъ подобнаго рода, мы встрѣчаемъ неестественный переходъ отъ одного предмета къ другому, гиперболизмъ, искусственное сочетание мыслей, высокопарность. Даже въ поэтическихъ мѣстахъ оды «Водопадъ» встрѣчаются подобныя выраженія: Россій, Россѣ, наперсникъ, сѣверной Минервы, другъ Аполлона во храмѣ музъ, такъ какъ употребленіе подобныхъ выраженій объясняется духомъ времени, отъ котораго не могли отрѣшиться даже такіе таланты, какъ Державинъ. Но въ одѣ Державина есть и другія свойства, которыми она отличается нѣсколько отъ ложноклассической. Поэтъ во всякомъ случаѣ тяготился условною формою, въ которой отливалась вся тогдашняя поэзія, и потому, вопреки теоріи ввелъ въ свою оду сатирической элементъ, стараясь придать языку просторѣчье, чуждое вообще поэтамъ прошедшаго столѣтія.

Оды Державина могутъ быть раздѣлены на два главныхъ отдѣла: 1) оды нравственно-религіознаго содержанія и 2) оды торжественно-хвалебныя. Въ стихотвореніяхъ перваго отдѣла замѣтенъ одинъ общій мотивъ. Будучи человѣкомъ честныхъ стремленій, Державинъ прежде всего является пѣвцомъ истины и добродѣтели, какъ такихъ свойствъ, на которыхъ единственно основывается человеческое достоинство. Обращаясь къ Истинѣ, прославленію которой посвящено цѣлое стихотвореніе, поэтъ показываетъ, что правда одна только и есть сила, утверждающая благополучіе людей; что она внушаетъ человѣку быть милосерднымъ, сочувствовать страданіямъ ближняго. — Убѣжденный въ могущество правды, Державинъ и поэтъ называетъ глашатаемъ правды, а задача поэзіи, по мнѣнію его, оказывать нравственное вліяніе на людей, учить ихъ добродѣтели. Къ этому-же отдѣлу стихотвореній Державина мы относимъ и оду «На смерть князя Мещерскаго». Въ началѣ стихотворенія поэтъ представляетъ страшный образъ смерти, которая всѣхъ одинаково

преслѣдуетъ, монархъ и узникъ—снѣдь червей: алчная смерть глотаетъ царства, не шадитъ царей. Человѣкъ ищетъ наслажденій въ жизни сообразно съ своимъ возрастомъ; но эти наслажденія не вѣчны: «Смерть ищетъ каждаго и нѣкогда найдетъ». Мы не должны скорбѣть о скоротечности жизни, она небесъ мгновенный даръ; устроимъ ее къ покою и будемъ благословлять удары, посылаемые намъ судьбою. Говоря о смерти, поэтъ указываетъ также на ту, полную наслажденій жизнь, которую вели современные ему вельможи. Онъ называетъ Мещерскаго сыномъ роскоши и нѣтъ, и тѣмъ намекаетъ на людей высшаго сословія, которые, благодаря своему богатству, предавались всякаго рода удовольствіямъ и съ ужасомъ встрѣчали извѣстіе о томъ, что ихъ другъ, нѣкогда принимавшій участіе въ ихъ пиршествахъ, сталъ добычею внезапной смерти. Отдѣлъ стихотвореній религіознаго содержанія состоитъ преимущественно изъ переложеній псалмовъ Давида: Державинъ выбиралъ такіе, которые по основному мотиву, подходили къ его личнымъ убѣжденіямъ, что видно изъ слѣдующихъ названій: Истинное счастье (пс. I), На тщету земной славы (пс. 48), Радость о правосудіи (пс. 74) и т. д. Первое мѣсто въ отдѣлѣ религіозныхъ стихотвореній занимаетъ знаменитая ода «Богъ». Въ ней поэтъ бесѣдуетъ о свойствахъ божіихъ. Произведеніе Державина проникнуто философскимъ направленіемъ. Но поэзія не философія: она результатъ вдохновенія и творчества, а не плодъ отвлеченнаго мышленія. Поэтъ, пожалуй, также мыслитель, но его мысль развивается всегда въ картинахъ и образахъ, а не путемъ анализа и философскаго изслѣдованія истины. Ода написана съ большимъ чувствомъ, но ей недостаетъ той простоты, которая свойственна поэзіи; языкъ ея состоитъ изъ славянизмовъ, какъ на примѣръ: вездѣсущій, живой, животъ (жизнь), мразный (морозный), златой и т. д. Встрѣчается въ одѣ оборотъ рѣчи, совершенно не свойственной духу нашего языка, именно *accus. cum infinitivo* въ словахъ: «Тебя душа моя быть чаеть», т. е. душа моя чувствуетъ, что ты существуешь. Въ ряду торжественно-хвалебныхъ стихотвореній Державина первое мѣсто занимаютъ тѣ оды, въ которыхъ поэтъ прославляетъ Екатерину и ея блестящее царствованіе. Въ 1782 году въ «Собесѣдникѣ» была напечатана ода «Фелица», сразу доставившая поэту извѣстность, какою не пользовались другіе стихотворцы того времени. Въ самомъ началѣ оды, гдѣ мы находимъ обра-

щеніе къ богоподобной царицѣ Киргизъ-Кайсацкой орды, Державинъ намекаетъ на обстоятельство, которое послужило поводомъ къ сочиненію оды. Извѣстно, что Екатерина Вторая, вводя новую систему воспитанія, въ то же время заботилась о томъ, чтобы дать образцы дѣтской литературы согласно съ направлениемъ вводимой системы. Съ этою цѣлью она написала сказку о царевичѣ Хлорѣ, въ которой разсказывается, какъ еще до временъ кіевскаго князя Кія царевичъ Хлоръ похищенъ былъ киргизскимъ ханомъ, который поручаетъ ему отыскать розу безъ шиповъ, т. е. добродѣтель. Жена хана, Фелица, покровительствуетъ царевичу, она даетъ ему въ спутники сына своего Разсудокъ, и тотъ, съ помощью правды и Честности, преодолевая всѣ препятствія, исполняетъ желаніе хана. Императрица, составляя эту сказку, имѣла въ виду дидактическую цѣль: она хотѣла показать, что счастье человѣка основывается на добродѣтели, которая должна идти рука объ руку съ разсудкомъ. Поэтъ прославляетъ нравственные достоинства Фелицы (т. е. Екатерины II), ея заботливость объ обитателяхъ подданныхъ и въ то же время сатирически изображаетъ сибаритскую и праздную жизнь придворныхъ, намекая на Потемкина, Нарышкина и другихъ. Прославляя Фелицу за ея просвѣщенный взглядъ на свободу рѣчи, поэтъ невольно вспоминаетъ времена Анны Іоанновны, когда опасно было уронить портретъ царицы и подскоблить ошибку въ ея титулѣ, когда князья дошли до такого униженія, что дѣлали изъ себя шутовъ для потѣхи царицы и ея придворныхъ. Фелица хорошо знаетъ цѣну человеческой личности и, будучи просвѣщенной государыней, не прибѣгаетъ къ жестокимъ мѣрамъ, всегда кротка и снисходительна къ слабостямъ людей. Поэтъ видитъ въ Фелицѣ идеаль истинной правительницы, которая, сочувствуя нуждамъ народа, заботится о его благосостояніи, улучшаетъ его бытъ, предоставляетъ ему свободу пользоваться плодами просвѣщенія. Убѣжденный въ томъ, что истинная добродѣтель обитаетъ у трона Фелицы, поэтъ въ концѣ стихотворенія вполне выражаетъ свой восторгъ: онъ обоготворяетъ Фелицу, говоритъ, что она, также какъ Богъ, велика благостью. Здѣсь очевидно Державинъ, по обычаю своего времени, употребляетъ фигуру возвышенія согласно § 237 риторики Ломоносова. — Называя Екатерину Фелицею, поэтъ и всей одѣ придаетъ восточную обстановку, придворные являются въ видѣ мурзъ, въ концѣ оды поэтъ обра-

щается къ великому пророку, т. е. къ Магомету. Державинъ не хотѣлъ печатать своей оды, опасался за ея приѣмъ, думая, что насмѣшки надъ вельможами могутъ ему повредить. Но дѣло приняло совершенно другой оборотъ. Ода была напечатана безъ вѣдома поэта, и такъ понравилась Екатеринѣ, что она послала Державину въ подарокъ золотую табакерку съ 500 червонцами и на оберткѣ пакета написала слѣдующее: «Изъ Оренбурга отъ Киргизъ-Кайсацкой царевны Фелицы мурзѣ Державину». — Когда появилась въ печати ода «Фелица», то въ обществѣ раздавались голоса, упрекавшіе поэта въ лести, и вотъ поэтъ, для своего оправданія, пишетъ «Видѣніе Мурзы», одно изъ лучшихъ произведеній Державина, какъ чуждое риторизма. Фелица, являясь въ образѣ богини въ бѣлой одеждѣ, упрекаетъ поэта въ лести, и поэтъ въ отвѣтъ на это говоритъ слѣдующее:

Возможно-ль, кроткая царевна!
И ты къ мурзѣ чтобъ своему
Была сурова столь и гнѣвна,
И стрѣлы къ сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
Къ себѣ и ты не одобряла?
Довольно безъ тебя людей,
Довольно безъ тебя поэту,
За каждую мысль, за каждый стихъ
Отвѣтствовать лихому свѣту,
И отъ сатиры щититься злымъ!
Довольно золотыхъ кумировъ,
Безъ чувствъ мои что пѣсни чли;
Довольно кадіевъ, факировъ,
Которы въ зависти сочли
Тебѣ ихъ неприличной лестью;
Довольно нажилъ я враговъ!
Иной отнесъ себѣ къ безчестью,
Что не деруть его усовъ;
Иному показалось больно,
Что онъ насѣдкой не сидитъ;
Иному очень своевольно
Съ тобой мурза твой говорить;

Иной вмѣнял мнѣ въ преступлень,
Что я посланницей съ небесъ
Тебя быть мыслилъ въ восхищень
И лилъ въ восторгѣ токи слезъ;
И словомъ, тотъ хотѣлъ арбуза,
А тотъ — соленыхъ огурцевъ.
Но пусть имъ здѣсь докажетъ муза,
Что я не изъ числа льстецовъ;
Что сердца моего товарю,
За деньги я не продаю,
И что не изъ чужихъ амбаровъ
Тебѣ наряды я крою;
Но, вѣщеносна добродѣтель!
Не лезть я пѣлъ и не мечту,
А то, чему весь мѣръ свидѣтель:
Твои дѣла суть красоты.

Державинъ въ своихъ торжественныхъ одахъ отзывался на всѣ болѣе или менѣе замѣчательныя событія своего времени. Оды «На взятіе Измаила» и «на переходъ Альпійскихъ горъ» воспѣваютъ героическіе подвиги Суворова; въ одѣ «Водопадъ», заключающей въ себѣ четыреста слишкомъ стиховъ, прославленъ Потемкинъ, какъ одинъ изъ славныхъ дѣятелей царствованія Екатерины II. Всѣ торжественныя оды Державина, воспѣвающія событія современныя поэту, совершенно одинаковы по своему направленію: всѣ онѣ написаны высокимъ слогомъ, исполнены риторики и необыкновенно длинны. Державинъ любилъ изображать все въ преувеличенномъ видѣ, отсюда и происходитъ тотъ гиперболизмъ, который можно назвать главнымъ свойствомъ державинскаго стиля. — Большой объемъ торжественныхъ одъ Державина объясняется тѣмъ, что поэтъ вносилъ въ оду множество эпизодовъ, и переходилъ слишкомъ часто отъ одного предмета къ другому, нерѣдко забывая объ ихъ внутренней связи; такъ въ одѣ «Водопадъ», главная тема которой — есть кончина Потемкина, поэтъ вводитъ еще Румянцова, и подробно описываетъ славные подвиги этого героя; точно также въ одѣ «на взятіе Варшавы», Державинъ не ограничивается выраженіемъ своего восторга и удивленія къ великимъ дѣяніямъ Суворова и Екатерины II: — онъ показываетъ сонмъ русскихъ царей и вождей, предъ которыми поэтъ свои гимны русскій Пиндаръ, т. е. Ломоносовъ; далѣе является

Петръ Великій, который, вопреки исторической правдѣ, обращается съ рѣчью къ Пожарскому и за тѣмъ удаляется въ какую-то «сѣнь». Все это значительно увеличивало объемъ оды и лишало ее той краткости, которая составляетъ одно изъ главнѣйшихъ свойствъ художественной лирики.

Державинъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, до появленія «Фелицы», былъ только подражателемъ Ломоносова и другихъ предшествовавшихъ ему лириковъ. Но съ теченіемъ времени онъ сталъ обнаруживать недовольство той искусственной формой, которая подчасъ принимала громадные размѣры, и ввелъ въ оду сатирическій элементъ, немислимый у предшествовавшихъ поэтовъ. Лучшими сатирическими одами Державина считаются: «Вельможа» и «На счастье». Въ первомъ произведеніи поэтъ, рисуя идеаль истиннаго вельможи, какъ человѣка съ здравымъ умомъ и просвѣщеннымъ сердцемъ, вооружается противъ тѣхъ, которые придаютъ значеніе внѣшнему блеску.

Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами.
О! тщетно счастья рука
Противъ естественнаго чина
Безумца рядить въ господина,
Или въ шуиху дурака.

Въ этой же одѣ Державинъ изображаетъ Потемкина въ образѣ Сарданапала, проводящаго жизнь въ праздности и нѣгѣ, среди роскошныхъ пировъ и нескончаемаго веселья и невнимающаго мольбамъ бѣдной вдовы. Ода «На счастье» отличается простонароднымъ складомъ рѣчи; въ ней встрѣчаются между прочимъ такіе стихи:

Въ тѣ дни, какъ всюду скороходомъ
Предъ русскимъ ты бѣжишь народомъ
И лавры рвешь ему зимой,
Стамбулу бороду ерошишь
На Таврѣ ѣдешь чехардой
Задать Стокгольму перпу хочешь
Берлину фабришь ты усы и т. д.

Кромѣ тѣхъ двухъ отдѣловъ стихотвореній Державина, о которыхъ мы сказали, ему принадлежитъ еще рядъ антологическихъ стиховъ, отличающихся необыкновенною для того времени художественностью формы. Анакреонтическая поэзія, образцы которой даны Державинимъ, была по вкусу современному обществу, т. е. людямъ, принадлежавшимъ къ высшему сословію. Анакреонъ пѣвецъ любви, у тѣхъ и наслажденія жизни, а всѣ эти предметы составляли стремленіе вельможъ, жите-бытье которыхъ хорошо было извѣстно Державину, возвращавшемуся въ высшихъ сферахъ общества.

Поэзія Державина, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, отличается однообразіемъ содержанія и обиліемъ риторическихъ приемовъ. Какъ человѣкъ, не получившій собственно никакого образования, Державинъ часто высказывалъ это въ своихъ произведеніяхъ, когда ему приходилось судить о личныхъ качествахъ воспѣваемого имъ героя. Онъ часто противорѣчилъ самому себѣ, что мы видимъ, напр., въ изображеніи Потемкина въ двухъ различныхъ одахъ, обращалъ вниманіе часто на внѣшнія черты нравовъ своего времени и не въ состояніи былъ проникнуть въ ихъ сущность. Въ самомъ взглядѣ Державина на задачу поэзіи мы встрѣчаемъ противорѣчія. Въ одѣ «Любителю художествъ» онъ рисуетъ идеалъ поэта, какъ друга общаго добра, какъ человѣка, всегда сочувствующаго несчастію и страданіямъ ближняго. Высказывая такой высокій взглядъ на поэта, Державинъ въ то же время называетъ свои сочиненія бездѣлами, ставитъ въ особенное достоинство Екатериниѣ, что ей пріятна поэзія, какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ, и признается, что его собственная чиновническая служба выше его поэтическаго поприща (посланіе къ Храповицкому): Вводя сатиру въ свои оды, Державинъ конечно хотѣлъ дать иное направленіе лирической поэзіи, но его сатира во первыхъ слишкомъ поверхностна, а во вторыхъ сатирической элементъ является въ весьма немногихъ произведеніяхъ поэта. — Недостатки поэтической дѣятельности Державина, объясняющіеся конечно общимъ характеромъ той жизни, выкупаются многими достоинствами. Онъ значительно содѣйствовалъ развитію нашей поэзіи, представилъ образцы легкой поэтической рѣчи, стараясь придать ей простоту и отчасти народность, какъ понималась она въ то время вообще чуждое всего, что касается народной жизни и поэзіи. Всѣ

произведенія Державана тѣсно связываются съ современною эпохою: картины имъ, созданныя, по большой части вызывались событіями, происходившими въ его время.

Драматическая поэзія, начало которой тѣсно связывается съ началомъ русскаго театра, развилась подъ вліяніемъ западно-европейскихъ образцовъ. Произведенія Сумарокова и другихъ современныхъ писателей носятъ на себѣ тотъ же характеръ, какимъ отличались произведенія тогдашнихъ французскихъ драматурговъ, слѣдовавшихъ какъ извѣстно, правиламъ ложноклассической критики. Драматическая поэзія началась еще въ допетровскій періодъ; она выражалась тогда въ формѣ мистерій или сочиненій, сюжетъ которыхъ обыкновенно заимствовался изъ исторіи ветхаго и новаго завѣта. Мистеріи перешли къ намъ съ Запада и преимущественно господствовали у насъ въ періодъ польскаго вліянія на русскую литературу т. е. въ теченіе XVI и XVII столѣтій. Въ эпоху Петра Великаго мистеріи продолжали свое существованіе, но ихъ характеръ нѣсколько измѣнился; авторы стали выводить на сцену типы изъ народной среды, осмѣивать людей, непонимавшихъ значенія новыхъ преобразованій и враждебно относившихся къ дѣятельности самаго преобразователя. Начало русскаго театра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и драматической поэзіи по образцу западно-европейской относится къ царствованію Елизаветы Петровны. При дворѣ театръ существовалъ и ранѣе этого времени, но онъ былъ доступенъ только для царствующей фамиліи и для придворныхъ. Начало общественнаго русскаго театра связывается съ именемъ Ѳ. Г. Волкова. Онъ былъ сынъ костромскаго купца, и родился въ 1729 году. Мать Волкова, по смерти мужа, вышла за мужъ за ярославскаго купца Полушкина и все семейство переселилось въ Ярославль. Уже въ дѣтскомъ возрастѣ Волковъ сталъ обнаруживать свою любовь къ наукѣ и искусствамъ, самоучкой выучился живописи и музыкѣ, и рано сталъ выдѣляться по своимъ талантамъ изъ среды сверстниковъ. Въ 1746 году Волкову пришлось, по торговымъ дѣламъ вѣтчима, отправиться въ Петербургъ, гдѣ въ то время существовала уже итальянская опера. Присутствуя часто на представленіяхъ въ придворномъ театрѣ, Волковъ во все внимательно всматривался, изучалъ сцену и ея устройство и, вернувшись въ Ярославль, задумалъ устроить тамъ театръ. Волковъ самъ собралъ небольшую труппу изъ своихъ знакомыхъ, самъ нарисовалъ декор-

раціи и послѣ перваго представленія, даннаго въ кожевенномъ сараѣ, принадлежавшемъ вотчину, ярославская публика пришла въ такой восторгъ, что рѣшилась помочь Волкову открыть постоянный городской театръ. Волковъ, хорошо знакомый съ сценическимъ искусствомъ, немедленно приступилъ къ дѣлу и скоро театръ былъ открытъ въ особомъ зданіи, вмѣщавшемъ въ себѣ до тысячи зрителей. Между тѣмъ слухъ о провинціальномъ театрѣ дошелъ до Императрицы, которая и повелѣла вызвать Волкова съ товарищами въ Петербургъ. По прибытіи въ столицу Ярославскіе актеры съиграли трагедію извѣстнаго тогда писателя Сумарокова «Хоревъ» и ихъ игра такъ понравилась Государынѣ, что она рѣшила оставить Волкова и его товарищей и помѣстила ихъ въ сухопутный кадетскій корпусъ для изученія языковъ и наукъ. Въ труппѣ Волкова находились люди, которые впослѣдствіи были извѣстны въ литературѣ, но громадною славою какъ знаменитый трагикъ пользовался И. А. Дмитревскій, игравшій постоянно въ пьесахъ Сумарокова и по своей игрѣ принадлежавшій къ такъ называемой декламаторской школѣ сценическаго искусства. Въ 1756 году 30 августа состоялся Высочайшій указъ объ учрежденіи общественнаго театра, директоромъ котораго назначенъ былъ Сумароковъ, а первымъ актеромъ Ѳ. Г. Волковъ. Съ того времени сценическія дарованія Волкова обнаружались въ полномъ блескѣ, достоинство игры его было открыто признано и самими иностранцами. Но недолго пришлось Волкову пожинать лавры на поприщѣ драматическаго искусства. Въ 1762 году по случаю вступленія на престолъ Екатерины II ему поручено было устроить въ Москвѣ народный маскарадъ. Волковъ отправился въ Москву, устроилъ то, что было ему повелѣно, но во время приготовленія къ празднеству, сильно простудился и получивъ горячку скончался въ 1763 году на 35 году отъ рожденія. «Сей мужъ, говоритъ Новиковъ, былъ великаго, объемчиваго и проницательнаго разума, основательнаго и здраваго сужденія и рѣдкихъ дарованій, украшенныхъ многими ученіемъ и прилежнымъ чтеніемъ наилучшихъ книгъ. Театральное искусство зналъ онъ въ высшей степени, при семъ былъ изрядный стихотворецъ, хорошій живописецъ, довольно искусный музыкантъ на многихъ инструментахъ, посредственный скульпторъ. Съ перваго взгляда казался онъ суровъ и угрюмъ, но сіе исчезало, когда находился онъ съ хорошими своими пріятелями, съ которыми умѣлъ

онъ обходиться и улаживать бесѣду разумными и острыми шутками. Житія былъ трезваго и строгой добродѣтели, друзей имѣлъ не многихъ, но наилучшихъ, и самъ былъ другъ совершенный, великодушный, безкорыстный и любящій вспомошествовать!

Начало драматической поэзіи въ русской литературѣ положено было Сумароковымъ, произведенія котораго хотя и не могутъ считаться образцовыми, но въ свое время они имѣли значеніе и содѣйствовали развитію въ нашемъ обществѣ любви къ театру сообразно съ тѣми понятіями о немъ, которыя господствовали тогда на Западѣ. Александръ Петровичъ Сумароковъ (1718—1777) происходилъ отъ старинной боярской фамиліи, члены которой пользовались почетомъ и при русскомъ дворѣ. О дѣтствѣ Сумарокова мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Въ 1732 году Сумароковъ поступилъ въ сухопутный кадетскій корпусъ, основанный для дворянскихъ дѣтей и называвшійся тогда «рицарскою академіею». Воспитанники академіи, въ числѣ которыхъ были люди, прославившіеся впоследствии на различныхъ поприщахъ, особенно любили заниматься литературою, писали стихи, переводили; къ этому кружку присоединился часто и знаменитый герой Екатерининской эпохи безсмертный Суворовъ, любившій въ молодости литературу и напечатавшій въ журналахъ нѣкоторыя изъ своихъ произведеній. Изъ числа кадетъ особенно выдѣлялся по своимъ авторскимъ наклонностямъ Сумароковъ. Еще во время пребыванія въ корпусѣ имя Сумарокова сдѣлалось извѣстнымъ въ печати, онъ писалъ поздравленія въ честь императрицы Анны Ивановны, тогда же стали появляться его пѣсни или романсы, которые положенные на музыку распѣвались въ аристократическихъ домахъ. Такимъ образомъ еще на школьной скамейкѣ Сумароковъ уже обнаружилъ любовь къ занятію литературою и по окончаніи образованія въ корпусѣ, поступивъ въ военную службу рѣшился посвятить себя писательской дѣятельности. Изучая произведенія французской драматической поэзіи, Сумароковъ больше всего восторгался трагедіями Расина. Выборъ Сумарокова былъ весьма удаченъ. Несмотря на всю ложь классической теоріи Расинъ умѣлъ выходить побѣдителемъ; по словамъ Шерра, талантъ этого писателя главнымъ образомъ заключался въ анатоміи сердца, которая объясняетъ борьбу чувствъ ихъ столкновенія ощущеній съ требованіями жизни. Въ каждомъ произведеніи Расинъ имѣлъ цѣлью произвести впечатлѣніе на зрителей

и возбудить въ нихъ тѣ или другія нравственныя чувства. Глубоко понимая духъ древнегреческой драмы, Расинъ съ большимъ талантомъ воспроизвелъ его въ своей трагедіи «Аталія», которая отличается несомнѣнно античнымъ характеромъ и далека отъ ложноклассическихкихъ правилъ, господствовавшихъ тогда во французской драматургіи. Первымъ произведеніемъ Сумарокова, съ котораго началась и его слава какъ драматическаго писателя была трагедія «Хоревъ» напечатанная въ 1747 году. Съ этого времени и до самой смерти Сумароковъ не переставалъ заниматься литературою и оставилъ громадное количество разнообразныхъ сочиненій, изъ которыхъ лучшими являются его трагедіи, отчасти комедіи. Въ концѣ 1749 года трагедія «Хоревъ» была представлена кадетами сухопутнаго корпуса, а потомъ и на придворномъ театрѣ. Успѣхъ перваго произведенія сверхъ ожиданія самого автора былъ блистательный и вотъ Сумароковъ вслѣдъ за Хоревомъ, пишетъ Гамлета, Синава и Трувора и цѣлый рядъ трагедій. Произведенія Сумарокова принимались благосклонно современнымъ обществомъ, кромѣ того одинъ французскій критикъ Лагарпъ, разбирая переведеную на французскій трагедію Синавъ и Труворъ, *пришелъ въ восторгъ отъ таланта* русскаго драматурга и, по незнанію русской исторіи, находилъ въ трагедіи многія историческія достоинства. Такой отзывъ вскружилъ голову Сумарокову, какъ человѣку самолюбиваго характера. Онъ увѣрился въ величій своего таланта, хотя въ сущности его произведенія не были столь замѣчательны, какъ онъ самъ воображалъ. Сумароковъ всегда былъ самолюбивъ и раздражителенъ до крайности, что не разъ влекло за собою непріятности въ его отношеніяхъ къ окружающему обществу. Высоко цѣня свой талантъ, онъ не могъ выносить, когда являлись достойные соперники, которыхъ онъ всегда считалъ своими злѣйшими врагами. Даже такіе люди, какъ Ломоносовъ, не разъ были предметомъ его грубыхъ остротъ и сатиръ. Около 1770 года въ Россіи стала извѣстна драма Бомарше «Евгенія», совершенно не похожая на произведенія ложноклассической школы. Содержатель театра въ Москвѣ, Бельмонти поставилъ на сцену эту піесу, рассчитывая на сборъ. Сумароковъ, узнавъ, что піеса имѣла успѣхъ написалъ весьма дерзкую статью противъ драмы, назвавъ переводчика подъячимъ, назвалъ вообще мѣщанскія или слезныя драмы «накостнымъ» родомъ и вступилъ къ нимъ неприличнымъ вѣду

великой Екатерины. Общество отомстило Сумарокову: во время представления его трагедій «Синавъ», тотчасъ по поднятіи занавѣса, раздались страшные свистки, неистовые крики, стукъ ногами и ругательства. Подобныя обстоятельства бѣсили Сумарокова и онъ не щадилъ своихъ враговъ, направляя противъ нихъ желчныя и дерзкіе стихи. Семейныя и экономическія обстоятельства, часто раздражавшія Сумарокова, а также и невоздержность къ спиртнымъ напиткамъ, повели за собою быстрый упадокъ силъ. По словамъ Лонгинова, послѣдній годъ жизни писателя прошелъ самымъ печальнымъ образомъ. Но, несмотря на это, Сумароковъ продолжалъ писать. Умеръ онъ въ крайней бѣдности и похороненъ на деньги, собранныя по подпискѣ, на кладбищѣ Донского монастыря въ Москвѣ. Одинъ изъ друзей, В. И. Майковъ, также извѣстный писатель, написалъ эпитафію, въ которой прославилъ Сумарокова, совершенно справедливо назвавъ его поборникомъ истины и гонителемъ злыхъ пороковъ, хотя значительно и преувеличилъ достоинства его таланта. Полное собраніе сочиненій Сумарокова издано было Новиковымъ въ 10 томахъ, во всякомъ случаѣ обнаруживающихъ плодovitость этого писателя. Взглядъ на Сумарокова, какъ на писателя бездарнаго, высказанный когда-то Пушкинымъ и затѣмъ Бѣлинскимъ, не совсемъ справедливъ и объясняется эстетическою точкою зрѣнія, съ которой эти писатели смотрѣли вообще на литературу прошедшаго столѣтія. Сочиненія Сумарокова вызывались господствовавшими въ его время потребностями общества и не лишены важнаго историко-литературнаго значенія.

Трагедія Сумарокова построена на основаніи тѣхъ правилъ о драматической поэзіи, которыя господствовали въ то время во Франціи и выполнялись лучшими французскими драматургами Расиномъ, Корнелемъ, Вольтеромъ и другими. Французская классическая трагедія основана на искусственномъ подборѣ такихъ положеній, которыя производили на зрителей ужасъ или состраданіе. Въ ней нѣтъ живыхъ характеровъ, дѣйствующія лица являются только олицетвореніями тѣхъ или другихъ нравственныхъ качествъ и обыкновенно раздѣляются на два разряда: одни олицетворяютъ собою добродѣтель, другія—порокъ. Трагедія строилась не на дѣйствіи и борьбѣ, пронизывающей отъ противоположности характеровъ, какъ это видимъ мы въ Шекспировской драмѣ, а состояла изъ длинныхъ разго-

воровъ дѣйствующихъ лицъ, которыми авторъ хотѣлъ выразить разнаго рода нравственныя сентенціи. Кромѣ того, ложноклассическая критика, заимствуя свою теорію изъ сочиненій Аристотеля, требовала, чтобы въ трагедіи соблюдены были такъ называемыя три единства: дѣйствія, мѣста и времени. Въ драмѣ должна быть одна интрига, дѣйствіе должно начаться и окончиться на одномъ и томъ-же мѣстѣ, и не допускалось перенесеніе сценъ, какъ это дѣлается теперь, кромѣ того и время совершенія дѣйствія требовалось ограничивать сутками.—Французскіе писатели, обратившись къ греческой трагедіи, строили и свои произведенія по образцу сочиненій древнихъ писателей, но забывали о томъ, что условія жизни древнихъ грековъ далеко были не тѣ, въ которыхъ вращалось французское общество, а слѣдовательно и литература не могла ограничиваться тѣми указаніями, которыя находимъ мы у древнихъ грековъ. Если въ древнегреческой трагедіи выводились на сцену лица высшаго класса, то это происходило оттого, что собственно народъ не принималъ никакого участія въ общественной жизни, между тѣмъ и французскіе драматурги изображали только людей высшаго сословія, хотя народная жизнь въ ихъ время представляла обильный матеріалъ для драматической поэзіи. Масса правилъ, утвержденныхъ французской критикою, стѣсняла свободу творчества, безъ которой немислимо ни одно поэтическое сочиненіе, и вотъ почему совершенно справедливо мнѣніе Гримма, одного изъ критиковъ прошлаго столѣтія, что трагедія требовала меньше всего таланта и воображенія. Сумароковъ рабски подражалъ французской трагедіи и благоговѣлъ передъ Расиномъ, считая его своимъ единственнымъ идеаломъ. Большая часть трагедій Сумарокова касается сюжетовъ историческихъ; таковы: Синавъ и Труворъ, Артистона (изъ временъ Кира), Семира, «Яропольскій и Димиза» «Дмитрій Самозванецъ» «Мстиславъ» и другія. Всѣ трагедіи Сумарокова похожи одна на другую, вездѣ на первомъ планѣ стоитъ любовь, доведенная до страсти, вездѣ ужасъ и злодѣйства, которыми авторъ желалъ потрясти зрителей. Герои и героини сумароковскихъ трагедій—не живыя лица, они и говорятъ и дѣйствуютъ не такъ какъ обыкновенные смертные. Таковъ напр.: Дмитрій Самозванецъ, не только искаженный исторически, но представленный чудовищемъ, изумляющемъ зрителя своими злодѣйскими поступками. Онъ постоянно говоритъ о своихъ злодѣяніяхъ и совершенно

спокойно объявляет своему наперснику о намѣреніи отравить жену Ксенію, дочь Шуйскаго. Нечего и говорить о томъ, что характеры, изображенные Сумароковымъ, не согласны ни съ временемъ, къ которому они относятся, ни съ мѣстомъ, которое обыкновенно вліяетъ на образованіе въ человѣкѣ тѣхъ или другихъ свойствъ. Вотъ почему въ трагедіяхъ Сумарокова есть только русскія имена, но нѣтъ и намеба на русскую жизнь: всѣ герои его совершенно лишены національности и нисколько не отличаются отъ героевъ французской трагедіи. Несмотря на неестественность характеровъ и возвышенный складъ рѣчи, которымъ писались трагедіи Сумарокова, онѣ однакожь возбуждали восторгъ въ зрителяхъ и прославили автора, какъ знаменитаго драматурга. Это происходило вслѣдствіе тогдашняго взгляда вообще на драматическое искусство. Въ немъ искали прежде всего эффектовъ, поражающихъ сценъ, но не обращали вниманія на то, естественно или нѣтъ авторъ изображаетъ ту или другую сцену. Успѣхъ трагедіи Сумарокова объясняется также игрою первоклассныхъ актеровъ того времени; такой талантъ, какъ Дмитревскій, могъ разумѣется приводить въ восторгъ зрителей, несмотря на ходульность пьесы. Замѣчая недостатки современнаго общества, Сумароковъ, по своему характеру, не могъ остаться равнодушнымъ къ этому, онъ старался обличать ихъ въ своихъ сатирическихъ статьяхъ, басняхъ и затѣмъ въ комедіяхъ. Комедіи Сумарокова ничто иное, какъ рабское подражаніе французскимъ произведеніямъ, въ нихъ нѣтъ ни характеровъ, ни вѣрнаго изображенія явленій жизни, притомъ авторъ слишкомъ неправильно смотрѣлъ вообще на значеніе сатиры. Осмѣивать общество можно только съ точки зрѣнія идеала, добытаго путемъ строгаго изученія общественныхъ явленій; ничего подобнаго не было въ дѣятельности Сумарокова, онъ возставалъ противъ отдѣльныхъ лицъ, бывшихъ его врагами, отсюда происходятъ постоянныя нападки на подъячихъ, которыхъ онъ называетъ то «хамовымъ отродьемъ», то «крапивнымъ сѣменемъ». Сумароковъ совершенно искренно вѣрилъ въ необятность своего литературнаго таланта и на каждаго современнаго писателя готовъ былъ смотрѣть какъ на врага. Озлобленный на Тредьяковскаго, онъ пишетъ комедію «Трессотниусъ», гдѣ и осмѣиваетъ этого писателя за его стремленія преобразовать русское правописаніе. Въ стремленіяхъ Тредьяковскаго ничего не было смѣшнаго, и сатира Сумарокова была толь-

го результатомъ его личнаго самолюбія. По словамъ Сумарокова, цѣль комедіи смѣхомъ исправлять нравы и въ этомъ случаѣ мнѣніе его согласно съ взглядомъ тогдашней литературной критики, которая въ то время была мало развита.

Являясь проповѣдникомъ правды и преслѣдуя современные общественные пороки, Сумароковъ не въ состояніи былъ создать ни одного типа, притомъ и самъ часто впадалъ въ противорѣчіе. Онъ вооружался противъ дворянской спѣси, а между тѣмъ называлъ Ломоносова Холмогорскимъ мужикомъ, прибилъ кушца за то, что тотъ не назвалъ его выше превосходительство. — Осмѣивая ханжество, безпутную жизнь современныхъ франтовъ, продѣлки подъячихъ и другіе недостатки современнаго общества, Сумароковъ слѣдовалъ въ этомъ случаѣ другимъ представителямъ тогдашней сатиры и такимъ образомъ не ввелъ ничего новаго со стороны содержанія. Что же касается формы или лучше языка сочиненій Сумарокова, то онъ во многомъ страдаетъ неправильностями и притомъ заключаетъ въ себѣ часто обиліе тривіальныхъ выраженій. Несмотря на это, сочиненія Сумарокова пользовались въ свое время популярностью, во первыхъ потому, что они были доступны большинству, а во вторыхъ касались очень часто живыхъ вопросовъ современности. Это послѣднее обстоятельство надо поставить въ особенную заслугу Сумарокову, который первый изъ русскихъ писателей подражалъ Кантемиру, стремясь сблизить литературу съ дѣйствительностью.

Еще до появленія Фонъ Визина, который считается главнымъ представителемъ русской комедіи прошлаго вѣка, многіе писатели, подобно Сумарокову, пытались освободить комедію отъ французскаго вліянія и создать такую, которая бы отличалась національнымъ характеромъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна дѣятельность Лукина, Княжнина и Аблесимова.

Владиміръ Игнатьевичъ Лукинъ (1737 — 1794) былъ извѣстенъ не столько какъ авторъ комедіи, сколько какъ человѣкъ, критически относившійся къ современнымъ литературнымъ вопросамъ. Свои критическія замѣчанія Лукинъ высказывалъ въ предисловіяхъ къ собственнымъ комедіямъ, которыя состояли изъ передѣлокъ произведеній французскихъ писателей. Сужденія Лукина отличались рѣдкою смѣлостью: онъ возставалъ противъ старыхъ писателей, которые, считая себя единственными судьями въ литературныхъ вопросахъ,

«презирають всякое сочиненіе, не ихъ перомъ» издаваемое, требуютъ, чтобы молодой писатель являлся къ нимъ на поклонъ, просить совета и слѣдовалъ по пути, указанному ими. — Высказывая подобныя сужденія, Лукинъ нашлъ себѣ много враговъ, которые, въ томъ числѣ и Сумароковъ, поднимали его на смѣхъ, помѣщая въ тогдашнихъ журналахъ насмѣшливые отзывы о литературной дѣятельности Лукина. Большая часть комедій переводилась съ французскаго. Лукинъ находилъ, что для русскаго общества эти переводы не имѣютъ никакого значенія, что надо писать комедіи съ содержаніемъ изъ русской жизни, и потому, воспользовавшись французскими произведеніями, передѣлывать ихъ на русскіе нравы. Такія передѣлки хотя и существовали въ тогдашней литературѣ, но онѣ неудовлетворительны, такъ какъ писатели, заимствуя сюжеты изъ французскихъ пьесъ, часто приписывали русской жизни черты, которыя совершенно ей несвойственны. Лукинъ указывалъ при этомъ на комедію Сумарокова Трессотиніусъ, гдѣ авторъ выводитъ подъячюга, являющагося къ Оронту—одному изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи для совершенія брачнаго контракта. По мнѣнію критика, у насъ совершенно немислимъ нотаріусъ съ подобными обязанностями, такъ какъ самый фактъ противорѣчитъ русской жизни. Исправить общество можно только такою комедіею, которая бы заключала въ себѣ изображеніе нравовъ русской жизни и, выбирая сюжеты изъ иностранныхъ образцовъ, слѣдуетъ оставлять главное, и слонять, какъ выражается Лукинъ, на свои нравы. Высказывая довольно вѣрныя замѣчанія о необходимости національной комедіи Лукинъ и самъ далъ образцы передѣловъ, но, не владѣя драматическимъ талантомъ, онъ не могъ достигнуть цѣли. Лучшею его комедіею считается «Мотъ, любовью исправленный», передѣлка комедіи «Детуша Dissipateur». Какой-то Добросердовъ подчинившись Злорадову, проматываетъ свое состояніе и потомъ, влюбившись въ племянницу княжны, рѣшается отправиться къ дядѣ, представить ему свою невѣсту и получить отъ него денегъ для уплаты долговъ. Злорадовъ старается разстроить планы мота, но ему не удается это, онъ самъ попадаетъ въ тюрьму, а дядя, умирая, оставляетъ большое наслѣдство Добросердову. Комедія по обыкновенію кончается свадьбою и заключительною мыслью: Богъ не оставляетъ злодѣйства безъ наказанія, которая однакожь плохо вяжется съ содержаніемъ пьесы. Въ пьесахъ Лукина нѣтъ

ни драматическаго движенія, ни характеровъ, и въ этомъ отношеніи онѣ сходны съ комедіями Сумарокова.

Драматическія произведенія Княжнина отличаются уже большіми литературными достоинствами, хотя и на нихъ отразилось значительно вліяніе французскихъ образцовъ. Яковъ Борисовичъ Княжнинъ родился во Псковѣ, въ 1742 году. Пятнадцати лѣтъ онъ переселился въ Петербургъ, и занимаясь тамъ подъ руководствомъ профессора Академіи Наукъ Модераха, основательно изучилъ языки французскій, нѣмецкій и итальянскій. Литературная дѣятельность Княжнина началась довольно рано. Первымъ произведеніемъ его, обратившимъ вниманіе на него и общества и критики, была извѣстная трагедія «Дидона», сыгранная на придворномъ театрѣ въ Москвѣ, въ присутствіи императрицы Екатерины II. Даже Сумароковъ, завистливо смотрѣвшій на успѣхъ своихъ соперниковъ по литературѣ, сочувственно отнесся къ произведенію Княжнина. Скоро Княжнинъ оставляетъ службу, выходитъ въ отставку и всецѣло посвящаетъ себя литературной дѣятельности. Принужденный существовать съ семействомъ единственно литературою, Княжнинъ часто мало обрабатывалъ свои сочиненія и этимъ въ особенности отличаются его переводы изъ Вольтера, Расина и Кребиллона. По прошествіи 8 лѣтъ Княжнинъ поступилъ въ секретари къ извѣстному уже намъ Бецкому, но не покидалъ литературнаго поприща, особенно имъ любимаго. Къ этому времени относится трагедія «Рославъ», которая такъ понравилась публикѣ, что она вызвала автора, но онъ смутился, скрылся изъ театра, и вмѣсто него вышелъ актеръ Дмитревскій и изъявилъ благодарность отъ имени сочинителя. Ни сюжетъ, ни характеры трагедіи не выдерживаютъ критики, и восторгъ зрителей объясняется съ одной стороны патріотизмомъ главнаго героя, съ другой—погрязающею игрою Дмитревскаго, изображавшаго Рослава. Послѣ «Рослава» появились и другія трагедіи Княжнина, изъ которыхъ особенно много шуму надѣлала трагедія «Вадимъ князь Новгородскій», напечатанная уже послѣ смерти автора, и возбудившая преслѣдованія тогдашней цензуры. Въ ней авторъ изображаетъ, какъ посадникъ Новгородскій Вадимъ возмущаетъ народъ противъ правителя Рюрика, избранаго новгородцами. По распоряженію княгини Дашковой трагедія была напечатана въ 1793 году

отдѣльною книгою и въ сборникѣ издававшемся въ то время подъ названіемъ «Россійскій Театръ».

Кромѣ трагедій, Княжнинъ писалъ еще и комедіи, изъ которыхъ многія превосходятъ произведенія Сумарокова и Лукина. Въ 1785 году онъ собралъ всѣ свои сочиненія и посвятилъ Екатеринѣ II, которая повелѣла напечатать ихъ на свой счетъ и подарить автору всѣ экземпляры. Черезъ 4 года, Княжнинъ скончался на 47 году отъ рожденія. Трагедіи Княжнина писаны всѣ по образцу ложноклассическихъ и въ этомъ отношеніи онѣ нисколько не отличаются отъ трагедій Сумарокова. Заимствуя сюжетъ изъ исторіи, авторъ мало обращалъ вниманія на вѣрное воспроизведеніе исторической жизни, и старался только возбудить восторгъ зрителей изображеніемъ какихъ нибудь потрясающихъ сценъ или подѣйствовать на ихъ патріотическое чувство. Въ нѣкоторыхъ трагедіяхъ Княжнина встрѣчаются намеки на современные событія, такъ напр. въ «Титовомъ милосердіи» авторъ намекаетъ на гуманныя преобразованія Екатерины II. Хотя большая часть трагедій Княжнина написаны по образцу французскихъ, но во всякомъ случаѣ его сочиненія значительно превосходятъ сумароковскія по слогу и по отдѣлкѣ стиха, что безъ сомнѣнія, и оказывало вліяніе на одобрительный пріемъ, съ какимъ было встрѣчаемо въ публикѣ каждое произведеніе талантливаго драматурга. Мы говорили уже о тѣхъ попыткахъ, которыми современные писатели думали дать образецъ національной русской комедіи. Княжнинъ принадлежалъ къ этой же школѣ писателей. Лучшими его комедіями считались двѣ: «Хвастунъ» и «Чудаки». Въ первой піесѣ изображается какъ одинъ помѣщикъ Верхолетъ, желая жениться на богатой барышнѣ, дочери Чванкиной, выдаетъ себя за графа, занимающаго нѣсколько важныхъ должностей и пользующагося большимъ вѣсомъ при дворѣ. Чванкина всему вѣритъ и только при помощи благочиннаго, который сажаетъ Верхолета въ смиренный домъ, она узнаетъ, что жестоко обманута. Сюжетъ этотъ заимствованъ изъ комедіи Де-Врионе *Important de cour*, но Княжнинъ коснулся нѣкоторыхъ чертъ тогдашней русской жизни: въ лицѣ Чванкиной авторъ довольно остроумно осмѣиваетъ страсть къ чинамъ, которая господствовала въ современномъ обществѣ и долго служила матеріаломъ для послѣдующей русской сатиры. Комедія «Чудаки», какъ и другія произведенія прошлаго вѣка, вовсе не художественное созданіе, по-

добное «Ревизору» Гоголя; старинная наша комедія была преимущественно комедією общественныхъ нравовъ, изображала отдѣльные явленія изъ современной жизни. Весь интересъ комедіи «Чудаки», заимствованной изъ пьесы Детуша *L'homme singulier*, основанъ исключительно на изображеніи главнаго дѣйствующаго лица, помѣщика Лентягина, устраивающаго судьбу своей дочери. Онъ философъ, т. е. человѣкъ отрицающій свѣтскія приличія. Лентягинъ говоритъ слугѣ своему *вы* и, называлъ его своимъ другомъ, хочетъ выдать за него единственную дочь. — Княжнинъ съумѣлъ довольно вѣрно представить господствующія черты современнаго общества; въ лицѣ Вѣтромаха, одного изъ жениховъ дочери Лентягина, довольно остроумно осмѣявъ современный щеголь, или петиметръ, какъ ихъ тогда называли, помѣшавшійся на всемъ французскомъ. Другой женихъ Пріятъ олицетворяетъ собою сентиментальность.

Во фракѣ мердоа и въ розовомъ платочкѣ.
По вечерамъ одинъ задумчивъ и смущенъ
Такъ томень и уныль, какъ будто селадонъ.
По рощамъ и лугамъ съ овечками гуляетъ,
Иль подъ окномъ монимъ по холодку пилаетъ.

Хотя комедіи Княжнина далеко не отличаются народнымъ характеромъ, но по своему живому содержанію и остроумію онѣ представляютъ уже значительный шагъ впередъ. Общія недостатки тогдашней комедіи отразились и на сочиненіяхъ Княжнина. — Сатира тогдашняя, до появленія Ф. Визина, изображала собственно не типы, а отдѣльные лица, думая этимъ скорѣе подѣйствовать на исправленіе общественныхъ нравовъ. Съ другой стороны, въ старинной комедіи нѣтъ дѣйствія, что отчасти замѣтно и въ сочиненіяхъ фонъ-Визина. Всѣ явленія ея не связываются другъ съ другомъ и совершенно случайны, причемъ для развязки комедіи употребляется или свадьба, или иногда полиція, хотя въ ней часто не было никакой нужды.

Въ драматической литературѣ прошлаго вѣка весьма распространена была такъ называемая комическая опера. Это была таже комедія съ прибавленіемъ куплетовъ для пѣнія. Княжнинъ далъ образецъ комической оперы въ пьесѣ «Несчастье отъ кареты». Здѣсь сатира получаетъ серьезное направленіе. Комедія осмѣиваетъ помѣщиковъ, которые для своихъ удовольствій разоряютъ крестьянъ.

Помѣщикъ Фирюлинъ, страстный любитель французской моды, пишетъ своему прикащику, чтобы тотъ немедленно выслалъ ему денегъ, причѣмъ совѣтуетъ ему продать годныхъ людей въ рекруты. Въ лицѣ крестьянина Лукьяна авторъ изображаетъ жалкую участь грѣшнѣйшихъ, совершенно подчиненныхъ волѣ помѣщиковъ.

Изъ драматическихъ произведеній прошлаго вѣка большою извѣстностью пользовалась комическая опера Аблесимова «Мельникъ колдунъ, обманщикъ и свать». Содержаніе этой пьесы заимствовано изъ народной русской жизни, которая хотя и представлена здѣсь только съ внѣшней стороны, но, при всеобщемъ господствѣ французскихъ комедій, безъ сомнѣнія должна была привлечь вниманіе публики. Въ то время народная жизнь не была предметомъ изученія; о ней не имѣли почти никакого понятія, и вотъ почему крестьянскій бытъ изображался часто неестественно съ отгѣнкомъ моднаго въ то время сентиментализма. Какъ исключеніе, можно указать на комическую оперу М. Попова «Анюта» (1772), гдѣ жизнь изображена просто и естественно. М. Поповъ былъ изъ числа товарищей Волкова и много занимался изученіемъ народной жизни, что видно изъ прозаическихъ его сочиненій.

Просвѣтительныя идеи, проникавшія къ намъ съ Запада, находили сочувствіе среди образованныхъ русскихъ людей, посвящавшихъ себя литературѣ. Въ этомъ отношеніи между драматическими писателями вѣка Екатерины II первое мѣсто занимаетъ Фонъ-Визинъ, какъ авторъ двухъ замѣчательныхъ комедій, изображавшихъ явленія русской жизни безъ всякихъ прикрасъ. Рисуя картину общественныхъ нравовъ своего времени, Ф. Визинъ не ограничивался изображеніемъ отрицательныхъ сторонъ жизни, но старался также представить идеаль челоуѣка съ нравственными достоинствами, согласно съ тѣми понятіями, которые стали проникать къ намъ чрезъ посредство гуманныхъ реформъ императрицы Екатерины II. Мы говорили уже, что Екатерина II, посвящая себя литературной дѣятельности, указывала путь, по которому должны быть направлены стремленія современныхъ писателей; въ этомъ отношеніи комедіи Ф. Визина считаются лучшими памятниками тогдашней литературы и представляютъ собою богатый матеріалъ для изученія общественныхъ нравовъ вѣка Екатерины II. О времени дѣтства и юности Ф. Визина мы узнаемъ изъ его автобіографіи «Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ»

и промышленности», которую онъ написалъ въ концѣ жизни, но, къ сожалѣнію, не окончилъ. Ф. Визинъ родился въ 1744 году. Отецъ его былъ человѣкъ съ прекрасными качествами и хотя не получилъ никакого образованія, однако старался развить себя самостоятельнымъ чтеніемъ и, по словамъ сына, никогда не позволялъ себѣ лстить знатнымъ вельможамъ, что для того времени считалось рѣдкостью. Уже на четвертомъ году Ф. Визинъ сталъ учиться грамотѣ и хорошо изучилъ языкъ славянской. Ф. Визинъ миновалъ ту обычную систему воспитанія, по которой воспитывались въ то время дворянскія дѣти: его не окружали французы гувернеры, пользовавшіеся тогда репутаціею хорошихъ педагоговъ, но на дѣлѣ приносившіе много вреда для питомцевъ. Домашнее воспитаніе Ф. Визина отличалось русскимъ характеромъ. Отецъ старался развивать въ дѣтяхъ нравственныя и религіозныя чувства и часто самъ читалъ имъ полезныя книги, объясняя все для нихъ непонятное. По окончаніи домашняго воспитанія Ф. Визинъ помѣщенъ былъ въ гимназію, основанную при Московскомъ университетѣ. Ф. Визинъ мало вынесъ познаній, такъ какъ гимназія находилась тогда въ плохомъ состояніи за отсутствіемъ свѣдущихъ и преданныхъ своему дѣлу учителей. Въ 1758 году директоръ Московскаго университета, Мелиссино, отправился въ Петербургъ къ гр. Шувалову, основателю и куратору университета, и взялъ съ собою десять лучшихъ воспитанниковъ гимназій, въ числѣ которыхъ былъ и Ф. Визинъ. Въ Петербургѣ въ то время уже существовалъ театръ; Фонъ Визинъ былъ въ восторгѣ отъ представленія одной французской пьесы и скоро, чрезъ посредство своего дяди, познакомился съ Дмитревскимъ и другими свѣтлами тогдашняго театральнаго міра. Вернувшись въ Москву, Фонъ Визинъ принялся за изученіе французскаго языка и въ два года такъ хорошо овладѣлъ имъ, что перевелъ стихами «Альзиру», трагедію Вольтера. — Зачисленный въ число студентовъ, Фонъ Визинъ много занимался литературою, переводилъ съ иностранныхъ языковъ разнаго рода статьи и помѣщалъ ихъ въ журналъ Рейхеля «Собраніе лучшихъ сочиненій». Къ этому же періоду жизни относится переводъ басенъ Гольберга и романа аббата Террасона «Геройская добродѣтель или жизнь Сифа, царя египетскаго». По окончаніи курса Ф. Визинъ посвятилъ себя государственной службѣ и сталъ мало по малу входить въ кружокъ тогдашняго аристократическаго

общества, среди котораго весьма сильно распространены были идеи французской философии. Безбожіе и кощунство надъ религіею явились какъ необходимый результатъ поверхностнаго знакомства съ литературою Запада и считались даже признакомъ высокаго образованія. Такова была мода, и Фонъ Визинъ, какъ молодой и неопытный юноша, на первый разъ увлекся этою модою, и хотя никогда не былъ атеистомъ, получивъ въ дѣтствѣ твердое религиозное развитіе, но въ спорахъ часто позволялъ себѣ свободно выражаться. Увлеченіе Фонъ Визина ясно высказывается между прочимъ въ стихотвореніи «Посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ». Но скоро прошло это увлеченіе, сомнѣнія Фонъ Визина разсѣяны были умными совѣтами сенатора Теплова, который указалъ ему на книгу Самуила Кларка «Довозательства бытія Божія и истинны христіанской вѣры». Отрывки изъ этой книги Фонъ Визинъ перевелъ и намѣревался приложить къ концу своей автобіографіи; но она, какъ извѣстно, не была окончена. Въ 1766 году, во время служенія подъ начальствомъ статсъ-секретаря И. П. Елагина, Фонъ Визинъ окончилъ свою первую комедію «Бригадиръ». Комедія скоро стала извѣстна во многихъ тогдашнихъ аристократическихъ домахъ, и даровитый авторъ, приглашенный къ двору, прочиталъ ее самъ въ присутствіи государыни. Общество занимало не столько содержаніе произведенія, сколько мастерское и комическое изображеніе характеровъ и типовъ, взятыхъ изъ русской жизни, чуждое предшествовавшимъ драматическимъ произведеніямъ. Мастерское чтеніе самого автора еще болѣе усиливало комизмъ выведенныхъ въ комедіи личностей. Въ 1769 году Фонъ Визинъ перешелъ на службу къ графу Н. И. Панину, къ одному изъ знаменитыхъ государственныхъ людей того времени. Между начальникомъ и подчиненнымъ, служившимъ въ качествѣ секретаря, завязались дружественныя отношенія, продолжавшіяся до самой смерти Панина, т. е. до 1783 года. Въ теченіе своей жизни Фонъ Визинъ нѣсколько разъ бывалъ за границей отчасти по обязанностямъ службы, но болѣе по причинѣ своей болѣзни, которая долго продолжалась и довела его до смерти. Онъ путешествовалъ по Франціи и Италіи, и свои впечатлѣнія выражалъ въ письмахъ, въ которыхъ особенно враждебно отзывался о французахъ, ихъ обществахъ и писателяхъ. Характеристика французскаго общества, отличаясь сатирою какъ и все, что выходило изъ подъ пера

Фонъ Визина, представляет много вѣрныхъ и справедливыхъ замѣчаній, но нельзя того же сказать о тѣхъ мѣстахъ его писемъ, гдѣ онъ изображаетъ французскихъ писателей, стоявшихъ во главѣ тогдашняго умственнаго движенія. При всемъ своемъ умѣ, Фонъ Визинъ однакожь не сочувствовалъ ни Вольтеру, ни Руссо, ни энциклопедистамъ, и даже позволялъ себѣ, говоря о послѣднихъ, употреблять подобныя слова какъ «уродъ», «шарлатанъ». Про знаменитаго математика и философа Д'Аламбера Фонъ Визинъ выразился, что это была премерзкая фигура и преподленькая фizioномія. Такой взглядъ произошелъ впрочемъ изъ слѣдующаго источника: Фонъ Визина поразило то обстоятельство, что Д'Аламберъ и другіе явились съ визитомъ къ одному изъ русскихъ аристократовъ, брату вліятельнаго лица при русскомъ дворѣ. Но это было сдѣлано не изъ низкой лести, какъ полагалъ Фонъ Визинъ, а просто изъ соблюденія обычной вѣжливости, принятой въ высшемъ обществѣ. Взглядъ Фонъ-Визина на французскихъ писателей кажется страннымъ, тѣмъ болѣе, что онъ проводилъ въ своихъ произведеніяхъ тѣ же идеи, какія проповѣдывались въ той же французской литературѣ, представители которой пользовались въ свое время всемірною славою. Въ 1782 году Фонъ Визинъ написалъ новую комедію «Недоросль». Публика пришла въ неизяснимый восторгъ во время представленія комедіи. Рассказываютъ, что Потемкинъ сказалъ автору: «Умри Денисъ, или больше ничего не пиши». Дѣйствительно это было самое лучшее произведеніе сатирическаго таланта Фонъ Визина, и все, что вышло впоследствии, рѣшительно не заслуживаетъ такого вниманія, какимъ до сихъ поръ пользуется по справедливости его Недоросль. Между тѣмъ здоровье Фонъ Визина прогрессивно стало слабѣть и, несмотря на неоднократныя поѣздки за границу для пользованія тамошними минеральными водами болѣзнь усиливалась и наконецъ окончательно свела его въ могилу. Ф. Визинъ умеръ 1 декабря 1792 года.

Каждая эпоха народной жизни наравнѣ съ свѣтлыми явленіями заключаетъ въ себѣ и много темныхъ сторонъ. Блестящее царствованіе Екатерины II, въ періодъ котораго совершился цѣлый рядъ благотѣльныхъ для Россіи реформъ, нашло себѣ талантливаго выразителя въ лицѣ Державина, который, вполне сочувствуя свѣтлымъ явленіямъ современности, воспѣвалъ ихъ въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ. Фонъ-Визинъ, напротивъ, изображалъ въ своихъ произве-

деніяхъ другую сторону современной жизни и тѣмъ самымъ дополняетъ то, чего только отчасти коснулся Державинъ. Западно-европейская цивилизація, проникшая къ намъ со времени преобразованія Петра Великаго, вполнѣ и сознательно понималась только немногими людьми, стоявшими во главѣ тогдашней образованности. Другая часть общества состояла изъ людей, или совершенно не понимавшихъ новаго движенія, или же усвоивавшихъ только внѣшніе признаки западной жизни. Съ виду многіе казались европейцами: одѣвались во французскіе кафтаны и въ шелковые камзолы съ кружевными манжетами, носили на головѣ длинныя косы, безъ умолку болтали на французскомъ языкѣ, но подъ этою европейскою оболочкою часто скрывалась первобытная грубость нравовъ и круглое невѣжество, съ перваго раза замѣтное для наблюдательнаго взора. Фонъ-Визану досталось на долю изобразить эту темную сторону современной общественной жизни, и, какъ человѣкъ умный, онъ могъ отнестись къ ней только сатирически. Такимъ образомъ, самыя нравы общества дали обильный матеріалъ для комедіи одного изъ самыхъ талантливыхъ сатириковъ прошлаго вѣка. Французская критика въ лицѣ Буало указала тѣ требованія, какія слѣдуетъ приимать при сочиненіи комедіи. По мнѣнію Буало, высказанному имъ въ сочиненіи *L'art poétique*, комедія основывается на остротѣ, выраженной въ приличной формѣ, цѣль ея смѣшить зрителя веселою шуткою, забавнымъ діалогомъ. Изображая въ человѣкѣ какую нибудь смѣшную сторону, писатель долженъ ограничиться только этою стороною и имѣть въ виду смѣхомъ исправить нравы. Вслѣдствіе подобныхъ правилъ, старинная французская комедія мало обращала вниманія на развитіе дѣйствія и, осмѣивая большею частью внѣшнія черты главнаго героя, часто сводилась на степень веселой забавной сатиры. Фонъ-Визинъ хорошо знакомъ бытъ съ подобными правилами. Хотя въ комедіяхъ его и замѣтно отчасти французское вліяніе, но онъ во многомъ пошелъ въ разрѣзъ съ тою теорією, которую примѣняли предшественники Фонъ-Визина на поприщѣ комедіи. Сюжетъ комедіи «Бригадиръ» основанъ на любви и не представляетъ собою ничего замѣчательнаго. Авторъ заставляетъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ заявлять о себѣ въ разговорахъ, но не въ постепенномъ ихъ дѣйствіи или борьбѣ, какъ это дѣлается въ художественномъ произведеніи. Въ этомъ отношеніи комедія сохранила общіе недостатки этого рода произведеній.

Имѣя въ виду осмѣивать пороки общества и тѣмъ самимъ дѣйствовать поучительно, авторъ не обращалъ вниманія на единство пьесы и вотъ почему между дѣйствіями комедіи нѣтъ внутренней связи, безъ которой немислимо ни одно художественное произведеніе и, кромѣ того, многіе разговоры не имѣютъ рѣшительно никакого отношенія къ ходу пьесы. Какъ изображеніе общественныхъ нравовъ комедія фонъ-Визина далеко превосходитъ всѣ пьесы современнаго репертуара. Въ комедіи осмѣяны главнымъ образомъ лихоимство и дурныя послѣдствія французскаго воспитанія. Въ лицѣ Совѣтника представленъ типъ тогдашняго взяточника, который, будучи судьей и умѣя толковать указы въ свою пользу, приобрѣлъ деревеньку и поселился тамъ, когда вышло постановленіе противъ лихоимства. Иванушка — это совершенно глупый юноша, который, побывавши за границею, вынесъ только привычку болтать по французски и слишкомъ вольно и грубо обращаться съ отцомъ, который, хотя чело-вѣкъ совершенно необразованный, но однакожъ справедливо называетъ его болваномъ и дуракомъ. Иванушка сожалеетъ о томъ, что онъ родился въ Россіи и утѣшаетъ себя только тѣмъ, что духъ его принадлежитъ коронѣ французской. Лучше всего удался фонъ-Визину типъ Бригадирши. «Дура набитая», по словамъ самаго автора, она однакожъ умѣетъ соображать по своему; когда Бригадиръ говоритъ что она больше думаетъ о домашнемъ скотѣ, чѣмъ о немъ, Бригадирша отвѣчаетъ: «да какъ же мой батюшка? Вѣдь скотъ самъ о себѣ думать не можетъ, такъ не надобно-ли мнѣ о немъ подумать? Ты, кажется, поумѣе его, а хочешь, чтобы я за тобою присматриваю». Глупость и вмѣстѣ съ тѣмъ и смѣшная сторона Бригадирши особенно ясно выражены въ той сценѣ, гдѣ Совѣтникъ, отчасти ханжа, объясняется ей въ своей любви, чего она никакъ не можетъ понять. Бригадирша совершенно не гѣ стати переходить отъ одного предмета къ другому и сказавши, о томъ, что она только можетъ понимать рѣчи своего Игнатія Андреевича, который говоритъ такъ рѣчисто какъ попугай, спрашиваетъ Совѣтника, видаль ли онъ попугаевъ. Но тотъ отвѣчаетъ ей, что дѣло идетъ не о птицахъ, а о разумной твари, и, бросаясь на колѣни, признается ей въ любви. При всѣхъ достоинствахъ изображенія характеровъ у фонъ-Визина въ сравненіи съ другими современными писателями, у него однакожъ встрѣчаются довольно значительные промахи. Слѣдуя французской

теоріи, онъ доводилъ извѣстную черту дѣйствующаго лица до неестественности и изъ комической личности часто выходила карриатура. Глухость Бригадирши доведена до *non plus ultra*; она послѣ, всѣхъ объясненій Совѣтника, все-таки не понимаетъ того, что выражаетъ онъ, и потому черты характера этого лица комедіи становятся уже невѣроятными. Такимъ образомъ комедія фонъ-Визина, какъ художественное произведение, не выдерживаетъ критики, въ ней нѣтъ драматическаго движенія, нѣтъ борьбы, которая составляетъ основу какъ трагедіи, такъ и комедіи; лица, представленныя въ ней говорить, а не дѣйствуютъ.

Содержаніе комедіи «Недоросль» очень просто. Въ усадьбѣ помѣщицы Простаковой воспитывается Софья, молодая дѣвушка—сирота. Простакова хочетъ пристроить Софью за своего брата Скотинина, человѣка грубаго и невѣжественнаго. Скотининъ не отказывается отъ руки Софьи единственно потому, что въ ея деревенькѣ водятся хорошія свиньи, до которыхъ онъ большой охотникъ. Между тѣмъ, Софья получаетъ письмо отъ своего дяди Стародума, котораго въ домѣ Простаковыхъ считали уже умершимъ. Стародумъ пишетъ, что, вернувшись изъ Сибири, онъ поселился въ Москвѣ и что въ скоромъ времени намѣренъ посѣтить племянницу, для которой успѣлъ скопить капиталъ, приносящій десять тысячъ годоваго дохода, и что онъ отдаетъ ей эту сумму въ приданное, если она найдетъ себѣ жениха по душѣ. Письмо Стародума многократно измѣняетъ положеніе дѣйствующихъ лицъ. Простакова тотчасъ же измѣняетъ свои отношенія къ Софьѣ, дѣлается ласковою, рѣшивъ теперь женить на ней своего роднаго сына Митрофанушку. — Софья же любитъ офицера Милона, остановившагося съ отрядомъ солдатъ на постоѣ въ усадьбѣ помѣщицы. Не подозрѣвая этого, Простакова продолжаетъ ухаживать за Софьей, заставляетъ Митрофана поучиться, съ цѣлью заслужить расположеніе дяди. Стародумъ пріѣзжаетъ. Онъ знакомится съ семействомъ Простаковыхъ, Милономъ и чиновникомъ Правдиннымъ, посланнымъ отъ правительства для наблюденія за дѣйствіями помѣщицы. Стародумъ возмущенъ, видя грубую семью Простаковыхъ, въ средѣ которой пришлось жить его племянницѣ, даетъ согласіе на бракъ Софьи съ Милономъ, считая послѣдняго человѣкомъ достойнымъ. Простакова, узнавъ, что она обманута, приходитъ въ ярость, задумываетъ увести Софью и тайно обвѣн-

чать ее съ сыномъ. Но замыселъ не удается. Она взбѣшена пуще прежняго, злобу свою хочетъ выместить на своихъ дворовыхъ, не сдумѣвшихъ ей помочь, но Правдинъ вступаетъ въ свои права, беретъ имѣніе въ опеку и лишаетъ помѣщицу власти. Простакова, видя, что всѣ ее оставили, бросается къ своему сыну, но тотъ ее отталкиваетъ, говоря: «Да отвяжись, матушка, какъ навязалась». «Комедія кончается словами Стародума: «Вотъ злоправія достойные плоды».

Главное дѣйствующее лицо комедіи помѣщица Простакова, страстно любящая своего сына Митрофанушку, но какою то неразумною животною любовью. Несмотря на зрѣлый возрастъ Митрофана, она считаетъ его ребенкомъ и готова *подраться* за него, не понимая, что баловство губить юношу. Г-жа Простакова повидимому заботится объ образованіи сына, но это дѣлается только по необходимости. Митрофанъ принадлежит къ числу недорослей, т. е. дворянскихъ дѣтей, которыя еще во времена Петра обязаны были учиться наукамъ, и въ противномъ случаѣ не могли ни поступать на службу, ни вступать въ бракъ. По смерти Петра издавалось нѣсколько указовъ по вопросу о дворянскихъ дѣтяхъ. Многіе помѣщики держали своихъ дѣтей дома и, стараясь отдалять сроез службы, въ то же время мало заботились объ ихъ образованіи, и вотъ почему часто дѣти выходили недорослями въ умственномъ отношеніи, образецъ которыхъ типично представленъ въ лицѣ Митрофанушки. Г-жа Простакова говоритъ, что она готовитъ сына въ люди, но на ея языкѣ это понимается совершенно своеобразно. Въ разговорѣ съ Стародумомъ она высказываетъ мысль о томъ, что можно жить и безъ науки, причемъ указываетъ на своего родителя, который, не зная грамотѣ, пятнадцатъ лѣтъ былъ воеводою, и умѣлъ нажить достаточекъ безъ сомнѣнія путемъ взяточничества. Лежа на боку, добывать чины и наживать состояніе: вотъ, по понятію ея, цѣль жизни, къ которой долженъ стремиться и Митрофанушка. Въ лицѣ Простаковой авторъ представилъ типъ тогдашней помѣщицы и, въ этомъ отношеніи, совершенно согласно съ современною дѣйствительностью. Г-жа Простакова жестоко обращается съ своими слугами, бьетъ старуху Еремѣвну, холопски преданную своимъ господамъ, за то, что та, по ея мнѣнію, мало заботится о Митрофанушкѣ. Жестокое обращеніе съ крѣпостными встрѣчалось въ то время очень часто. Майоръ Даниловъ рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что родственница его, ка-

бая-то Матрена Петровна, женщина необразованная, ханжа, очень любила щи съ бараниной и каждый разъ во время этого блюда приказывала положить кухарку на полъ и бить ее нещадно батожемъ, до тѣхъ поръ пока не съѣстъ щи. Въ этомъ отношеніи г-жа Простакова не отстала отъ Матрены Петровны, недаромъ Стародумъ называетъ ее презлою фурією, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастье всему дому. Гуманныя идеи, высказанныя такъ ясно въ «Наказѣ», оставались мертвою буквою: дѣйствительность представляла другія картины, которыя, по своей безнравственности, возмущали людей мыслявшихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти безотрадныя явленія коренились въ томъ невѣжествѣ, которое господствовало даже въ сердцѣ дворянскаго сословія. Воспитателями юношества являлись или прожектеры—иностранны, въ родѣ Вральмана, который изъ учеровъ поступилъ въ гувернеры, или же дидаскалы стариннаго покроя какъ Цифиркинъ и Кутейкинъ. Не всѣ иностранны, конечно, были такими, какимъ изображенъ въ комедіи Вральманъ: но Фонъ-Визинъ отмѣтилъ въ этомъ лицѣ общее явленіе, которое было весьма возможно при современномъ состояніи русской образованности. Что касается до русскихъ педагоговъ, то сплошь и рядомъ это были или исключенные семинаристы, или же отставные солдаты, которые въ преподаваніи уроковъ искали средствъ, чтобы не умереть съ голоду. Домашнее образованіе современнаго подросткающаго поколѣнія по большей части ограничивалось цифирью, т. е. начальными правилами ариметики, да чтеніемъ часослова и изрѣдка псалтыря. Многіе изъ нашихъ писателей, какъ видно изъ ихъ біографій, не миновали этой системы обученія, которая безъ сомнѣнія заставляла ихъ впоследствии самостоятельно добиваться до пріобрѣтенія основательныхъ знаній по различнымъ отраслямъ науки. Лица комедіи могутъ быть раздѣлены на два рода: комическія и резонирующія. Въ первыхъ авторъ изобразилъ уродливыя явленія современной жизни: какъ-то, невѣжество и соединенную съ нимъ грубость, самодурство помѣщичьей власти и т. д.; во вторыхъ—выразилъ тѣ идеи, которыя были усвоены образованными людьми, и проводимы тогдашнимъ правительствомъ. Мораль всей комедіи главнымъ образомъ выражается въ словахъ Стародума, человѣка новыхъ воззрѣній, въ которыхъ высказывается и взглядъ самого автора. Стародумъ видитъ задачу воспитанія въ развитіи нравственныхъ качествъ «я желалъ бы, говоритъ онъ, чтобъ

при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ занятій — человѣческихъ — благоправіе. Наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу». Обязанности каждаго гражданина, по словамъ Стародума, заключаются въ стремленіи принести пользу отечеству и быть честнымъ; то же самое мы находимъ и въ «Наказѣ» Екатерины, который можетъ служить лучшимъ комментариемъ къ комедіи «Недоросль». Стародумъ разсуждаетъ такъ, какъ разсуждали новые люди, и странно, что авторъ комедіи далъ ему такое названіе, которое скорѣе обличаетъ въ немъ човѣка, думающаго по старинному. Стародумъ указываетъ на воспитаніе своего отца при Петрѣ Великомъ, находитъ его достойнымъ и въ то же время презираетъ Простакову и другихъ, хотя эти лица развились подъ вліяніемъ старинныхъ нравовъ. Что касается до идей, проводимыхъ Стародумомъ, то онѣ явились плодомъ новой системы возрѣній, Стародумъ не признаетъ уже крутыхъ и жестовыхъ мѣръ въ воспитаніи, требуетъ отъ човѣка сознанія своихъ собственныхъ достоинствъ, безъ котораго онъ никогда не можетъ положить твердаго основанія своему счастью. Стародумъ это — самъ Фонъ Визинъ и тѣ изъ его современниковъ, взгляды и понятія которыхъ развились подъ вліяніемъ просвѣдительной философіи XVIII вѣка. Въ комедіи «Недоросль» Фонъ Визинъ обратилъ вниманіе на отношенія матери къ сыну, которыя благодаря своей неправильности, влекутъ за собою дурныя послѣдствія для обоихъ. Митрофанъ не любитъ своей матери, онъ смотритъ на нее только какъ на такое существо, которое, владея силою матерьяльною, можетъ всегда удовлетворять его прихотямъ и глумымъ затѣямъ. Между матерью и сыномъ нѣтъ нравственной связи, что и привело къ трагической развязкѣ. Въ этомъ случаѣ Фонъ Визинъ отступилъ отъ обычая господствоващаго въ современной комедіи, въ силу котораго требовалось провести всегда избитую тему: добродѣтель торжествуетъ, порокъ наказывается. Развязка «Недоросля» не случайна, не присочинена по желанію автора, но вытекаетъ изъ того положенія, въ которое поставили себя главныя дѣйствующія лица. Въ «Недоросль» соблюдено отчасти единство, по крайней мѣрѣ по отношенію къ главному лицу комедіи, но во всякомъ случаѣ и это произведеніе Фонъ Визина далеко неудовлетворительно въ художественномъ отношеніи, во-первыхъ, потому, что многія явленія не имѣ-

ють прямой связи съ ходомъ всей пьесы, замедляютъ дѣйствіе, безконечными разговорами; во вторыхъ, потому, что въ изображеніи многихъ лицъ, напр.; Скотинина, Вральмана и другихъ, допущена каррикатурность, уничтожающая естественность характера.

Изъ другихъ сочиненій Фонъ Визина пользовались извѣстностью: 1) Другъ честныхъ людей, или Стародумъ; 2) Всеобщая придворная грамматика, въ которой авторъ осмѣиваетъ нравы высшаго общества, 3) Письма изъ Италіи и Франціи и двѣ комедіи «Выборъ гувернера» и «Коріонъ». Последняя пьеса передѣлана изъ сочиненія Грессе «Сидней». Подъ названіемъ «Стародумъ» Ф. Визинъ намѣревался издавать періодическій журналъ, но это намѣреніе не осуществилось, остались только небольшія статьи въ формѣ переписки, въ которой авторъ осмѣиваетъ взглядъ невѣжественнаго помѣщика на званіе домашняго воспитателя. Письма Фонъ Визина, при всемъ отрицательномъ отношеніи автора къ французскимъ ученымъ, весьма интересны по своему содержанію, проникнуты остроуміемъ и веселостью. Всѣ сочиненія Фонъ Визина проникнуты сатирическимъ направленіемъ и при томъ касаются современныхъ вопросовъ жизни, что составляетъ одно изъ главныхъ свойствъ литературной дѣятельности Фонъ Визина. Ф. Визинъ принадлежалъ къ числу передовыхъ людей своего времени, онъ искренно сочувствовалъ новому умственному движенію которое мало по малу проникало въ наше общество, и вполне понималъ гуманныя стремленія императрицы Екатерины II, стараясь выражать ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Что касается до языка сочиненій Фонъ Визина, то онъ безъ сомнѣнія значительно устарѣлъ для нашего времени, притомъ нерѣдко встрѣчается въ немъ употребленіе галлицизмовъ, которые входили въ нашу литературу подъ влияніемъ господствовавшей въ ту эпоху французоманіи.

Подъ влияніемъ сочиненій Фонъ Визина русская комедія стала чаще обращаться къ явленіямъ русской жизни и отрицательно относиться къ тому, что указывало на злоупотребленія или вообще на какіе бы то ни было недостатки. Въ этомъ отношеніи славилась въ свое время комедія Капніста «Ябеда». Вас. Вас. Капнистъ (1757—1824 г.) родился въ деревнѣ Обуховкѣ Миргородскаго уѣзда Полтавской губерніи. Очень рано потерявъ отца, онъ предоставленъ былъ самому себѣ, добивался образованія самостоятельнымъ путемъ и впоследствии достигъ до того, что изучилъ основательно произведенія луч-

ных писателей древней и новой литературы. Въ литературѣ Капнисть преимущественно извѣстенъ былъ своими одами, изъ которыхъ многія были переведены имъ изъ сочиненій латинскаго поэта Горація. Стихъ лирическихъ произведеній Капниста весьма легковъ по тому времени и по временамъ отличается необыкновенною простотою, какъ напр: въ стихотвореніи «Обуховка», гдѣ авторъ, подобно Державину, описалъ свои послѣдніе годы жизни въ деревнѣ. Комедія «Ябеда» представлена была въ 1796 году и встрѣчена публикою съ восторгомъ. Въ посвященіи комедіи императору Павлу, авторъ высказываетъ, что цѣлью его было обезславить мздоимство и ябеду, какъ весьма крупные общественные недостатки. Люди, изображенные въ комедіи, во всемъ нарушаютъ законъ и, обходя его, берутъ взятки безъ зазрѣнія совѣсти, протягиваютъ дѣло, чтобы только разорить просителя и набить себѣ карманъ. Сохраняя всѣ общія черты тогдашней французской комедіи, піеса Капниста изображаетъ весьма вѣрно современную автору русскую жизнь. «Язвительная сатира, говоритъ г. Галяховъ, живые схваченные съ натуры характеры, сильные стихи долго удерживали эту комедію на сценѣ и сохраняютъ за ней и теперь право называться однимъ изъ лучшихъ произведеній нашей драматической литературы».

Эпическая поэзія въ эпоху Екатерины II продолжала развиваться по тому направленію, которое возникло при Ломоносовѣ и нашло подражателя въ лицѣ Хераскова. Но, подъ вліяніемъ духа времени мало по малу ложноклассической эпосъ сталъ принимать иное направленіе: въ него проникла та сатира и шутка, которыя составляютъ главную черту современной комедіи. Явились писатели, правда, не отказавшіеся отъ установленныхъ правилъ псевдоклассической піитики, но, во всякомъ случаѣ, чувствовавшіе ложность устарѣлой формы. Таковы были: В. Майковъ и И. О. Богдановичъ.

Василій Ивановичъ Майковъ родился въ 1728 году. Подробности о его дѣтствѣ неизвѣстны. Образованія онъ почти никакого не получилъ, незнакомъ былъ ни съ однимъ иностраннымъ языкомъ, что однакожъ не считалось въ то время необходимою. Между тѣмъ, онъ постепенно знакомился съ тогдашними литературными кружками, слѣдилъ, на сколько возможно, за движеніемъ литературы и вообще самостоятельнымъ путемъ старался пріобрѣсти познанія, необходимыя для писателя. Майковъ очень любилъ театръ и написалъ нѣ-

сколько оригинальных трагедій, слѣдуя въ этомъ случаѣ Сумарокову, котораго всѣ считали авторитетомъ въ области русской исторической драмы. Когда Новиковъ предпринялъ изданіе сатирическихъ журналовъ, Майковъ принималъ участіе въ нихъ наравнѣ съ другими литераторами, бывшими съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ. Въ большей части своихъ произведеній Майковъ слѣдовалъ тому направленію, которое положено было Ломоносовымъ. Основанія ложноклассической критики такъ утвердились въ литературѣ прошлаго вѣка, что противъ нихъ не высказывали сомнѣній даже умные и развитые люди. Оды Майкова построены по правиламъ школьной поэтики; изображая Екатерину, поэтъ всегда представляетъ ее въ видѣ Минервы; русскія крестьянки являются у него нимфами. Мифологическія украшенія встрѣчаются у него на каждомъ шагу; сравненіе доходить часто до самой неестественной гиперболы, столь любимой почти всѣми ложноклассическими писателями. Таковы и драматическія сочиненія Майкова. Сатирическій элементъ замѣтенъ въ его басняхъ, но болѣе всего въ героико-комической эпопее «Елисей, или раздраженный Вакхъ». Содержаніе этой поэмы заимствовано изъ престолярной жизни, между тѣмъ авторъ старается придавать внѣшней формѣ всѣ особенности ложноклассическихъ поэмъ. Въ самомъ началѣ онъ обращается къ музѣ и затѣмъ къ сатирику Скаррону, котораго проситъ настроить балалайку на шутливый тонъ, чтобы воспѣть подвиги пьянаго ямщика Елисея, попадающаго въ концѣ поэмы въ солдаты. Поэма не лишена комизма, свойственнаго вообще пародіямъ; но этотъ комизмъ отличается часто скабрёзностью, которая должна быть чужда истинной поэзіи. Общество того времени далеко не было безукоризненно въ нравственномъ отношеніи, и поэма Майкова была по вкусу этому обществу, хотя критика, въ лицѣ известнаго издателя сатирическихъ журналовъ, Чулкова и возстала противъ поэмы. Поэма Майкова выдержала нѣсколько изданій, что указываетъ конечно на сочувствіе къ ней тогдашней публики. Одновременно съ Майковымъ пользовался известностью И. Ѳ. Богдановичъ, жившій съ 1743 — 1803 годъ. Пристрастившись къ театру и желая поступить на сцену, Богдановичъ отправился къ Хераскову, бывшему тогда директоромъ Московскаго театра, съ просьбою зачислить его въ число актеровъ. Херасковъ отговорилъ Богдановича (ему было тогда 15 лѣтъ), указывая, что для дворянина зва-

ніе актера неприлично и, оставивъ его у себя, помѣстилъ въ университетъ. Благодаря Хераскову, Богдановичъ скоро сблизился съ кружкомъ тогдашнихъ литераторовъ и мало по малу сталъ печатать свои мелкія стихотворенія, которыя однакожъ не обращали на себя особеннаго вниманія. Въ 1775 году появилась поэма Богдановича «Душенька», заимствованная имъ изъ повѣсти Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона», основаніемъ которой послужилъ эпизодъ объ Амурѣ и Психеѣ, помѣщенный въ извѣстномъ романѣ латинскаго писателя Апулея «Золотой Осель», переведенномъ на русскій языкъ Костровымъ. Поэма Богдановича пользовалась большимъ вниманіемъ въ тогдшнемъ обществѣ, благодаря легкости изложенія и шутливому тону, хотя въ ней греческій мифъ, исполненный серьезной мысли объ очищеніи души среди страданій, значительно искажается комизмомъ, котораго въ немъ вовсе нѣтъ. Успѣхъ поэмы объясняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ старался мифологическіе факты передѣлывать на русскіе нравы, что тогда вообще правилось. «Душенька» въ русскомъ сарафанѣ, по замѣчанію г. Галахова, казалась несравненно милѣе гречанки Психеи». Притомъ если сравнить современныя поэмы ложноклассическаго пошиба съ произведеніемъ Богдановича, то окажется значительная разница. Однообразіе ложноклассическихъ поэмъ, ихъ постоянно напыщенный слогъ стали уже надоедать читающему обществу, и понятно, что съ восторгомъ принималось всякое произведеніе, которое было чуждо условныхъ формъ, значительно скрывавшихъ воображеніе поэта.

Говоря объ эпической поэзіи эпохи Екатерины II, нельзя опустить дѣятельности Хемницера, одного изъ талантливыхъ русскихъ баснописцевъ. Басни Хемницера хотя и писаны уже значительно давно, но многія изъ нихъ, отличающіяся острою и здравымъ смысломъ, не потеряли своего значенія и въ настоящее время. Хемницеръ (1744—1784) родился въ Астраханской губерніи, въ уѣздномъ городѣ Енотаевскѣ; отецъ его выѣхалъ изъ Саксоніи и впоследствии занималъ должность инспектора сухопутнаго военнаго госпиталя. Съ молодыхъ лѣтъ Хемницеръ служилъ въ военной службѣ, а потомъ перешелъ на службу въ горное вѣдомство, и въ концѣ 1776 года отправился за границу вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ Соймоновымъ. Вернувшись изъ за границы Хемницеръ съ жаромъ принялся за литературу. Между тѣмъ бергъ-коллегія упразднилась и Хемни-

церь долженъ былъ выйти въ отставку. Скоро, при помощи друга своего Львова, бывшего въ хорошихъ отношеніяхъ съ графомъ Безбородко, ему удалось получить мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ. Пріѣхавъ въ далекій азіатскій городъ, Хемницерь томился отъ скуки, скоро заболѣлъ и умеръ вдали отъ своей родины, разлученный съ своими друзьями. Памятникомъ его жизни въ Смирнѣ остались письма, которыя онъ писалъ своему другу Львову; въ нихъ онъ жалуется на тяготившее его одиночество, на свое плохое матеріальное положеніе. Литературная дѣятельность Хемницера посвящена была баснѣ. Увлеченный примѣромъ Сумарокова и Капниста, онъ рѣшился писать въ сатирическомъ родѣ. Благодаря блестящему усилію Лафонтена, басня въ то время получила право гражданства въ литературѣ наравнѣ съ одою, и вотъ почему многіе писатели посвящали себя этому роду поэзіи. Относительно содержанія, басни Хемницера могутъ быть раздѣлены на два отдѣла: переводныя и оригинальныя. Изъ 91 басни переводныхъ 30, остальные всѣ оригинальныя. Переводы Хемницера весьма близки къ подлиннику и только иногда, съ цѣлью придать легкость стиху, онъ пропускаетъ нѣкоторыя подробности оригинала. Что касается до оригинальныхъ басенъ, то онѣ написаны довольно легкимъ языкомъ по тому времени, исполнены живой сатиры и здраваго смысла, хотя и рѣдко касаются вопросовъ современной жизни. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательны басни: Метафизикъ, и Львиный поборъ. Въ первой баснѣ, известной каждому, безъ сомнѣнія, осмѣяна та отвлеченная ученость, которая занесена была къ намъ извнѣ и взятая, можно сказать, на прокатъ, влекла за собою множество вредныхъ послѣдствій. Чтобы судить о слогѣ Хемницера, приводимъ здѣсь басню Львиный поборъ, гдѣ осмѣяно взяточничество и воровство.

Въ числѣ поборовъ тѣхъ, другихъ,

Не помню, право, я, за множествомъ, какихъ,

Опредѣленныхъ льву съ звѣринаго народа

(Такъ, какъ бы на примѣръ крестьянскій нашъ народъ

Даетъ оброки на господь)

И масю также пло для львина обихода.

А этотъ также сборъ, какъ всякій и другой,

Имѣлъ приказъ особый свой,

Особыхъ и звѣрей, которыхъ выбирали,
Чтобъ должность сборщиковъ при сборѣ отправляли.
Великъ ли сборъ тотъ былъ, не удалось узнать,

А сборщиковъ не мало было.

Да рѣчь и не о томъ; мнѣ хочется сказать
То, что при сборѣ томъ и какъ происходило:
Большая часть изъ нихъ, его передавая,

Катала въ лапахъ напередъ,
А масло вѣдь къ сухому льнетъ:
Такъ слѣдственно его не мало
Къ звѣринымъ лапамъ приставало;
И, царскимъ пользуясь добромъ,

Огромный масла комъ сталъ маленькимъ комкомъ.

Однако какъ промежъ скотами,
Какъ и людскими тожъ душами,
Не всѣ бездѣльники, а знающіе честь

И совѣстныхъ души есть,

То эти въ лапахъ комъ не только не катали,
Но, сверхъ того, еще ихъ въ воду опускали,
Чтобъ масло передать по совѣсти своей.

Ну если бы честныхъ звѣрей

При сборѣ этомъ не сыскалось,

То сколько-бъ масла льву досталось?

Не знаю, такъ ли я на вкусъ людей судилъ;

Я льву, на жалобу объ этомъ, говорилъ:

«Гдѣ сборы,

Тамъ и воры;

И дѣло это таково:

Чѣмъ больше сборщиковъ, тѣмъ больше воровство».

Критика находила недостатки въ языкѣ басенъ Хемницера, но надо принять во вниманіе, что онъ началъ писать тогда, когда слогъ нашъ былъ вообще необработанъ. Разсказъ его басни ведется безъ всякой искусственности и всегда проникнуть простодушіемъ, однимъ изъ существенныхъ свойствъ этого рода эпическихъ произведеній.

Въ эпоху Екатерины II сатирическое направленіе преобладало надъ другими. Оно же было господствующимъ и въ томъ отдѣлѣ литературы, который носитъ названіе журналистики. Благодаря непосредственному участию императрицы въ литературѣ, число периоди-

ческихъ изданій значительно увеличилось противъ прожняго. Разнообразіе статей того или другого журнала, ихъ доступность для массы содѣйствовали распространенію въ обществѣ литературнаго образованія: а чрезъ это увеличивали и число людей просвѣщенныхъ и положеніе писателя, какъ человѣка содѣйствующаго просвѣщенію, сдѣлалось болѣе уважительнымъ чѣмъ во времена Кантемира, часто касавшагося этого вопроса въ своихъ сатирахъ. Начало журнальной литературы относится къ времени царствованія Елизаветы Петровны. Профессоръ Миллеръ предпринялъ изданіе журнала подъ названіемъ «ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащихъ». Академикъ Миллеръ (1705—1783) вызванный изъ Лейпцига при учрежденіи Академіи Наукъ въ Петербургѣ, былъ профессоромъ исторіи и извѣстенъ какъ авторъ многочисленныхъ ученыхъ сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя касаются различныхъ вопросовъ русской исторіи. Цѣль періодическаго изданія какъ видно изъ его названія была двоякая. Издатель съ одной стороны имѣлъ въ виду распространить въ обществѣ научныя свѣдѣнія, съ другой дать образцы легкаго чтенія, котораго у насъ до того и не существовало и такимъ образомъ журналъ заключалъ въ себѣ два отдѣла: ученый и литературный. Издатель заботился о томъ, чтобы статьи какъ по своему содержанію, такъ и по изложенію были доступны большинству читателей, и въ этомъ случаѣ журналъ достигалъ своей цѣли: онъ пользовался большимъ успѣхомъ и вызвалъ собою другихъ дѣятелей на поприщѣ журналистики. Ученый отдѣлъ состоялъ изъ статей, принадлежавшихъ самому издателю. Такъ онъ напечаталъ здѣсь свои историческія монографіи. «Отдѣлъ такъ называемой беллетристики заключалъ себѣ рядъ повѣстей дидактическаго направленія, которое господствовало въ то время и въ западноевропейской литературѣ. Журналъ Миллера возмуждалъ такимъ образомъ стремленія къ литературѣ насколько было возможно при тѣхъ сродствахъ, которыя существовали у насъ. Лучшіе писатели той эпохи, сочувствуя вообще просвѣтительнымъ цѣлямъ литературы, принимали участіе въ новомъ періодическомъ изданіи и тѣмъ самымъ содѣйствовали разнообразію матерьяла, всегда привлекающему большее число читателей. По слѣдамъ Миллера пошелъ уже извѣстный намъ писатель Сумароковъ: въ 1759 году онъ началъ издавать ежемѣсячный журналъ подъ названіемъ «Трудолюбивая Пчела». Издатель не имѣлъ почти сотрудни-

ковъ, и потому принужденъ былъ наполнять журналъ собственными статьями, болѣе или менѣе однообразными по своему содержанію, что разумѣется не могло возбуждать интереса въ читателяхъ и содѣйствовало кратковременному существованію журнала (Трудолюбивая пчела издавалась только одинъ годъ).

Усиленное развитіе журнальной литературы относится собственно къ 1769 году, когда появилось самое большое число періодическихъ изданій. Вотъ названія нѣкоторыхъ: Всякая всячина, И то и се, Ни то ни се, Полезное съ пріятнымъ, Адская почта, Трутень, Живописецъ, Смѣсь и другія. Реформы Екатерины II открыли очень много злоупотребленій коренившихся издавна въ русской жизни и потому все просвѣщенные люди невольно должны были обратить вниманіе на эти злоупотребленія и обличать путемъ литературы. Все журналы получили сатирическое направленіе и осмѣивая въ различныхъ формахъ общественные пороки, указывали этимъ и на тотъ идеаль, къ которому вела западноевропейская цивилизація въ лицѣ лучшихъ ея представителей. Предметы журнальной сатиры были тѣ же, какіе мы видѣли въ комедіяхъ Ф. Визина и у другихъ современныхъ писателей. Роскошь высшаго общества, его рабское поклоненіе французской модѣ, вредъ французскаго воспитанія для русскаго юношества, злоупотребленія помѣщичьей власти и бѣдственное положеніе низшаго класса—вотъ главнѣйшіе мотивы, которые развивали журналы прошлаго столѣтія. Лучшими журналами были Трутень и Живописецъ принадлежавшіе Новикову. Личность Новикова играетъ значительную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія, и потому мы должны остановиться на ней. Николай Ивановичъ Новиковъ родился въ 1744 году въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губерніи въ селѣ Тихвинскомъ. О воспитаніи его и вообще о юношескихъ годахъ его жизни мы не имѣемъ почти никакихъ свѣденій. На 25 году жизни Новиковъ вступаетъ на литературное поприще и своими сатирическими изданіями пріобрѣтаетъ всеобщую извѣстность. Успѣхъ «Живописца» изданнаго въ прошломъ столѣтіи пять разъ доказываетъ несомнѣнное достоинство этого журнала и потребность къ изученію дѣйствительности, развивавшуюся въ нашемъ обществѣ. Уже въ этомъ изданіи Новиковъ проводитъ тѣ мысли, которымъ онъ посвятилъ себя всецѣло впоследствии какъ представитель русскаго масонскаго общества. Одновременно съ журналами Новиковъ издалъ

сначала сборникъ «Древняя Россійская Вивлюенга», собраніе памятниковъ древней письменности, а потомъ «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ», гдѣ помѣстили біографическія свѣдѣнія о писателяхъ, труды которыхъ остались бы неизвѣстны. Какъ въ этихъ изданіяхъ, такъ и во всемъ, что было сдѣлано имъ, Новиковъ руководился единственнымъ и безкорыстнымъ желаніемъ принести посильную пользу отечеству, содѣйствовать просвѣщенію нашего общества. Въ 1779 году Новиковъ переселился въ Москву и, взявъ на откупъ университетскую типографію, исключительно посвятилъ себя издательской дѣятельности. Въ Москвѣ онъ вошелъ въ близкія сношенія съ профессоромъ университета Шварцомъ, возвышенный характеръ и обширныя познанія котораго могли значительно облегчать выполненія стремленій и труды Новикова. Новиковъ и Шварцъ сдѣлались одними изъ дѣятельныхъ членовъ вновь основаннаго масонскаго общества. Масонъ значитъ каменьщикъ. Такое названіе присвоили себѣ члены западноевропейскихъ обществъ, задача которыхъ состояла въ распространеніи филантропическихъ стремленій въ народѣ. Ихъ называли иначе мистиками, такъ какъ ихъ ученіе отличалось мистицизмомъ, т. е. стремленіемъ во всемъ видѣть таинственный смыслъ. Дѣятельность масоновъ на Западѣ оказывала благотѣльное вліяніе, какъ противодѣйствіе матеріализму французской философіи, ученіе которой часто вредно отражалось на общественной нравственности. Русскія масонскія общества, заимствуя съ Запада всю обрядовую сторону, преслѣдовали нѣсколько иныхъ цѣли: они исключительно обратили свое вниманіе на распространеніе просвѣщенія, на улучшеніе быта низшаго класса путемъ учрежденія филантропическихъ заведеній: богадѣленъ, больницъ, аптекъ, а также путемъ открытія общедоступныхъ бібліотекъ и изданія книгъ религіозно-нравственнаго содержанія. Безъ сомнѣнія и въ нашемъ обществѣ было много людей, которые, заимствуя безъ всякой критики идеи энциклопедистовъ, позволяли себѣ впадать въ грубый матеріализмъ. Русскіе масоны старались противодѣйствовать этому, но эта цѣль не была главною въ дѣятельности Новикова и его послѣдователей. Стараніями Новикова и Шварца въ Москвѣ было открыто Дружеское ученое общество, съ цѣлью приводить въ исполненіе гуманныя стремленія масоновъ. Общество поставило задачей: во 1) распространять въ публикѣ правила истиннаго воспитанія;

2) готовить русских наставников; 3) издавать духовныя книги, въ которыхъ разъясняются нравственныя и евангельскія истины. По смерти Шварца, въ 1783 году, горько оплаканной всеми его московскими друзьями, Новиковъ единогласно былъ признанъ главою московскихъ масоновъ и на другой же годъ учредилъ такъ называемую «Типографическую Компанію», или общество съ цѣлью открыть нѣсколько типографій въ столицѣ и въ провинціальныхъ городахъ и тѣмъ амьмъ распространить просвѣщеніе, сдѣлать его доступнымъ массѣ. Въ числѣ членовъ масонскаго общества было много вліятельныхъ и богатыхъ людей, которые, сочувствуя полезнымъ трудамъ Новикова, не жадѣли своихъ средствъ и всеми силами старались осуществлѣть намѣренія, положенныя въ основаніе ученія мистиковъ. Нельзя не вспомнить здѣсь Г. М. Походяшина, который, присутствуя на засѣданіи масонскаго общества по случаю бывшаго тогда голода въ Москвѣ, такъ разстроганъ былъ рѣчью Новикова, что пожертвовалъ все свое громадное состояніе въ пользу общества. Походяшинъ благоговѣлъ передъ Новиковымъ и, раззорившись добровольно, умеръ въ крайней бѣдности. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, западноевропейскія масонскія общества стали получать политическій характеръ, и такъ какъ русскіе масоны находились въ сношеніяхъ съ западными, то правительство стало относиться подозрительно къ дѣятельности Новикова и его со товарищей, хотя эти послѣдніе никогда не касались никакихъ политическихъ вопросовъ, ограничиваясь исключительно филантропическими цѣлями. Екатерина II, воспитавшись на философіи французскихъ энциклопедистовъ, вообще несочувственно относилась къ символическому и таинственному ученію масоновъ, хотя и не препятствовала ихъ несомнѣнно полезной дѣятельности. Революціонныя стремленія во Франціи заставили ее приостановить дѣйствія русскихъ масонскихъ обществъ. Новиковъ послѣ довольно продолжительнаго слѣдствія, несмотря на благопріятный отзывъ митрополита Платона о книгахъ, изданныхъ масонскимъ обществомъ, былъ арестованъ и посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Съ восшествіемъ на престолъ Павла Петровича. Новиковъ былъ освобожденъ и получилъ обратно имѣніе, взятое въ приказъ общественнаго призрѣнія. Съ тѣхъ поръ въ теченіе двадцатитрехъ лѣтъ Новиковъ прожилъ въ своемъ имѣніи, не появляясь уже болѣе на литературномъ поприщѣ и скончался въ 1818 году на

74 году отъ рожденія. Сатирическіе журналы Новикова были лучшими періодическими изданіями прошлаго вѣка какъ по разнообразію матерьяла, излагавшагося всегда въ доступной формѣ, такъ и по мѣткости сатиры. Прежде всего Новиковъ нападаетъ на отсутствіе просвѣщенія, на презрительное отношеніе къ наукѣ. По мнѣнію сатирика, такое отношеніе объясняется съ одной стороны желаніемъ видѣть въ наукѣ источникъ для удовлетворенія чисто матерьяльныхъ потребностей, съ другой—пристрастіемъ къ виѣшнимъ сторонамъ европейской цивилизаціи, при которомъ считались излишними серьезныя познанія. Имѣя въ виду смягчить нравы общества и водворить въ немъ гуманныя идеи западныхъ мыслителей, въ силу которыхъ человѣческія достоинства признавались за каждымъ, Новиковъ строго обличалъ вельможъ, гордившихся своимъ родомъ, а не личными заслугами, и проводилъ ту мысль, что честный трудъ, кому бы онъ ни принадлежалъ, достоинъ поднаго уваженія. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ обращалъ на себя особенное вниманіе Новикова; говоря о немъ въ своихъ журналахъ, издатель чрезъ это придавалъ этимъ послѣднимъ важное общественное значеніе, и въ этомъ отношеніи его журналы далеко опередили современные имъ періодическія изданія, принадлежавшія другимъ издателямъ. Рисуя картину нравственнаго и матерьяльнаго состоянія крестьянъ, Новиковъ является представителемъ гуманизма и отрицателемъ крѣпостнаго права, противъ котораго рѣшались писать весьма не многіе изъ тогдашнихъ общественныхъ дѣятелей.

ПЕРИОДЪ ВТОРОЙ (Карамзинскій).

Сентиментальные романы западноевропейской литературы. — Карамзинъ, его жизнь и сочиненія. — Драматическая поэзія: трагедія Озерова. — Сентиментальная лирика: Дмитріевъ, Мерзляковъ и Нелединскій-Мелецкій. — Путешественники и беллетристи. — Романтизмъ и поэтическая дѣятельность Жуковского. — Вліяніе классической поэзія: Батюшковъ и Гнѣдичъ. — Переходъ отъ романтизма къ изображенію русской жизни. — Басни Крылова, Грибоѣдовъ и его комедія «Горе отъ Ума».

Въ то время, когда въ русской литературѣ классицизмъ проникъ во всѣ роды поэзія, въ Англіи появились произведенія Ричардсона, Фильдинга и Стерна, положившія начало новому направленію, перешедшему потомъ въ литературу другихъ государствъ. Новое направленіе выражалось преимущественно въ формѣ романа и состояло въ томъ, что писатели стали изображать сюжеты изъ обыденной жизни, обращая вниманіе на развитіе внутреннихъ чувствъ героевъ и героинь. Такое направленіе получило названіе сентиментальности или чувствительности. Романъ Ричардсона «Кларисса», изображающій судьбу несчастной дѣвушки, обманутой Ловеласомъ, Путешествіе по Франціи и Италіи Стерна, Векфильдскій Священникъ, романъ Гольдсмита, — и другія произведенія въ новомъ родѣ были переводимы на иностранные языки и оказывали довольно значительное вліяніе на судьбу псевдоклассицизма, формы котораго казались уже уродливыми и несогласными съ дѣйствительностью. Романъ «Кларисса Гарловъ», состоящій изъ 8 томовъ, изображаетъ семейную жизнь, современную автору. Все содержаніе построено на борьбѣ героини съ одной стороны съ деспотизмомъ семейнымъ, съ другой съ тѣми обстоятельствами, которыя возникли въ жизни Клариссы вслѣдствіе любви ея къ

развратному джентлмену Ловеласу, Донъ-Жуану, выросшему на английской почвѣ. До какой степени сильно было впечатлѣніе, произведенное романомъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ французскаго писателя Дидро, написанныхъ по поводу смерти Ричардсона: «О Ричардсонъ! гений, передъ которымъ, я благоговѣю, я никогда не перестану читать твоихъ твореній! Если друзья мои попадутъ въ нужду, если дѣти мои будутъ въ опасности лишиться воспитанія, я продамъ мои книги, но ты у меня останешься вмѣстѣ съ Гомеромъ, Софокломъ и Еврипидомъ, и я стану читать васъ по очереди. О, Ричардсонъ! я могу сказать одно: самая непристрастная исторія полна жизни, а твои романы наполнены истинами; исторія изображаетъ отдѣльныя лица, ты описываешь родъ человѣческой! Часто исторія становится презрѣннымъ романомъ, а подъ твоимъ перомъ романъ выходитъ выше исторіи! Живописецъ природы, — ты не умѣешь лгать». Таеъ восхищались современники Ричардсона, не замѣчая, конечно, недостатковъ его произведеній, которыя заключались въ преувеличенности изображаемаго чувства, въ стремленіи морализировать молодое поколѣніе путемъ идеализаціи добродѣтельныхъ лицъ, иногда лишенныхъ человѣческаго образа.

Русская литература шла по слѣдамъ европейской. Карамзинъ внесъ къ намъ новое направленіе и тѣмъ навсегда освободилъ нашу литературу отъ оковъ ложно-классической теоріи, искорененіе которой происходило, конечно, постепенно. Карамзинъ былъ первымъ писателемъ, посвятившимъ себя исключительно литературной дѣятельности и, введя новое направленіе въ связи съ преобразованиемъ языка, по справедливости является родоначальникомъ новаго періода, вызвавшаго къ дѣятельности многихъ писателей.

Н. М. Карамзинъ родился въ 1766 году въ Симбирскѣ и довольно рано лишился матери, на что онъ и намекаетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Еще въ періодъ дѣтства Карамзинъ читалъ сантиментальные романы, которые развивали его природную чувствительность, отразившуюся впоследствии и на его собственныхъ сочиненіяхъ. На 14 году Карамзинъ отправленъ былъ въ Москву и помѣщенъ въ пансіонъ Шадена, профессора университета. Здѣсь Карамзинъ хорошо изучилъ французскій и нѣмецкій языки, прочелъ много книгъ, которыя доставлялъ ему самъ Шаденъ, скоро сталъ посѣщать университетскія лекціи и думалъ по окончаніи курса отпра-

виться въ Лейпцигъ, чтобы довершить тамъ свое образованіе. Еще во время пансіонской жизни Карамзинъ обнаруживалъ большую любознательность къ наукамъ и страсть къ изученію иностранныхъ языковъ, которыми онъ овладѣлъ въ совершенствѣ, благодаря тому, что Шаденъ, особенно полюбившій Карамзина, водилъ его къ знакомымъ иностранцамъ, гдѣ онъ могъ упражняться въ разговорахъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ. Путешествіе за границу было завѣтною мечтою Карамзина, но обстоятельства замедлили ея исполненіе. Переселившись въ Петербургъ, Карамзинъ вступилъ въ военную службу, но черезъ годъ по случаю смерти отца вышелъ въ отставку и уѣхалъ на родину въ Симбирскъ. Оттуда, по настоянію Тургенева, пріѣхавшаго въ Симбирскъ по дѣламъ масонскаго общества, Карамзинъ снова вернулся въ Москву и, сблизившись съ Новиковымъ и его послѣдователями, сталъ заниматься переводами для журнала «Дѣтское Чтеніе», который выходилъ подъ редакцію Новикова. Будучи членомъ Дружескаго ученаго общества, Карамзинъ сблизился съ Петровымъ, который, какъ человекъ даровитый, сообщалъ ему много дѣльных свѣдѣній относительно литературы. Петровъ, хотя и не писалъ ничего оригинальнаго, но отличался необыкновеннымъ умомъ и глубокимъ знаніемъ древнихъ и новыхъ языковъ. Всѣ его труды состояли изъ переводовъ. Карамзинъ горько оплакалъ смерть Петрова, умершаго довольно рано въ своей небольшой статейкѣ «Цветокъ на гробъ моего Агатона». Въ 1789 году Карамзинъ отправился за границу, объѣхалъ значительную часть Германіи, Швейцаріи, Франціи и Англіи, и вездѣ, интересуясь плодами европейской цивилизаціи, дѣлалъ о ней свои замѣтки, которыя впослѣдствіи и напечаталъ подъ названіемъ «Письма русскаго путешественника». Для всѣхъ писателей проплата вѣна литература не составляла единственнаго занятія: всѣ они состояли на государственной службѣ и литературѣ посвящали такъ сказать часы досуга. Вернувшись на родину, Карамзинъ отнесся къ этому иначе; убѣжденный въ томъ, что литература имѣетъ громадную пользу какъ сила цивилизующая, онъ рѣшился исключительно посвятить себя литературнымъ занятіямъ. Въ 1791 году Карамзинъ сталъ издавать «Московский Журналъ», въ которомъ и помѣщалъ свои письма, повѣсти и другія сочиненія, затѣмъ издалъ нѣсколько литературныхъ сборниковъ подъ названіемъ Аглаи, Аониды, и т. д., въ которыхъ помѣщены были нѣкоторые изъ рассужде-

ній, какъ напр. Нѣчто о наукахъ и искусствахъ, Разговоръ о счастіи и друг. Въ разсужденіяхъ Карамзинъ является проповѣдникомъ той мысли, что литература и наука возвышаютъ нравственную природу человѣка и развиваютъ его умъ. Писатель, по его мнѣнію, долженъ стремиться ко всеобщему благу, а для этого ему необходимо обладать нѣжнымъ, чувствительнымъ сердцемъ, которое всегда внушитъ ему сочувствіе къ страданіямъ и бѣдствіямъ людей. Искренность и чувствительность это неотъемлемыя достоинства писателя, съ ними только онъ можетъ собирать благословенія народовъ, несмотря на свои заблужденія. Карамзинъ указываетъ при этомъ на одного изъ любимыхъ авторовъ, — Жанъ-Жака Руссо, гуманныя идеи котораго распространялись тогда повсюду. Вопросъ о наукѣ и ея вліяніи на нравственную природу человѣка составляетъ сущность разсужденія Карамзина «Нѣчто о наукахъ», написаннаго въ опроверженіе идеи Руссо о вредномъ вліяніи науки на нравственность. — Первый періодъ дѣятельности Карамзина отличается преимущественно литературнымъ характеромъ, но затѣмъ, замѣчаемъ мы поворотъ къ другому направленію. Въ 1802 году онъ приступаетъ къ изданію журнала «Вѣстникъ Европы», въ которомъ главное мѣсто занимаетъ политической отдѣлъ. Первые годы эпохи Александра I составляютъ одинъ изъ вѣднѣйшихъ моментовъ исторіи русской жизни, правительство обратилось къ осуществленію благотѣльныхъ реформъ относительно просвѣщенія, издало новый планъ народнаго образованія, и предоставило литературнымъ дѣятелямъ большую свободу слова. Все это, конечно, не могло не повліять на представителей тогдашней литературы. Карамзинъ является защитникомъ реформъ, прославляетъ благотѣльное царствованіе Александра I, пишетъ рядъ статей, содержаніе которыхъ отличается уже общественнымъ характеромъ. Отъ разбора современныхъ явленій Карамзинъ постепенно переходитъ къ изученію прошедшаго русской жизни и наконецъ, покидая окончательно дѣятельность журналиста, пишетъ «Исторію Государства Россійскаго», трудъ, заслуживающій уваженія какъ по своему внутреннему значенію, такъ и по объему. Всѣ остальные годы жизни Карамзина посвящены были Исторіи; онъ работалъ съ утра до ночи, собиралъ массу историческаго матерьяла, о которомъ не вѣдали его предшественники на поприщѣ исторической науки; и, приведя все это въ систему, первый разъ ознакомилъ русское общество съ отече-

ствомъ, до того неизвѣстнымъ ему, такъ что совершенно справедливо мнѣніе Пушкина, что Карамзинъ открылъ русскую исторію какъ Колумбъ Америку. Когда было изготовленно 8 томовъ исторій, Карамзинъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ для ходатайства разрѣшенія государя отпечатать свой трудъ и суммы необходимой на это дѣло. Въ Петербургѣ Карамзинъ радушно былъ принятъ въ высшемъ обществѣ, обласканъ членами царской фамилии и, по содѣйствію графа Аракчеева, одного изъ вліятельныхъ лицъ того времени, добился свиданія съ самимъ императоромъ. Въ 1818 году Карамзинъ поднесъ императору полный экземпляръ своей Исторіи государства Россійскаго, и остальные 8 лѣтъ жизни занимался продолженіемъ труда, который намѣревался довести до современнаго ему царствованія. Но судьба поступила иначе: 22 мая 1826 года Карамзинъ умеръ отъ изнуренія силъ и схороненъ въ Александроневской Лаврѣ.

Литературная дѣятельность Карамзина началась переводами съ иностранныхъ языковъ. Переводы эти безъ сомнѣнія не имѣютъ важнаго значенія въ дѣятельности Карамзина, но они указываютъ, что этотъ писатель уже въ очень молодыхъ годахъ интересовался литературными и педагогическими вопросами и старался объ улучшеніи нашего литературнаго языка. Въ 1791 году Карамзинъ сталъ издавать Московскій журналъ и, кромѣ собственныхъ сочиненій, помѣщалъ произведенія извѣстныхъ тогда писателей Державина, Дмитриева, Хемницера и др. Сантиментальное направленіе, возникшее въ западноевропейской литературѣ, нашло подражателя въ лицѣ Карамзина и выразилось въ письмахъ и въ повѣстяхъ. Изображеніе внутреннихъ сторонъ человѣка безъ всякаго отношенія къ условіямъ жизни вотъ сущность сантиментализма. Но не въ одномъ этомъ выражается самое направленіе литературы, внесенное Карамзинимъ. Чувство свойственно человѣку, но въ произведеніяхъ новой школы оно доводится до неестественныхъ предѣловъ, обращается въ чувствительность, которая часто ставитъ человѣка въ противорѣчіе съ законами разумной дѣйствительности. Прежде всего эта чувствительность отразилась въ письмахъ русскаго путешественника. Заключая въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній о жизни и литературѣ западной Европы, впервые заявленныхъ въ Россіи, это произведеніе Карамзина носитъ на себѣ отпечатокъ сантиментализма. Подъ вліяніемъ

чувствительности, путешественникъ часто слишкомъ подробно выражаетъ свои впечатлѣнія и останавливаясь на нихъ, мало знакомитъ съ подробностями быта описываемой мѣстности. Неестественность чувства доводится иногда до такихъ рабровъ, что описаніе, имъ проинигнутое, идетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностью. Описывая состояніе Саксоніи въ концѣ прошлаго столѣтія, Карамзинъ въ громкихъ восклицаніяхъ говоритъ о счастіи и благоденствіи мирныхъ поселянъ, причеиъ изображаетъ и порханіе птичекъ, которыя, плавая въ воздухѣ, знаменуютъ для него веселье и безопасность. Такая картина совершенно несогласна съ дѣйствительностью; изъ исторіи извѣстно, что жители Саксоніи въ то время находились въ самомъ бѣдственномъ положеніи; разоренные войной и обремененные налогами, они едвали могли наслаждаться мирнымъ семейнымъ счастьемъ, на которое указываетъ путешественникъ. Карамзинъ, какъ видно, мало интересовался самою жизнью западноевропейскихъ государствъ и все свое вниманіе обратилъ на вопросы науки и литературы. Онъ подробно описываетъ германскихъ ученыхъ и писателей, сообщаетъ свои разговоры съ ними, присутствуетъ на лекціяхъ професоровъ и помѣщаетъ въ запискахъ краткія изъ нихъ извлеченія. Такимъ образомъ, интересы просвѣщенія стоятъ на первомъ планѣ въ письмахъ русскаго путешественника. Но и тутъ чувствительность автора оказала вліяніе на его взгляды. Карамзинъ, описывая поэтическими красками величественныя картины Швейцаріи и восторгаясь свободою, которою пользуются жители ея, мечтаетъ о первобытной жизни и готовъ отказаться отъ всѣхъ плодовъ и удобствъ цивилизаціи, чтобы снова погрузиться въ тихую жизнь первобытнаго человека. Очевидно, что представители сентиментализма слишкомъ идеализировали первобытное состояніе человека и незнакомы были съ жизнью дикарей, напоминающею намъ эпоху первоначальнаго человѣческаго быта. Недостатки писемъ, объясняющіеся сентиментальнымъ направленіемъ, выкупаются однакожь съ одной стороны достоинствами новаго слога, съ другой—тѣмъ, что авторъ выразилъ во многихъ мѣстахъ новыя мысли относительно нѣкоторыхъ литературныхъ вопросовъ и такимъ образомъ явился передовымъ человекомъ своего времени. Мы знаемъ, что драматическая поэзія прошлаго вѣка развивалась по тому пути, который указанъ былъ ложноклассицизмомъ французскихъ образцовъ. Тогдашняя критика и даже такіе передо-

вые люди, какъ Вольтеръ, съ пренебреженіемъ относились къ Шекспиру и его трагедіямъ, между тѣмъ какъ послѣднія навсегда останутся образцовыми произведеніями. Знаменитый нѣмецкій писатель Лессингъ первый оцѣнилъ шекспировскую трагедію. Карамзинъ, хорошо знакомый съ произведеніями нѣмецкаго критика, сочувствовалъ трагедіямъ Шекспира и высказалъ свой взглядъ на нихъ въ письмахъ. По его мнѣнію, хотя французская трагедія величественна, но она не производитъ такого впечатлѣнія на душу, какъ безсмертныя творенія англійскаго драматурга, одареннаго неистощимымъ и всеобъемлющимъ воображеніемъ.

Изъ повѣстей Карамзина особенно извѣстны были: 1) Бѣдная Лиза и 2) Наталья боярская дочь. Бѣдная Лиза была попыткой создать повѣсть изъ русской жизни, но попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Хотя дѣйствіе повѣсти происходитъ въ окрестностяхъ Москвы, имена лицъ русскія, но въ повѣсти нѣтъ ни намека на русскую жизнь. Главное вниманіе обращается на судьбу бѣдной дѣвушки, погибающей отъ неудовлетворенной любви къ барину, сюжетъ, сходный съ тѣмъ, который мы видѣли въ романѣ Ричардсона. Изображала чувствительную крестьянку, авторъ совершенно оставилъ въ сторонѣ тѣ условія жизни, безъ которыхъ немисливо представленіе человека, какъ продукта извѣстнаго времени и мѣста. Впрочемъ это и не требовалось французскими писателями Мармонтелемъ и другими, которыми въ этомъ случаѣ рабски подражалъ Карамзинъ. Общество сочувственно отнеслось къ повѣсти Карамзина, молодежь и въ особенности барышни по нѣскольку разъ перечитывали повѣсть, и такъ тронуты были печальной судьбой Лизы, что ходили на тотъ прудъ, въ который она бросилась, горько оплакивали обманутую любовь и проклинали жестокаго юношу. Другая повѣсть касается прошлой русской жизни. Внеся и сюда сантиментальное направленіе, Карамзинъ нарушилъ историческую дѣйствительность; лица, въ ней изображенныя, не заключаютъ въ себѣ и намека на характеръ; но, не смотря на это, повѣсть имѣла успѣхъ, такъ какъ въ тогдашней литературѣ не существовало строгой критики, основанной на подробномъ анализѣ сочиненія. Сантиментализмъ, столь любимый тогдашнимъ обществомъ, живое изложеніе, новый литературный слогъ значительно высували недостатки внутренней стороны повѣсти.

По прекращеніи Московскаго журнала, Карамзинъ, какъ намъ из-

вѣстно, сталъ издавать отдѣльные сборники. Въ первомъ изъ нихъ «Агланъ» особеннаго вниманія заслуживаетъ статья «Нѣчто о наукахъ». При всемъ уваженіи къ Руссо, Карамзинъ отнесся отрицательно къ основной идеѣ его разсужденія о вредномъ вліяніи науки на нравственность. Русскіе просвѣщенные люди очень хорошо понимали, что наука въ ихъ отечествѣ весьма мало развита, поэтому идеи Руссо могли имѣть вредное вліяніе на русское общество, столь падкое вообще на все то, что появляется за границей. Статья Руссо тѣмъ болѣе требовала опроверженія, что она написана была увлекательнымъ слогомъ, свойственнымъ вообще этому писателю, и ея парадоксы доказывались съ необыкновенною діалектической тонкостью. Карамзинъ находить, что ложность взгляда Руссо прежде всего произошла отъ невѣрнаго опредѣленія самой науки, и отъ заранѣе взятой мысли бранить ученость и просвѣщеніе. Если общественная нравственность XVIII столѣтія не можетъ хвалиться безукоризненностью, то въ этомъ виновато не просвѣщеніе, а ложное направленіе, которое оно приняло подъ вліяніемъ отрицательныхъ ученыхъ французскихъ мыслителей. — Въ сборникѣ «Аонида» Карамзинъ помѣстилъ цѣлый рядъ стихотвореній, но они не имѣютъ поэтическаго значенія, такъ какъ Карамзинъ не былъ поэтомъ. Къ этому же періоду дѣятельности Карамзина относятся «Пантеонъ иностранной словесности» и «Разговоръ о счастьи». Пантеонъ былъ собраніемъ прежнихъ статей, помѣщенныхъ въ журналахъ, и состоя изъ трехъ томовъ, заключаетъ въ себѣ разнообразныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія, выписки изъ древнихъ классиковъ, извѣстія о современныхъ литературныхъ знаменитостяхъ. Сборникъ Карамзина издавался нѣсколько разъ. Въ послѣднемъ сочиненіи авторъ доказываетъ мысль о возможности счастья при всѣхъ условіяхъ жизни, такъ какъ оно, по его мнѣнію, состоитъ въ правильномъ употребленіи физическихъ и духовныхъ силъ. Быть счастливымъ — значитъ быть добрымъ, вѣрно исполнять естественные мудрые законы, основанные на общемъ добрѣ. Во всей своей литературной дѣятельности Карамзинъ является представителемъ оптимизма, т. е. той школы философовъ, которая признаетъ, что все въ мірѣ благо, все устроено къ наилучшему концу. Со вступленія на престолъ императора Александра I дѣятельность Карамзина получаетъ другое направленіе. Отъ вопросовъ ли-

тературныхъ, онъ переходитъ къ вопросамъ общественнымъ, является уже публицистомъ, а не литераторомъ, и наконецъ довершаетъ свою дѣятельность громаднымъ историческимъ трудомъ. Русская жизнь становится главнымъ матерьяломъ сочиненій Карамзина, хотя онъ не перестаетъ слѣдить за явленіями западноевропейской литературы и политики, что видно изъ журнала «Вѣстникъ Европы». Лучшія статьи этого журнала принадлежатъ самому издателю. Вотъ перечень этихъ статей: 1) Письмо сельскаго жителя; 2) Приятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени; 3) Повѣсть Марса Посаднича; 4) О любви къ отечеству и народной гордости; затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ историческихъ монографій, которыми Карамзинъ какъ бы готовится къ исторіи. Сочувствуя реформамъ Александра I, Карамзинъ старается преимущественно возбудить въ обществѣ патриотизмъ и опредѣляетъ его какъ стремленіе каждаго изъ гражданъ содѣйствовать славі и благу отечества. Мысли Карамзина о патриотизмѣ вызваны были состояніемъ нашего общества, воспитаннаго на началахъ западноевропейской цивилизаціи. При всемъ уваженіи къ послѣдней, онъ находитъ, что русскіе, заимствуя все изъ Запада, не развили въ себѣ самобытности, безъ которой немислимо движеніе. Каждый народъ сначала живетъ тѣмъ, что выработано было другими, но это только начало жизни, дальнѣйшее ея развитіе должно идти путемъ самостоятельнымъ. Такъ какъ современность есть результатъ прошедшаго, то мы и должны относиться съ уваженіемъ къ послѣднему. Отсюда обращеніе Карамзина къ явленіямъ прошлой жизни, которыя онъ описывалъ и въ повѣстяхъ и въ своихъ историческихъ разсужденіяхъ. Вопросы литературы продолжали занимать Карамзина и въ этотъ періодъ его дѣятельности. Такъ онъ издаетъ Пантеонъ русскіихъ авторовъ, гдѣ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о русскіихъ писателяхъ, пишетъ критическія статьи. Статьи о Богдановичѣ и его сочиненіяхъ обнаруживаютъ въ Карамзинѣ умѣнье вѣрно оцѣнить достоинства литературнаго произведенія, со стороны его формы, такъ какъ критика иначе и не понималась въ то время. Отъ изученія отдѣльныхъ явленій исторической жизни Карамзинъ перешелъ къ мысли нарисовать картину прошедшаго во всемъ его объемѣ, и съ этою цѣлью, повидя окончательную литературную и журнальную дѣятельность, приступилъ къ работѣ матерьяловъ русской исторіи. До Карамзина существовало нѣ-

сколько сочиненій по русской исторіи; но эти сочиненія скорѣе походили на сборники историческихъ матерьяловъ, чѣмъ на исторію въ собственномъ смыслѣ. Исторія Государства Россійскаго была первымъ историческимъ трудомъ, обнимающимъ событія русской исторіи въ связномъ и художественномъ разказѣ. Карамзинъ проводитъ въ своемъ трудѣ ту мысль, что единодержавіе было источникомъ благосостоянія Россіи и, согласуясь съ этою мыслью, историкъ подробно излагаетъ политическія судьбы Россіи. Вотъ почему и трудъ называется Исторіею государства, на что явились нападки въ литературѣ, высказанныя въ «Исторіи русскаго народа» Полевого, который смотритъ на исторію, какъ на изображеніе народной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ. Недостатки исторіи Карамзина объясняются современными взглядами на этотъ предметъ. Исторія понималась скорѣе какъ искусство, а не какъ наука, причемъ на нее смотрѣли, какъ на искусство дидактическое, которое оказываетъ вліяніе на нравственность людей, указывая имъ ошибки прошлыхъ историческихъ дѣятелей. При всей художественности изложенія, слогъ исторіи Карамзина отличается нерѣдко высокопарностью, при томъ часто не согласуется съ понятіями эпохи. Подробное разсмотрѣніе труда Карамзина собственно не входитъ въ исторію литературы, здѣсь онъ имѣетъ значеніе какъ трудъ, содѣйствовавшій просвѣщенію и положившій начало самосознанію русскаго общества, которое съ того времени, узнавши свое прошлое, могло сочувственнѣе отнестись къ вопросамъ современной русской жизни.

Разнообразная дѣятельность Карамзина оказала значительное вліяніе какъ на направленіе литературы, такъ и на улучшеніе литературнаго языка. Хотя сантиментальность заключала въ себѣ много ложнаго, неестественнаго, но во всякомъ случаѣ она была выше псевдо-классицизма, уже по одному тому, что значительно оживила литературу, болѣе сблизила ее съ жизнью. Карамзинъ оказалъ ту услугу своимъ произведеніями, что содѣйствовалъ развитію вкуса, увеличилъ число читателей, которыхъ уже не занимали ни высокопарныя оды, ни ложноклассическія трагедіи, написанныя по всѣмъ правиламъ французской теоріи. Еще болѣе неоцѣненны заслуги Карамзина въ преобразованіи русскаго литературнаго слога. Мы знаемъ, что Ломоносовъ отдѣлилъ въ нашей рѣчи славянскій элементъ отъ русскаго, но самое построеніе рѣчи осталось безъ измѣненія. Рѣчь

строилась по образцу латинской и поэтому была тяжела, такъ какъ латинская конструкція совершенно не согласна съ духомъ русскаго языка. Длинные періоды во многомъ, затемняли рѣчь и были одною изъ главныхъ причинъ, что литература оставалась достояніемъ немногихъ и была чужда большинству общества. Карамзинъ, во первыхъ, построилъ свою рѣчь по образцу французской; во вторыхъ, старался сблизить литературный языкъ съ языкомъ разговорнымъ. Благодаря этому, литературныя сочиненія стали доступны большинству, и распространеніе ихъ безъ сомнѣнія содѣйствовало успѣхамъ нашего просвѣщенія. Со времени Карамзина образовался тотъ литературный слогъ, который перешелъ и въ слѣдующіе періоды русской литературы и который съ нѣкоторыми измѣненіями существуетъ до сихъ поръ. Реформа Карамзина вызвала противодѣйствіе со стороны партіи славянофиловъ, во главѣ которой стоялъ извѣстный писатель Шишковъ. Подъ вліяніемъ французской литературы, въ русскій языкъ стали входить иностранныя слова, которыя часто употреблялись безъ всякаго основанія и служили предметомъ справедливой насмѣшки. Но въ этомъ вовсе не была виновата Карамзинъ, а нѣкоторые изъ его послѣдователей, злоупотреблявшіе языкомъ по своему невѣжеству. Люди стараго направленія придерживались ломоносовскаго языка и, выставляя на видъ красоту и богатство славянскаго языка, въ свою очередь злоупотребляли имъ. Шишковъ въ своемъ сочиненіи «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ» поднимаетъ на смѣхъ слова, вошедшія къ намъ изъ иностранныхъ языковъ, и въ спискѣ этихъ словъ помѣщаетъ и такія, какъ спена, актъ, меланхолія, миеологія, героизмъ, которыя нельзя замѣнить другими словами. Шишковъ предлагаетъ употреблять вмѣсто нихъ слѣдующія: явленіе, дѣйствіе, уныніе, баснословіе, добледушіе; но всѣ эти слова, не говоря объ ихъ искусственности, собственно не выражаютъ тѣхъ понятій, которыя заключены въ словахъ иностранныхъ. Шишковъ, въ своемъ увлеченіи славянищной, дошелъ, до того, что предлагалъ замѣнить «калоши, парламентъ» словами «мокрошупня, говорильня» и, въ то же время вопросъ о языкѣ, который, по его мнѣнію, наводился иностранными словами, соединилъ съ вопросомъ о нравственности. Ему казалось, что съ переходомъ словъ иностраннаго языка на русскую почву явилось отрицаніе коренныхъ русскихъ обычаевъ, что вредно дѣйствовало на общественную нравственность. Безъ сомнѣнія, вліяніе французской цивилизаціи

во многом пагубно дѣйствовало на русское общество, въ чемъ убѣждаетъ насъ отрицательная литература прошлаго столѣтія; но изъ этого не слѣдуетъ, что въ этомъ виноваты французская литература и языкъ. Народъ менѣе цивилизованный подчиняется народу образованному, и съ заимствованіемъ отъ послѣдняго новыхъ понятій всегда соединяется и пріобрѣтеніе новыхъ словъ, безъ которыхъ не возможны наука и литература. Было время, когда славянскій языкъ считался языкомъ литературнымъ, и тогда употребленіе славянскихъ словъ было совершенно естественно; съ успѣхами же цивилизаціи образовался новый литературный языкъ, и переносить въ новую литературу архаизмы можно только изъ ложнаго пристрастія къ старинѣ, которымъ Шишковъ и его послѣдователи обладали въ значительной степени. Вопросъ о слогѣ, по поводу реформы Карамзина, образовалъ цѣлую литературную полемику; одни стояли за новое, другіе ратовали за идеи Шишкова. Весь споръ этотъ обнаруживаетъ отчасти ничтожность тогдашней литературной критики, которая все вниманіе обращала преимущественно на форму и спорила противъ такихъ явленій, справедливость которыхъ должна быть очевидна для всякаго образованнаго человѣка. Карамзинъ и его послѣдователи остались побѣдителями, и форма, ими усвоенная, навсегда утвердилась въ нашемъ языкѣ, а предложенія Шишкова, какъ совершенно нелѣпыя, окончательно были отвергнуты.

Сантиментальное направленіе, введенное Карамзинымъ, нашло подражателей въ лицѣ представителей тогдашней драмы и лирики. Въ драматической поэзіи первое мѣсто занимаютъ произведенія Озерова, въ лирической особенною извѣстностью пользовались: Дмитріевъ, Мерзляковъ, Нелединскій-Мелецкій, О. Глинка и другіе. Владиславъ Александровичъ Озеровъ (1770—1816) родился въ Тверской губерніи. По окончаніи образованія въ кадетскомъ корпусѣ, онъ служилъ въ военной службѣ, оставивъ которую посвятилъ себя литературной дѣятельности. Ни одинъ изъ драматическихъ писателей не пользовался такою славой, какъ Озеровъ; его произведенія сравнивались съ лучшими древнегреческими трагедіями; его самага не иначе называли какъ русскимъ Еврипидомъ и Софокломъ. Представленіе трагедій Озерова на сценѣ каждый разъ сопровождалось громомъ рукоплесканій зрителей, приходившихъ въ неизъяснимый восторгъ. Такое отношеніе и общества и критики къ произведеніямъ Озерова обь-

ясняются, съ одной стороны, духомъ времени, съ другой—несомнѣнными достоинствами ихъ, благодаря которымъ его трагедія превзошла всѣ предшествовавшія произведенія этого рода. Изображеніе нѣжныхъ чувствъ, сентиментализмъ героевъ, героинь, притомъ сильный и звучный стихъ, часто дышавшій неподдѣльнымъ поэтическимъ восторгомъ,—вотъ главныя причины того сочувствія, которымъ пользовался въ свое время Озеровъ. Тогдашняя критика была очень щедрѣе на раздачу лавровыхъ вѣнковъ писателю, она мало вникала въ сущность литературныхъ произведеній и чужда была всесторонняго разсмотрѣнія ихъ. Озерову принадлежатъ слѣдующія трагедіи: Эдишъ въ Аѳинахъ, Фингаль, Поликсена, Ярополкъ и Олегъ и Дмитрій Донской. Трагедіи, взятія изъ греческаго міра, суть подражанія французскому трагиду Дюси, который извѣстенъ своими передѣлками трагедій Софокла и Шекспира. Произведенія французскаго писателя безъ сомнѣнія, искажали великіе образцы драматической поэзіи, но и въ нихъ находятся мѣста, которыя по своей трогательности и нѣжности приводили въ восторгъ зрителя. Озеровъ буквально подражалъ Дюси и, подобно ему, искажалъ характеры древнегреческой трагедіи. Трагедія Софокла отразила на себѣ слѣды религиозныхъ вѣрованій грековъ. Его Эдишъ есть страдалецъ, который, послѣ ужасныхъ бѣдствій, ниспосланныхъ ему судьбою, искупаетъ свои невольныя преступленія и умираетъ сверхъестественною смертію; у Озерова же онъ остается въ живыхъ и такимъ образомъ нова трагедія искажила преданіе, согласное съ духомъ древнегреческихъ вѣрованій. Антигона въ трагедіи Озерова привлекала зрителей своею нѣжностью и кротостью, но она далеко ниже типа, созданнаго Софокломъ: Озеровъ влагаетъ въ ея уста слишкомъ длинныя монологи, заключающіе въ себѣ разнаго рода сентенціи, что было результатомъ ложнаго направленія современной драмы. Сюжетъ трагедіи «Фингаль» заимствованъ изъ другаго міра; содержаніе взято изъ поэмы Фингаль, приписываемой Оссіану. Характеръ сѣверной дѣвы Моины, избавляющей жениха отъ смерти, исполненъ мечтательности и унылости, что особенно возбуждало къ ней сочувствіе зрителей. Изъ трагедій съ сюжетомъ историческимъ, громадною славою пользовался «Дмитрій Донской», представленный въ то время, когда русскіе, вслѣдствіе политическихъ отношеній, съ восторгомъ заявляли свои патріотическія чувства. Между тѣмъ въ трагедіи есть историческія искаженія: Озеровъ изобраа-

жаетъ Дмитрія женихомъ Ксеніи Новгородской княжны, тогда какъ Дмитрій Донской былъ женатъ. Подобное искаженіе оправдывалось необходимостью любовной завязки, безъ которой не обходилась, какъ извѣстно, ни одна трагедія. Патріотическія піесы Озерова вызвали подражаніе въ лицѣ Крюковского, написавшаго трагедію «Пожарскій», которая, благодаря отдѣльнымъ мѣстамъ ея, пронизаннымъ искреннею любовью къ отечеству, удостоилась большей славы, чѣмъ Дмитрій Донской Озерова.

Во главѣ представителей лирической поэзіи стоитъ Дмитріевъ, извѣстный также своими сатирами и баснями. Ив. Ив. Дмитріевъ (1760—1837) родился въ Симбирской губерніи въ Сызранскомъ уѣздѣ. Поступивъ 14-ти лѣтъ въ военную службу, онъ сталъ сочинять стихи, подражая въ нихъ Сумарокову и Хераскову. Но Дмитріевъ никогда не былъ поэтомъ и потому, устроившись на служебномъ поприщѣ, оставляетъ совершенно литературу. Онъ самъ сознается, что въ своихъ стихотвореніяхъ обращалъ вниманіе только на форму, и въ этомъ случаѣ Дмитріевъ явился преобразователемъ стихотворной рѣчи, точно также, какъ Карамзинъ усовершенствовалъ нашъ прозаическій языкъ. Піесни Дмитріева «Стонетъ сизый голубочекъ», «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ, розу я любилъ» исполнены приторной сантиментальности; въ нихъ нѣтъ искренняго чувства, которымъ бываетъ пронизана истинно художественная лирика. Что касается до сатирическихъ стихотвореній Дмитріева, то изъ нихъ особенно по справедливости популярности пользовалась сатира «Чужой Толкъ». Въ ней авторъ довольно остроумно осмѣиваетъ господствовавшую въ его время страсть къ одамъ. Многіе стихотворцы принимаются за стихи, не имѣя къ тому призванія, а просто изъ какихъ нибудь корыстныхъ цѣлей: изъ желанія получить награду или войти въ дружбу съ знатнымъ вельможей, или изъ угрожденія пріятелямъ, для которыхъ каждый печатный листъ кажется святымъ. Дмитріевъ въ смѣшныхъ краскахъ изображаетъ одного изъ такихъ стихотворцевъ и весьма удачно подбираетъ высокопарныя выраженія, которыми изоблаovali тогдашнія оды. Не смотря на отрицательное отношеніе къ современной лирикѣ, Дмитріевъ однакоже и самъ отдалъ дань ложноклассицизму, написавъ нѣсколько одъ, каковы «Ермакъ», «Гласъ патріота» и другія. Дмитріевъ оставилъ Записки, подъ названіемъ «Взглядъ на мою жизнь», въ которыхъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣ-

ній о современной литературѣ и, между прочимъ, о Карамзинѣ, котораго считалъ однимъ изъ любимыхъ своихъ друзей. По слѣдамъ Дмитріева пошелъ и Мерзляковъ, профессоръ краснорѣчія въ Московскомъ университетѣ. Ему принадлежитъ сочиненіе всѣмъ извѣстной пѣсни «Среди долины ровныя», которая, не отличаясь глубиною мысли, все таки по искренности чувства стоитъ выше другихъ сантиментальныхъ пѣсенъ того времени. Другія пѣсни, какъ-то «Ахъ, чтожь ты, голубчикъ, невесело сидишь», «Чернобровый, черноглазый, молодець удалый» — отчасти отличаются народнымъ складомъ рѣчи. Мерзляковъ извѣстенъ еще какъ знатокъ древнеклассической поэзіи и какъ критикъ современной ему русской литературы. Въ послѣднемъ случаѣ Мерзляковъ держался старыхъ приемовъ французской критики, чѣмъ и объясняется его сочувственный разборъ «Россіады», принадлежащей къ самымъ напыщеннымъ произведеніямъ эпической поэзіи прошлаго столѣтія. Правда, въ одномъ мѣстѣ разбора онъ находитъ недостатки поэмы Хераскова, но выражаетъ о нихъ свое мнѣніе намеками, не осмѣливаясь открыто идти противъ писателя съ такимъ авторитетомъ. У Мерзлякова было поэтическое чутье; по рассказамъ Шевырева, онъ плакалъ, читая Кавказскаго пѣвника Пушкина; но, воспитанный въ правилахъ старинной критики, не могъ отдать себѣ отчета въ красотѣ этого произведенія. Пѣсни Нелединскаго-Мелецкаго (1751—1829) отличаются тѣми же свойствами, какъ и произведенія ему предшествовавшія. Поддѣлываясь подъ народную поэзію, авторъ достигъ только одной искусственности, которая сквозитъ въ каждомъ стихѣ пѣсни «Выйду-ль я на рѣченку», столь охотно распѣваемой фабричными и тому подобнымъ людомъ.

Изъ прозаическихъ сочиненій, возникшихъ подъ влияніемъ романтизма Карамзина, извѣстны: В. Измайлова «Путешествіе въ полуденную Россію» и Шаликова «Путешествіе въ Малороссію и въ Кронштадтъ». Владиславъ Васильевичъ Измайловъ (1773—1830) принадлежалъ къ числу ярыхъ поклонниковъ Карамзина и, описывая Россію въ письмахъ къ своимъ пріятелиамъ, старался подражать Карамзину, больше занимался своими впечатлѣніями и мало знакомилъ съ самою мѣстностью, какъ требуется это отъ каждаго путешественника. Не обладая талантомъ Карамзина, Измайловъ, при всемъ своемъ желаніи, не могъ придать интереса своимъ письмамъ, содержаніе которыхъ вышло сухимъ. До смѣшнаго доведена сантимен-

тальность въ сочиненіяхъ князя Шаликова (1768—1852), остроумно осмѣяннаго Воейковымъ въ его извѣстномъ сочиненіи «Домъ Сумасшедшихъ». Путешествія, подобныя сочиненіямъ кн. Шаликова, уже въ тогдашней литературѣ служили предметомъ насмѣшки. Князь Шаховской, которому принадлежатъ цѣлый рядъ комедій, написалъ остроумную піесу подъ названіемъ «Новый Стернь», гдѣ на сценѣ является графъ Пронскій, изливающій свои чувства, которыя постоянно разбиваетъ его слуга Ипать, человѣкъ съ здравымъ смысломъ. — При всей комичности, до которой доведена сантиментальность въ сочиненіяхъ Шаликова, дѣятельность его заслуживаетъ вниманія, какъ писателя, какъ издателя журналовъ (Зритель, Аглая, Дамскій журналъ) и какъ человѣка, вполнѣ преданнаго литературному дѣлу.

Изъ писателей беллетристовъ карамзинскаго періода пользовались извѣстностью: Беницкій и Нарѣжннй. Повѣсти Беницкаго (1781—1809) «Ибрагимъ, или великодушный Бедуинъ», «На другой день» отличаются интереснымъ и простымъ содержаніемъ и всегда заключаютъ въ себѣ какую нибудь нравственную идею. Какъ произведенія человѣка даровитаго, повѣсти Беницкаго и въ настоящее время могутъ читаться съ интересомъ и часто помѣщаются въ учебныхъ хрестоматіяхъ для чтенія. Повѣсти Нарѣжнаго (1780—1825) по своему направленію связываются съ нѣкоторыми изъ произведеній иностранной литературы романовъ. Нарѣжннй написалъ романъ подъ названіемъ «Россійскій Жилблазъ, или похождения князя Гавріила Симоновича Чистякова», въ подражаніе роману французскаго писателя Лесажа «Жильблазъ». Произведеніе Лесажа (1668—1747), сюжетъ котораго заимствованъ изъ испанской жизни, принадлежитъ къ образцовымъ по своему комизму и по занимательности самыхъ походовъ героя, путешествующаго по всему свѣту. Главное достоинство этого романа заключается въ вѣрной обрисовкѣ людей, въ которыхъ мы узнаемъ чрезвычайно много знакомаго (Шерръ). Подражая Лесажу, Нарѣжннй больше всего старался о томъ, чтобы наполнить свой романъ диковинными приключеніями, страсть къ которымъ была развита въ нашемъ обществѣ, благодаря вліянію романовъ Анны Ратклифъ и тому подобныя произведенія. Нашъ романистъ искажалъ во многомъ и событія и характеры. Тогда былъ обычай придавать роману матерьяльное значеніе. Нарѣжннй остался вѣренъ этому обычаю, но нравственный элементъ у него не является, какъ у Лесажа, выводомъ

изъ подробнаго изображенія поступковъ героя, но выражается въ словахъ героя князя Чистякова, что конечно вредитъ художественности произведенія. Достоинство произведенія Нарѣжнаго главнымъ образомъ заключается въ его сатирическомъ направленіи. Въ лицѣ Тримегалоса, провинціального философа-учителя, авторъ осмѣиваетъ очень удачно съ одной стороны схоластическихъ мудрецовъ, съ другой славянофиловъ, намекая на Шишкова и его партію. Одному изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти, смѣявшемуся надъ славянскимъ языкомъ, философъ говоритъ слѣдующія слова: «Что смѣшился, о Горляніе! Не есть ли во времена наши, еда погибло все изящное на земли и нравы — развратишася, — не есть ли, глаголю, чудо зрѣти юношу сего въ толикомъ благомыслии, вѣщающаго языкомъ мудрѣйшимъ и доброгласнѣйшимъ?» Мы видимъ, что Нарѣжный стоялъ за реформу Карамзина, которая такъ не нравилась представителямъ старины, что они готовы были видѣть въ ней источникъ развращенія нравовъ. Изъ другихъ романовъ Нарѣжнаго пользовался извѣстностью «Бурсакъ», въ которомъ онъ довольно остроумно описалъ бурсацкую жизнь обычай и порядки семинарскаго воспитанія.

Еще при жизни Карамзина русская драматическая литература обогатилась съ одной стороны переводами пьесъ Коцебу и ихъ подражаніями, съ другой оригинальными произведеніями русскихъ писателей Шаховскаго, Хмѣльницкаго, Катенина, Ковошкина и другихъ. Хотя эти писатели значительно пережили Карамзина и были даже современниками Пушкина, пережившими и этого поэта, но направленіе ихъ произведеній тѣсно связывается съ эпохою Карамзина. Пьесы Коцебу, написавшаго до двухъ сотъ произведеній, пользовались большимъ успѣхомъ на русской сценѣ. По своему характеру, онѣ принадлежать къ такъ называемой мѣщанской драмѣ, въ которой изображались обыкновенно явленія изъ жизни простыхъ людей съ приличною дозою сентиментальности и трогательныхъ сценъ, возбуждавшихъ къ состраданію чувствительнаго сердца внимательныхъ зрителей. Еще Карамзинъ въ своихъ письмахъ, разбирая драму Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», оживался сочувственно талантъ этого писателя, и съ тѣхъ поръ въ русской литературѣ установился этотъ взглядъ Карамзина. Въ пьесахъ Коцебу нѣтъ собственно вѣрнаго воспроизведенія жизни, но онѣ нравились русской публикѣ, для которой были доступнѣе характеры изъ среды мѣщан-

ской, чѣмъ всё герою псевдоклассической трагедіи, изображавшей часто явленія, понятныя только для людей образованныхъ, но никакъ не для массы. Шаховской и Хмѣльницкій писали для сцены уже въ то время, когда классическая трагедія окончательно упала и только изрѣдка находила себѣ adeptовъ въ лицѣ, напр., Катенина, который, по словамъ Пушкина, воскресилъ величавый геній Корнеля. Публика требовала піесъ, доступныхъ для ея пониманія, и въ этомъ случаѣ произведенія Шаховскаго и Хмѣльницкаго вполне удовлетворили требованіямъ и вкусамъ большинства. Князь Шаховской (1777—1846), принадлежавшій къ числу образованныхъ людей своего времени, весьма много трудился на поприщѣ устройства русскаго театра, справедливо полагая, что театральныя зрѣлища значительно облагораживаютъ людей. По его инициативѣ, заведено было театральное училище, которое правда существовало и раньше, но только для балета и оперы. Шаховской ввелъ преподаваніе драматическаго искусства и устроилъ для этого домашнюю сцену, на которой играли молодые актеры, приготовившіе себя къ драматической карьерѣ. Литературная дѣятельность Шаховскаго отличалась необыкновенною плодовитостью: онъ написалъ до ста театральныхъ піесъ, обнаруживающихъ въ авторѣ неподдѣльное остроуміе и умѣнье рисовать шуточные сцены. Лучшими комическими піесами его считались: «Новый Стернь», «Казакъ стихотворецъ», комическая опера съ малороссійскими пѣснями, и «Липецкія воды», гдѣ изображается похиженія графини Лелевой, пріѣхавшей на воды не лечиться, а блистать своей красотой и журить. Изъ драматическихъ піесъ Шаховскаго особенно извѣстностью пользовалась романтическая драма «Двумужники или Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь», сюжетъ которой заимствованъ изъ старинной русскаго жизни и сопровождается пѣніемъ подблюдныхъ и хороводныхъ пѣсенъ. Піеса эта иногда дается и теперь, преимущественно на провинціальныхъ сценахъ. Николай Ивановичъ Хмѣльницкій (1789—1846) родился въ Петербургѣ. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ вступилъ на поприще гражданской службы и скоро, благодаря своей честности и пониманію дѣла, приобрѣлъ репутацію одного изъ лучшихъ общественныхъ дѣятелей. Въ литературѣ Хмѣльницкій занимаетъ также видное мѣсто. Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія русскій театръ можно сказать только что началъ развиваться и драматическія произведенія Хмѣльницкаго значитель-

но содѣйствовали этому развитію. Прежде всего Хмѣльницкій, изучивъ Мольера, ознакомилъ своими переводами русскую публику съ произведениями одного изъ замѣчательнѣйшихъ комическихъ писателей. Онъ перевелъ стихами двѣ знаменитыя комедіи Мольера: «Тартюфъ» и «Школа женщинъ». Другія сочиненія Хмѣльницкаго состоятъ во 1) изъ подражаній французскимъ писателямъ, во 2) изъ оригинальныхъ комедій и статей. Къ передѣлкамъ принадлежатъ комедій: «Говорунъ», «Воздушные замки», «Суженаго конемъ не объѣдешь», «Новый Парисъ» и др.; изъ оригинальныхъ пользовались успѣхомъ: «Нерѣшительный, или семь пятницъ на недѣлѣ», Свѣтскій случай, и комедія «Своя семья», написанная вмѣстѣ съ Шаховскимъ и Грибоѣдовымъ, гдѣ Хмѣльницкому принадлежитъ сцена экзамена, лучшая во всей пьесѣ. По направленію своей литературной дѣятельности, Хмѣльницкій долженъ быть отнесенъ къ разряду писателей, подражавшихъ французской комедіи, но и подражанія и передѣлки его оказывали вліяніе на развитіе вкуса въ нашей публикѣ и тѣмъ самымъ содѣйствовали сближенію ея съ европейскимъ просвѣщеніемъ, которое долгое время оставалось достояніемъ немногихъ избранныхъ. Не обладая особеннымъ выдающимся дарованіемъ, Хмѣльницкій однакожъ принадлежалъ къ числу умныхъ людей и въ своихъ комедіяхъ нерѣдко обнаруживалъ много остроумія и неподдѣльной веселости, что особенно и было причиною ихъ успѣха на сценѣ. Изъ прозаическихъ статей Хмѣльницкаго пользуется до сихъ поръ извѣстностью небольшая статейка подъ названіемъ «Мой мячикъ», гдѣ авторъ играетъ словами, причемъ дѣлаетъ весьма остроумныя замѣчанія о людскихъ нравахъ. Вотъ для образца одно мѣсто изъ этой статьи: «Первое слово, на которое я сегодня наткнулся, былъ носъ—вещь, натурально, всѣмъ извѣстная, потому что всякій изъ насъ болѣе или менѣе, съ носомъ. И этотъ носъ, право, вещь удивительная! Кромѣ исключительнаго чувства обонянія, притушеннаго нѣсколько суровостью климата, а также способностей чихать, сморгаться и фыркать, ни одинъ членъ или наростъ человѣческаго тѣла не имѣетъ такого чуднаго свойства: въ одно и то же время подвергаться и раздражительности и онѣмбнію. Дайте щелчокъ въ носъ—и носъ зашевелится; попробуйте водить за носъ—и онъ ничего не почувствуетъ. Носы имѣютъ свою характеристику, свою фізіономію. Высуньте любовью носъ, и я, по наукѣ знаменитаго Лафатера, Галля и самого Ари-

стотеля, не только опредѣлю вамъ полъ, возрастъ, но даже многія свойства и національность каждаго носа. Китайскій, итальянскій видны съ перваго взгляда. Русскіе носы не имѣютъ отличительной физиономіи, въ нихъ много татарскаго и нѣмецкаго. Наконецъ, носы можно назвать термометромъ человѣческаго счастья. Какъ ртуть отъ жара и холода, такъ точно и носы, то опускаются, то поднимаются, смотря по тому, знобитъ или грѣетъ. Если носъ фыркаетъ— ему везетъ. Вообще, богачи ихъ вздернули, бѣдняки повѣсили».

Катенинъ Павелъ Александровичъ (1792—1853) довольно рано началъ литературную дѣятельность. Въ журналѣ Бенитцскаго «Цвѣтникъ» помѣщены были въ 1809 и 1810 г.г. его стихотворныя произведенія: пѣсни въ Сельмиѣ, поэма Оссіана, Ночь, подражаніе Геснеру, Смерть Пріама» изъ Виргилія. Въ 1811 году была представлена трагедія Корнеля «Ариадна», переведенная Катенинымъ. Катенинъ особенно любилъ драматическую литературу, оставилъ еще нѣсколько переводныхъ и оригинальныхъ трагедій. Изъ послѣднихъ особенно замѣчательна «Андромаха», сюжетъ которой заимствованъ изъ эпохи Троянской войны. По словамъ Пушкина, Катенинъ никогда не старался угождать вкусу публики, шелъ своимъ путемъ, творя для самого себя, что и какъ ему было угодно. При всемъ своемъ сочувствіи къ театру, Катенинъ однако напрасно старался вернуться во времена ложноклассицизма, для котораго уже прошла пора. Хотя его трагедіи пользовались успѣхомъ на сценѣ, но это объясняется только игрою первоклассныхъ артистовъ, умѣвшихъ изъ ходульной пьесы сдѣлать вещь интересную для зрителей. Единственная заслуга Катенина заключается развѣ въ переводахъ трагедій Расина и Корнеля, которые могли ознакомить читателей, незнавшихъ французскаго языка, съ состояніемъ ложноклассической драмы во Франціи въ произведеніяхъ двухъ замѣчательныхъ ея представителей.

Драматическія произведенія Ковошкина (род. въ 1773) не принадлежатъ къ замѣчательнымъ произведеніямъ. Ковошкинъ былъ директоромъ нашего театра и въ этомъ случаѣ, какъ страстный его любитель, принесъ больше пользы, чѣмъ своими комедіями. — Онъ пригласилъ, между прочимъ, на московскую сцену знаменитаго Щепкина, обучалъ воспитанниковъ драматическому искусству, теорія котораго была имъ изучена основательно. Страстно любя театръ Ковошкинъ самъ игралъ на любительскихъ спектакляхъ, которые онъ

устраивалъ у себя дома, въ присутствіи знаменитыхъ московскихъ профессоровъ и писателей. Подробности о немъ и вообще о тогдашнемъ театрѣ можно найти въ сочиненіи С. Аксакова «Литературныя и театральныя воспоминанія».

Поэтическая дѣятельность Жуковскаго, вытекаая изъ направленія, положеннаго Карамзинымъ, тѣсно связывается съ движеніемъ западноевропейской литературы, преимущественно нѣмецкой, гдѣ съ конца прошедшаго столѣтія возникла такъ называемая романтическая школа. Прежніе поэты, какъ мы знаемъ, находили образцы для подражанія въ древней классической литературѣ, но такъ какъ формы этой послѣдней совершенно не согласовались съ тѣмъ содержаніемъ, на которое указывала новоевропейская жизнь, то поэтому произведенія поэзіи получили ложное направленіе, особенно распространенное во Франціи. Новые германскіе поэты оставили классицизмъ и принялись изучать эпоху средневѣковой жизни, откуда и стала почерпать свои идеалы новая поэзія. Романтическій міръ или, лучше, образъ мыслей средневѣковой эпохи значительно отличается отъ міросозерцанія классическихъ народовъ—грековъ и римлянъ. На это указываетъ намъ средневѣковая эпическая поэзія. Она, какъ извѣстно, дѣлилась на два отдѣла: духовную и свѣтскую. Какъ та, такъ и другая возникли, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ тѣхъ идей, которыя явились какъ результатъ христіанства. Какъ древній челоувѣкъ, жившій язычникомъ, ставилъ на первомъ планѣ матерію и предавался чувственности, такъ общество, просвѣщенное христіанствомъ, стало отдавать преимущество духу и считало тѣлесную сторону челоувѣка источникомъ зла и бѣдствій челоувѣческихъ. Признавъ неоспоримую послѣднюю идею, средневѣковой челоувѣкъ нашелъ и противодѣйствіе: самоотверженіе, аскетизмъ, и презрѣніе ко всѣмъ удовольствіямъ жизни — вотъ тѣ силы, которыми мы можемъ побороть въ себѣ зло. Отсюда и возникли идеалы, на которые указываетъ средневѣковая нѣмецкая поэма «Варлаамъ и Иосафатъ». Свѣтская средневѣковая поэзія выражалась преимущественно въ формѣ баллады и романа. Въ нихъ воспѣвались обыкновенно любовь и разнаго рода приключенія рыцарей. Такимъ образомъ, монашество и рыцарство — вотъ два явленія средневѣковой жизни, которыя и оказали вліяніе на характеръ и содержаніе тогдашней поэзіи. Недовольство настоящимъ, самоотреченіе и аске-

тизмъ, стремленіе къ возвышеннымъ и, повидимому, недоступнымъ идеаламъ—вотъ главнѣйшіе мотивы, которыми проникнута средне-вѣковая эпопея и которые дѣликомъ перешли въ произведенія новоромантической школы конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія. Такъ какъ средневѣковое міросозерцаніе населяло природу существами сверхъестественными, то поэтому фантастичность сдѣлалась преобладающей чертой новѣйшей баллады. Новоромантическіе поэты и писатели, подобные Уланду, Бюргеру, Августу Шлегелю и его брату Фридриху, руководствовались тою мыслью, что въ эпоху среднихъ вѣковъ христіанство объединяло всѣ элементы жизни, и потому они и обратились въ тѣ времена, съ цѣлью сблизить поэзію съ жизнью, которыя дѣйствительно находились почти въ полномъ разладѣ въ произведеніяхъ ложноклассическихъ поэтовъ. Но романтики не достигали этой цѣли и, думая сблизить поэзію съ жизнью, они скорѣе пришли къ противоположному результату, такъ какъ въ своихъ произведеніяхъ создавали идеалы, несогласные съ дѣйствительностью. Кромѣ того, поэты романтической школы, подъ вліяніемъ средневѣковой философіи, часто впадали въ мистицизмъ, т. е. придавали каждому явленію физическаго и нравственнаго міра сверхъестественный и таинственный смыслъ. Многие изъ нихъ до такой степени увлекались средневѣковой жизнью, что думали возобновить ее со всѣми ея подробностями. Жуковскій, хорошо знакомый съ нѣмецкой литературой, ввелъ къ намъ и романтизмъ, который былъ въ этомъ случаѣ продолженіемъ сентиментальности Карамзина.

Василій Андреевичъ Жуковскій (1784—1852) еще въ періодъ своего ученія хорошо овладѣлъ нѣсколькими иностранными языками и занимался переводами. Первымъ произведеніемъ, съ котораго началась поэтическая слава Жуковскаго, былъ переводъ элегіи Грея «Сельское кладбище». Элегія была напечатана въ журналѣ «Вѣстникъ Европы», редація котораго впоследствии перешла къ Жуковскому. Какъ идея произведенія—значеніе всепримиряющей любви, такъ и подробности его содержанія—картина кладбища, тихая, мирная жизнь поселенъ, меланхолическое настроеніе изображеннаго въ элегіи поэта, все это сразу обнаружило въ переводчикѣ призваніе къ романтизму, который былъ характернымъ признакомъ всей поэтической дѣятельности Жуковскаго. Біографія поэта не богата внѣшними фактами, вся она заключена въ его произведеніяхъ, изъ которыхъ чи-

татель и может судить о внутреннем развитіи поэта, о его чувствахъ и о томъ, что его интересовало въ различные моменты жизни. Почти все произведенія Жуковскаго носятъ на себѣ отпечатокъ меланхоліи и грусти. Это явленіе объясняется, съ одной стороны, природными качествами поэта, съ другой неудовлетворенною любовью къ дѣвушкѣ, въ которой не суждено было ему найти себѣ спутницу жизни. Никто изъ современныхъ поэтовъ не могъ такъ ясно и вѣрно воспроизводить нѣжныя чувства души, какъ Жуковский. Но не въ этомъ, безъ сомнѣнія, заключается значеніе его въ исторіи нашей поэзіи. Онъ первый ознакомилъ русское общество съ произведеніями нѣмецкихъ поэтовъ; внесъ въ намъ романтическія идеи, которыя оказали вліяніе на дальнѣйшій ходъ нашей литературы, усовершенствовали поэтическую рѣчь и тѣмъ самымъ приготовилъ ту форму стихотворнаго языка, которой мы удивляемся въ безсмертныхъ твореніяхъ Пушкина и его послѣдователей. Преобладающей формою поэтическихъ созданій Жуковскаго была баллада. Первою балладою, которая возбудила вниманіе общества, была «Людмила», передѣланная изъ произведенія Бюргера «Ленора». Въ ней поэтъ воссоздалъ все признаки романтической баллады, какъ она понималась въ средніе вѣка. Сюжетъ исполненъ таинственности: дѣвушку похищаетъ женихъ и везетъ ее на кладбище; мертвецы встаютъ изъ гробовъ и поютъ жалобную пѣсню, въ которой укоряютъ тѣхъ, кто ропщетъ на судьбу. Таковы же и другія оригинальныя баллады Жуковскаго «Свѣтлана, Аллина и Альсимъ, Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, состоящая изъ двухъ частей: Громобой и Вадимъ и др. Все эти произведенія Жуковскаго проникнуты одинаковымъ направленіемъ, вездѣ таинственность, меланхолія, разнаго рода привидѣнія являются необходимыми составными частями піесы. Жуковский особенно любилъ восхвалять внутренній міръ души человѣка, его радости и горе, любовь и разлуку, неудовлетворенность настоящимъ, стремленіе въ неопредѣленную даль, въ неизвѣстное таинственное будущее. Достаточно взять одно стихотвореніе, и непременно найдешь въ немъ одинъ изъ перечисленныхъ мотивовъ. Какъ понималась поэтомъ любовь — это видно изъ баллады «Эолова Арфа» — одно изъ лучшихъ созданій музыки Жуковскаго. Минвана, дочь могущественнаго рыцаря Ордала, любитъ бѣднаго пѣвца Арминія и готова отвергнуть все, лишь бы проводить время съ любимымъ человѣкомъ. Отецъ узнаетъ о поступкѣ Арми-

нія, пѣвецъ бѣдный изгнанъ изъ отечества; Минвана отъ горя умираетъ, Арминій также; но ихъ любовь продолжается и за гробомъ: при лунномъ свѣтѣ часто видятъ двѣ тѣни, которыя, слившись, летятъ къ тому мѣсту, гдѣ когда-то происходили ихъ свиданія. Идеи любви является въ той же формѣ и въ другой оригинальной балладѣ «Теонъ и Эскинъ». Теонъ доказываетъ своему другу Эскину, что счастье находится не внѣ насъ, но въ глубинѣ нашей души, въ любви, которая не прекращается и тогда, когда любимаго существа уже нѣтъ на свѣтѣ. Такимъ образомъ, романтическая любовь имѣетъ свои свойства: она всегда исполнена меланхоліи и мечтательности. Романтизмъ Жуковскаго заключаетъ въ себѣ элементъ общечеловѣческаго; въ жизни каждаго человѣка бываютъ минуты, когда онъ живетъ тѣми чувствами, какія изображаетъ поэтъ, и вотъ гдѣ источникъ того восторга, которымъ встрѣчалось каждое стихотвореніе поэта.

Слава Жуковскаго главнымъ образомъ основана на многочисленныхъ переводахъ. Какъ переводчикъ, Жуковскій до сихъ поръ не встрѣчаетъ себѣ соперника въ нашей литературѣ. Обладая несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ, онъ всегда вникалъ сначала въ мысль переводимаго оригинала и затѣмъ переводъ становится уже почти оригинальнымъ произведеніемъ, относительно подробностей, сохраняя въ себѣ вполне духъ подлинника. Жуковскій преимущественно любилъ нѣмецкую поэзію, но изъ нея образцовъ онъ дѣлалъ выборъ, переводя такіе, которые согласовались съ его личнымъ настроеніемъ. Любимыми поэтами были: Уландъ, Бюргеръ, Гебель, Рюккертъ, Гете, Шиллеръ и другіе. Переводы изъ Уланда: Сонъ, Пѣснь Бѣдняка, счастье военъ, баллады Мщеніе, Гаральдъ; изъ Гебеля: Овсянный кисель, Деревенскій Сторожъ въ полночь, Тѣнность (въ формѣ разговора) и др.; изъ Рюккерта-Наль и Дамаанти, Рустемъ и Зарабъ; изъ Шиллера рядъ балладъ изъ классическаго и средневѣковаго быта и драма «Орлеанская дѣва»; изъ сочиненій Гете переведено очень мало—изъ нихъ особенно извѣстенъ переводъ баллады «Лѣсной Царь». Въ ряду произведеній нѣмецкихъ писателей, которыхъ переводилъ Жуковскій, безъ сомнѣнія первое мѣсто занимаютъ произведенія Шиллера. Но Шиллеръ великъ не въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя были переданы Жуковскимъ; славу его составили «Разбойники», «Заговоръ Фіеско» и въ особенности Вильгельмъ Тель, гдѣ онъ является проповѣдникомъ

свободы и защитникомъ человѣческихъ правъ. Вотъ почему по переводамъ Жуковскаго нельзя ознакомиться съ духомъ Шиллеровской поэзіи. Орлеанская дѣва, въ которой изображается судьба Жанны д'Аркъ, принадлежитъ къ слабѣйшимъ произведеніямъ Шиллера, и Жуковскій выбралъ ее единственно потому, что она по духу своему относится къ произведеніямъ романтическимъ. Въиномъ поэтической дѣятельности Жуковскаго долженъ считаться переводъ Одиссеи, древнегреческой народной поэмы, приписываемой обыкновенно Гомеру. Жуковскій не зналъ греческаго языка, но одинъ нѣмецкій классикъ перевелъ подстрочно всю поэму съ объясненіемъ каждаго слова на нѣмецкій языкъ, и Жуковскій переводилъ уже съ этого языка. Не смотря на такое неудобство, переводъ Жуковскаго вышелъ блистательнымъ: простота подлинника, какъ произведенія еще первобытнаго поэтическаго творчества, вполне сохранена переводчикомъ. Ясно, что здѣсь выручилъ Жуковскаго его талантъ, помогшій ему проникнуть въ сущность произведенія, форма котораго не имѣетъ никакого сходства съ формою поэтическаго творчества новаго періода. Личное настроеніе поэта оказывало часто вліяніе на характеръ его переводовъ. Такъ онъ перевелъ между прочимъ «Шильонскаго Узника» Байрона, но придавъ лицамъ, тамъ изображеннымъ, романтической колоритъ, котораго и слѣдовъ нѣтъ въ произведеніи англійскаго лирика. Тотъ же самый недостатокъ можно встрѣтить и въ переводѣ Одиссеи, который, несмотря на это, остается до сихъ поръ единственнымъ въ нашей литературѣ.

Жуковскій жилъ преимущественно въ мірѣ созданныхъ имъ идеаловъ; онъ мало вникалъ въ ходъ окружавшей его жизни, отчего и произведенія его негасаются ни какихъ общественныхъ вопросовъ. Правда, въ эпоху двѣнадцатаго года, когда Жуковскій лично участвовалъ въ ополченіи, имъ написаны были двѣ піесы патріотическаго направленія «Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ побѣдителей» и «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», но это были произведенія, въ которыхъ нельзя не замѣтить искусственности и высокопарности, составляющихъ неотъемлемое свойство ложноклассической эпопеи въ духѣ Хераскова и тому подобныхъ стихотворцевъ. Жуковскій вообще не любилъ шумной столичной жизни, какъ это видно изъ его писемъ, и предпочиталъ ей жизнь деревенскую, гдѣ можно было наслаждаться картинами природы и въ тиши предаваться поэзіи.

Семейная жизнь, по мнѣнію Жуковскаго, выше общественной. Счастье заключается въ добродѣтели, а семейство и есть то тихое, сокрытое отъ людей, поприще, на которомъ совершаются самые безкорыстные подвиги добродѣтели. Въ 1826 году Жуковскій назначенъ былъ воспитателемъ наследника престола Александра Николаевича, нынѣ благополучно царствующаго Государя. Занятія педагогическимъ дѣломъ на время отвлекли его отъ литературнаго поприща. Въ 1844 году Жуковскій, сложивъ съ себя званіе наставника и обезпеченный на всю жизнь, поѣхалъ за границу, откуда и не возвращался болѣе въ Россію. Въ 1852 году Жуковскій скончался въ Баденъ-Баденѣ; тѣло его перевезено въ Петербургъ и похоронено въ Александроневской лаврѣ рядомъ съ могилою Карамзина.

Изученіе классической поэзіи русскими писателями оказало вліяніе на развитіе поэтическихъ идеаловъ и художественнаго стихотворнаго языка. Въ этомъ отношеніи замѣчательна дѣятельность Батюшкова и Гнѣдича, какъ двухъ поэтовъ, глубоко понимавшихъ духъ древней поэзіи.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ (1787 — 1855) родился въ Вологдѣ и, привезенный въ Петербургъ, воспитывался въ частномъ пансіонѣ, гдѣ основательно изучилъ французскій и итальянскій языки. Еще въ дѣтствѣ лишившись матери, которая страдала умопомѣшательствомъ, Батюшковъ долгое время жилъ подъ руководствомъ М. Н. Муравьева, который принималъ въ немъ живое участіе, замѣнивъ отца, высказывавшаго всегда полное равнодушіе къ своимъ дѣтямъ. Муравьевъ, какъ человѣкъ образованный, сумѣлъ внушить питомцу любовь къ классической и итальянской литературѣ, изученіе которыхъ имѣло вліяніе на характеръ поэтической дѣятельности Батюшкова. Къ 1805 году относится начало этой дѣятельности. Военная служба не мѣшала Батюшкову заниматься поэзіею, какъ страстно имъ любимымъ предметомъ. Живя въ Финляндіи, гдѣ стояли русскія войска во время войны съ Швеціею, поэтъ наслаждался величественными картинами природы и подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія перевелъ Элегію Маттисона «На развалинахъ замка въ Швеціи». Оставивъ службу, Батюшковъ предался литературнымъ занятіямъ, вступивъ въ Арзамасское общество, составившееся изъ молодыхъ писателей, сдѣлался членомъ московскаго общества любителей россійской словесности, при вступленіи въ которое прочиталъ рѣчь

«О вліяніи легкой поэзи на языкъ». Батюшковъ всегда былъ недоволенъ своею судьбою: его честолюбіе враждовало съ поэтическимъ призваніемъ, и эта вражда влекла за собою частыя физическія и нравственныя страданія, подъ вліяніемъ которыхъ онъ сталъ даже замѣтно охладѣвать къ литературѣ «Меня здѣсь ласкають добрые люди, писалъ онъ; я на розахъ какъ авторъ и на шипахъ какъ чело-вѣкъ. Успѣхи въ словесности ни къ чему не ведутъ, а ими восхищаться не должно. Тѣ, которые хвалятъ, завтра бранить будутъ. Ничего вѣрнаго не имѣю, кромѣ 400 рублей дохода». Отказавшись отъ брака съ любимой дѣвушкой по той причинѣ, что средства были недостаточны, Батюшковъ сталъ часто задумываться, предаваться меланхоли, которая постепенно развиваясь привела за собою разстройство умственныхъ способностей. Это произошло въ 1822 году. Съ той поры и до смерти Батюшковъ страдалъ тихимъ помѣшательствомъ и жилъ безвыѣздно въ Вологдѣ. Батюшковъ написалъ весьма не много: всѣ его поэтическія и прозаическія произведенія составляютъ всего только два небольшихъ тома. Отличаясь въ противоположность сочиненіямъ Жуковскаго, опредѣленностью и ясностью, поэзія Батюшкова однакожъ не могла произвести вліянія на общество, какое оказала Жуковскій своими романтическими балладами. Но несмотря на это поэтическая его дѣятельность имѣетъ важное значеніе въ исторіи русской поэзи, такъ какъ образы, созданныя Батюшковымъ, и его пластическій стихъ, проникнутый духомъ классическихъ поэтовъ, давали возможность русской поэзи развить такую художественную форму, какую мы видимъ въ стихахъ Пушкина и его послѣдователей. Помимо оригинальныхъ произведеній, Батюшкову принадлежать: во 1) подражанія греческимъ антологическимъ поэтамъ, во 2) вольные переводы элегій Тибулла и въ 3) подражанія итальянскимъ поэтамъ, Петраркѣ, Тассу и Аріосту. Батюшковъ былъ первымъ русскимъ поэтомъ съумѣвшимъ проникнуть въ духъ классической поэзи, которая до него не оказывала вліянія на нашу литературу. Его антологическіе стихи какъ по формѣ, всегда отличающейся пластичностью и ясностью, такъ и по содержанію напоминаютъ произведенія древнихъ греческихъ поэтовъ, которые были хорошо изучены Батюшковымъ посредствомъ французскихъ переводовъ. Правда, антологія Батюшкова однообразна: эпикуреизмъ, или наслажденіе жизнью, ея единственный мотивъ, но это однообразіе вы-